

М. В. Агбунов

ЗАГАДКИ ПОНТА ЭВКСИНСКОГО

(Античная география Северо-Западного Причерноморья)

**Москва
«Мысль»
1985**

ББК 63.4
А23

Редакции
географической
литературы

Ответственный редактор — доктор исторических наук И. Т. Кругликова

Рецензент — кандидат исторических наук А. В. Подосинов

Оформление художников: И. Гансовской и О. Туркова

Фото:
М. В. Агбунова, В. В. Афанасопуло, В. А. Суетина

Агбунов М. В.
А23 Загадки Понта Эвксинского (Античная география Северо-Западного Причерноморья) / Отв. ред. И. Т. Кругликова. — М.: Мысль, 1985. — 160 с., ил., 8 л. ил. 50 к.

Две с половиной тысячи лет назад на побережье Черного моря возникло множество античных городов и поселений. Они просуществовали около тысячи лет и оставили современным исследователям много неразгаданных тайн и загадок. О решении интересных спорных проблем античной истории и географии, о поисках остатков древнегреческих городов, о комплексных историко-археологических и палеогеографических исследованиях рассказывает эта книга.

© Издательство «Мысль» 1985

OCR и вычитка – Aspar, 2010.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение—3
От Истра к Бараньему Лбу —33
Отмель Стефы — 43
Башня Неоптолема — 51
Остров тирагетов — 76
Офиусса, или «Змеиный остров» — 87
Никоний: поиски и раскопки—102
Остров Борисфен (Борисфенида) —113
Где был город Одесс? —129
Эксампей, или Священные пути —139
Заключение —157
Список сокращений —159

Матери посвящаю

Человек должен верить, что непонятное можно понять;
иначе он не стал бы размышлять о нем.

Гёте

После того как исключено все невозможное, оставшееся
всегда правильно, каким бы оно ни казалось невероятным.

Конан Дойл

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, в VII—VI вв. до н. э. на северных берегах Черного моря появились греческие города и поселения. Они просуществовали около тысячи лет, находясь в тесном контакте с местными племенами: скифами, гетами, фракийцами, сарматами и др., развивая оригинальную материальную и духовную культуру, создавая неповторимые шедевры искусства и архитектуры. В IV в. н. э. почти все античные города Северного Причерноморья прекратили свое существование, были забыты и постепенно превратились в руины. Античный мир Причерноморья ушел в прошлое и был предан забвению на многие века.

Были забыты и произведения античных историков и географов. Большая часть этих трудов погибла во времена средневековья. Но позже вновь появился интерес к изучению античных авторов. В эпоху Возрождения ученые настойчиво отыскивали сохранившиеся рукописи, скрупулезно переписывали их и затем издавали в появившихся к тому времени типографиях. Так до нас дошли ценнейшие сведения по истории, географии, этнографии Причерноморья. Геродот, Псевдо-Скилак, Страбон, Арриан, Анонимный автор, Птолемей и другие античные писатели довольно подробно рассказывают о Черноморском побережье, о городах и поселениях, портах и гаванях, местных племенах, отмечают крупные реки, лиманы, заливы, острова и т. д.

Труды этих авторов многие столетия были единственным источником по античной истории и географии Северного Причерноморья. В конце XVIII в. начались археологические исследования Причерноморья, развернулись поиски упоминаемых древними писателями населенных пунктов. Самые крупные города — Ольвия, Херсонес, Пантикапей — были найдены без особого труда.

Их впечатляющие руины сразу же привлекли к себе внимание первых исследователей. А находки среди развалин монет и надписей с названием этих городов не оставляли сомнения в том, что Херсонес — это Херсонес, Ольвия — Ольвия и т. д. Таким

образом, никаких споров относительно того, где именно находились эти города, практически не возникало.

Сложнее обстоял вопрос с небольшими городами, поселениями, гаванями, названий которых нет ни на монетах, ни в надписях. Определить их местоположение и отождествить с конкретными городищами можно только на основании сведений древних авторов. Тут-то и начались трудности. Оказалось, что в письменных источниках немало противоречий, неясностей, расхождений в указании расстояний. Нередко один и тот же пункт помещался в разных местах. Например, башня Неоптолема отмечена Страбоном «при устье реки Тиры» (Днестра), а Анонимным автором — в 120 стадиях западнее устья. Расстояние между гаванью истриан и гаванью исиаков равно, по Арриану, 50 стадиям, а по Анонимному автору — 90 стадиям. Город Никоний находился, по данным Страбона, в 140 стадиях от устья Тиры, а Анонимный автор сообщает, что «от местечка Никония до судоходной реки Тиры 30 стадиев»*. Сведения о некоторых поселениях в корне противоречат друг другу. Например, Офиуссу одни писатели называют самостоятельным городом, другие указывают, что это древнее название города Тиры. Подобные расхождения исследователи обычно объясняли ошибкой одного из источников. Так появился и стал традиционным вопрос: кто из античных писателей прав? Чьим сведениям можно верить, а чьи считать ошибочными?

Кроме того, обнаружились несоответствия между сведениями древних авторов и современными данными. Например, Плиний указывает, что на реке Тире «обширный остров населяют тирагеты», а в действительности в наше время никакого острова здесь нет. По сообщению Страбона, река Борисфен (Днепр) судоходна на 600 стадиев, тогда как Действительная длина судоходной части реки в несколько раз больше. Нередко в том месте, где античные писатели указывали тот или иной пункт, археологи не находили никаких следов городища. Это еще больше усиливало недоверие к сведениям древних авторов. В результате сложилась традиция недоверия к античным источникам, и вопрос о местоположении многих городов и поселений стал предметом острых дискуссий, которые продолжались не одно столетие. Бывали случаи, что ученые локализовали один и тот же город в пяти-шести и более местах и даже подвергали сомнению существование многих городов, гаваней и островов.

Археологические исследования, особенно широко развернувшиеся в послевоенное время, помогли решить ряд спорных проблем. Материалы раскопок и разведок в основном подтвердили многие сведения древних авторов. К письменным источникам стали относиться с большим вниманием и доверием. Но далеко не все противоречия и неясности, имевшиеся у античных авторов, были решены. Достаточно сказать, например, что только для побережья между устьями Дуная и Днестра остались неясными вопросы о местоположении по крайней мере десяти населенных пунктов, нескольких островов и других географических объектов.

Лишь в последние годы удалось решить или приблизиться к разрешению многих проблем локализации античных объектов.

Ключ к решению этих проблем дала палеогеография, которая сочеталась в комплексе с источниковедением, археологией и картографией. Как выяснилось, большинство несоответствий и расхождений, которые мы обнаруживаем у античных писателей, возникли из-за палеогеографических изменений, происшедших за 2,5 тыс. лет на побережье Северного Причерноморья. Поэтому для решения многих вопросов потребовались палеогеографические реконструкции побережья, а в ряде случаев — и подводные археологические исследования.

Комплексные работы показали, что сведения древних авторов в большинстве своем, в первую очередь в историко-географической части, абсолютно достоверны и не

* Стадий (стадия) — древнегреческая мера длины. В Греции существовало несколько различных по величине стадиев (см. с. 52 сл.).

должны вызывать никаких сомнений. Недоверие и обвинения в их адрес оказываются беспочвенными.

Письменные источники в сопоставлении с палеогеографическими реконструкциями и археологическими данными позволяют во многих случаях точно локализовать целый ряд античных городов и отождествить их с конкретными городищами, а также решить и другие спорные вопросы. Полученные результаты наглядно подтверждают меткое выражение знаменитого фламандского географа XVI в. А. Ортелия: «География — глаза истории».

Эта книга посвящена загадочным и часто спорным вопросам античной географии Северо-Западного Причерноморья. В ее основу положены результаты историко-географических исследований, проведенных автором в последнее десятилетие. Не все излагаемое здесь аргументировано с одинаковой полнотой. Некоторые положения подтверждены бесспорными фактами, другие же пока еще остаются гипотезами. Надеюсь, читатель сам разберется в том, какой вывод можно считать установленной истиной, а какой требует еще дополнительных доказательств.

Поставленные в работе задачи определили комплексный характер исследований: всестороннее изучение письменных, археологических, палеогеографических, картографических и других источников. На первом этапе проводился детальный анализ сведений античных авторов и сопоставление с современной географией региона. Берега Северо-Западного Причерноморья обрывистые, активно разрушаются морем. Даже при беглом знакомстве с ними заметно, как море интенсивно наступает на сушу. Это сразу же наводит на мысль о том, что в античное время это побережье выглядело несколько иначе. Эту мысль подкрепляют выявленные противоречия, неясности и несоответствия в расстояниях между данными древних географов и современными измерениями.

На втором этапе исследований необходимо было получить палеогеографическую реконструкцию изучаемого побережья для античного времени. Изучение всего комплекса имеющихся геолого-географических данных в каждом конкретном случае дает возможность выяснить, как выглядел тот или иной участок берега в интересующий нас период. Общая тенденция происходящих изменений ясна — наступление моря на сушу в результате повышения уровня моря, опускания суши и других геологических процессов. В древности береговая линия проходила южнее. За прошедшие 2,5 тыс. лет морем уничтожена довольно значительная полоса берега — от нескольких десятков метров до километра и более.

В процессе разрушения берегов и затопления низменных участков частично или полностью были затоплены многие античные поселения, располагавшиеся у древней береговой линии. Общеизвестно, например, что под водой находится прибрежная часть таких крупных городов, как Ольвия, Херсонес, Фанагория и др. А сколько небольших городов и безымянных поселений поглотило море?!

На следующем этапе работы перед нами стояла задача — выявить по возможности остатки затопленных морем античных памятников и получить наиболее полную картину размещения существовавших здесь населенных пунктов. На протяжении нескольких лет нами проводились тщательные археологические разведки как на современном побережье, так и в прибрежной зоне моря и приморских лиманов.

Для решения наших задач было достаточно проведения общих подводных археологических разведок с целью выявления затопленных античных памятников и сбора необходимого керамического материала для их датирования. Исследования велись с помощью аквалангистов под руководством опытных водолазных специалистов с соблюдением всех правил проведения подводных работ. В интересующих нас местах аквалангисты сплошным прочесыванием обследовали дно моря в поисках остатков затопленных поселений. Работы велись в основном в прибрежной полосе моря, в нескольких сотнях метров от современного берега, на глубине примерно 3—4 м. Видимость в этом районе моря очень незначительная, порой приходилось вести поиск почти на ощупь,

вслепую. От разрушенных морем поселений аквалангист находит в основном скатанные волнами обломки амфор, лепной посуды, небольшие камни, которые некогда составляли кладки и другие сооружения. Как правило, эти находки встречаются уже в перемещенном виде и показывают лишь примерное местонахождение поселения, которое существовало здесь, на древнем берегу, а затем было разрушено и затоплено морем.

В результате подводных исследований нам удалось обнаружить целый ряд неизвестных ранее затопленных морем поселений, которые существенно дополняют наши представления о заселенности изучаемого региона в античное время.

И на заключительном этапе исследований, после комплексного изучения имеющихся данных были сделаны конкретные выводы и предположения о местоположении локализуемых античных городов, поселений, островов и других объектов.

В предлагаемой книге письменные источники цитируются в основном по известному сборнику В. В. Латышева «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе» (т. 1—2. Спб., 1893—1906; перевод переиздан: ВДИ, 1947—1949, № 1—4). При необходимости даются отрывки из отдельных новейших изданий Геродота, Страбона, Плиния и других античных писателей. В некоторых случаях автору пришлось давать собственный перевод.

Пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность моим учителям, коллегам и товарищам по работе, которые в свое время поддержали мои начинания и оказывают и сейчас различную помощь в проводимых исследованиях: Ю. Г. Виноградову, А. С. Голенцову, Л. И. Грацианской, Ю. М. Десятчикову, Г. И. Иванову, П. О. Карышковскому, Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликовой, С. Д. Крыжицкому, А. А. Масленникову, В. М. Отрешко, С. Б. Охотникову, Б. Г. Петерсу, А. В. Подосинову, М. В. Скржинской, И. Т. Чернякову, Ф. В. Шелову-Коведяеву, К. К. Шилику, В. И. Шмуратко, А. Н. Щеглову и многим другим.

Особенно глубоко я признателен В. В. Погорелой за постоянное многолетнее участие в сборе и изучении историко-географических и картографических материалов, в проведении полевых и подводных археологических исследований.

* * *

Греческая колонизация Причерноморья, как известно, сыграла огромную роль в истории античной Греции и причерноморских народов, населявших в древности это побережье. Колонизация вовлекла этот регион в орбиту античной цивилизации, и он стал одним из оживленных районов тогдашней ойкумены. С появлением здесь греческих городов древние авторы связывают переименование Черного моря из Понта Аксинского (Негостеприимное море) в Понт Эвксинский (Гостеприимное море). Страбон, например, пишет, что во времена Гомера «это море было недоступно для плавания и называлось Аксинским из-за зимних бурь и дикости окрестных племен, особенно скифов, так как последние приносили в жертву чужестранцев, поедали их мясо, а черепа употребляли вместо кубков. Впоследствии, после основания ионянами городов на побережье, это море было названо Эвксинским» (VII, 3, 6). Евстафий, знаменитый митрополит фессалоникский, живший во второй половине XII в., в своих комментариях к «Землеописанию» Дионисия говорит об этом подробнее: «Эвксин, неудобный для плавания и потому некогда называвшийся Негостеприимным морем, позднейшие переименовали в Гостеприимное море в виде эвфемизма.

А Негостеприимным он назывался или вследствие того, что не имеет островов с пристанями, или из-за живущих по берегам его скифов, необщительных варваров, которые даже убивали для жертвы чужестранцев и ели их мясо, а из человеческих черепов делали чаши. Другие же говорят, что Геракл очистил здешние места и сделал море из Негостеприимного Гостеприимным. Иные этот подвиг приписывают ионянам, которые основали на побережье много городов» (§ 146; ВДИ, 1948, № 1, с. 243—244).

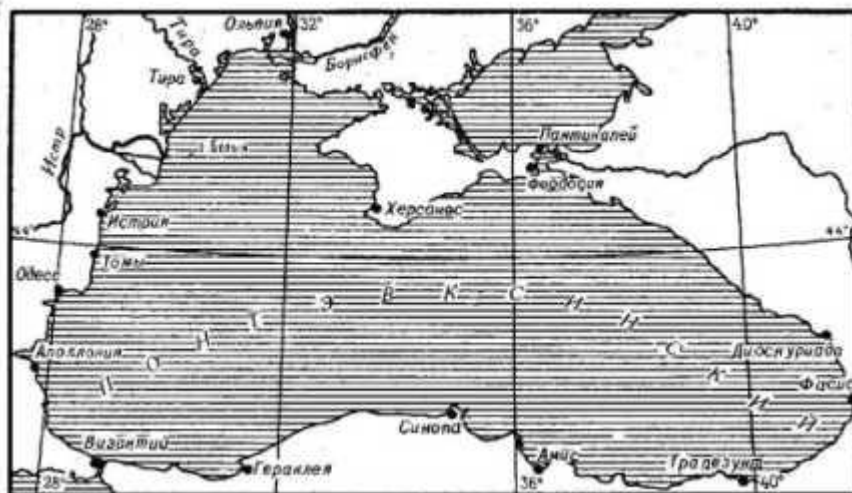

Рис. 1. Понт Эвксинский

А само название Понт Аксинский представляет собой переосмысленное греками местное наименование, восходящее к иранскому АКШАЙНА — темный, черный. Так ираноязычные скифы называли это море, сохранившее свое название до сих пор. Греки же вывели из него свое, близкое по звучанию — АКСИН. И вот во второй половине VII в. до н. э. началась греческая колонизация Северного Причерноморья. Побережье от Истра (Дуная) до Танаиса (Дона), составляющее приморскую часть Скифии, стало одним из главных районов понтийской колонизации. Основным центром переселенческого движения был город Милет, крупный торговый и культурный центр, расположенный на малоазийском побережье. Страбон писал о нем: «Много славных деяний совершил этот город, но величайшее из них — это множество основанных им колоний, потому что весь Эвксинский Понт, Пропонтида и многие другие места были колонизованы милетянами» (XIV, 1, 6; перевод Г. А. Стратановского).

Обращает на себя внимание, что в это время скифские военные отряды находились именно в Малой Азии, в непосредственной близости от Милета. Огнем и мечом скифы прошли по малоазийским государствам и долгое время господствовали здесь. Яркую характеристику этому господству дает Геродот: «В течение двадцати восьми лет скифы властвовали над Азией, и за это время они, преисполненные наглости и презрения, все опустошили. Ибо, кроме того, что они с каждого взимали дань, которую налагали на всех, они еще, объезжая страну, грабили у всех то, чем каждый владел» (I, 106)¹. Разоряя Мидию, Лидию, Киликию и другие страны, скифы, как известно, обходили стороной расположенные на побережье греческие города. Милет не только не пострадал от скифского господства, но и стал основывать свои колонии в самой Скифии. Это наводит на мысль о том, что греки еще здесь, в Малой Азии, заключили договор со скифами об основании колоний на северных берегах Понта Эвксинского.

Проблемы греческой колонизации занимают одно из важных мест в истории античности. Однако вопрос о ее причинах и характере все еще остается дискуссионным². Ученые выдвинули две основные теории колонизации — торговую и аграрную. Сторонники торговой теории полагают, что основной движущей силой было стремление к новым рынкам сбыта и источникам сырья. А приверженцы аграрного направления считают, что переселенцы покидали родину в поисках новых плодородных земель. В последнее время высказывается мнение о том, что причины колонизации нельзя объяснить только торговой или аграрной теорией: они могли сочетать в себе несколько факторов при ведущей роли одного из них.

Как же протекал процесс освоения греческими переселенцами Северо-Западного Причерноморья? В 657/656 году до н. э., как отмечено в «Хронике», составленной в первой половине IV в. н. э. Евсевием, епископом Кесарии Палестинской, несколько южнее

устьев Истра милетяне основали город Истрию, а в 645/644 г. вблизи устья Борисфена — одноименный город Борисфен, расположенный на современном острове Березань. Несколько позже на правом берегу Гипаниса (Южный Буг) у современного села Парутино вырос город Ольвия. В VI в. до н. э. греки освоили низовья Тираса, где возникли Офиусса, Никоний и другие города. В течение этого века вокруг основанных городов появились десятки небольших поселений — их сельскохозяйственная округа. Со временем колонисты освоили практически все побережье от Истра до Борисфена.

Появление греческих городов резко оживило жизнь Северо-Западного Причерноморья. Ближе к ним стали концентрироваться местные племена. Появилось немало местных поселений, жители которых занялись выращиванием хлеба и других сельскохозяйственных продуктов для продажи в греческие города. Из Греции сюда везли вино, оливковое масло, пряности, дорогую чернолаковую посуду, украшения, различные предметы роскоши и т. п. Оживленная торговля способствовала быстрому росту греческих городов, их процветанию. Крепли и развивались культурные связи. Дальнейшая почти тысячелетняя история античных городов насыщена богатыми историческими и военно-политическими событиями, тесно переплетена с историей местных племен.

Проблемы античной географии Северо-Западного Причерноморья, в частности и всего Черноморского бассейна вообще, представляют собой одну из наиболее важных и интересных тем для исследователей древней истории этого региона. Эта тема привлекает внимание специалистов разных отраслей науки: историков, археологов, географов, филологов и др. Интересует она и широкие круги многочисленных читателей, которых всегда привлекало и привлекает все, связанное с античной историей Причерноморья, с древней Элладой.

Древние авторы дают лаконичный, но насыщенный важной информацией разнообразный материал для увлекательных историко-географических исследований. Здесь еще немало загадочных проблем, которые ждут своих исследователей.

Работать в этой области нелегко, так как эти проблемы долгое время оставались вне поля зрения современной науки. Некоторый сдвиг наметился лишь в последние десятилетия, когда необходимость историко-географических исследований стала настолько очевидной, что археологам пришлось срочно привлекать данные палеогеографии и пересматривать некоторые устоявшиеся положения. В истории изучения античной географии произошел своеобразный переворот. Но этими проблемами лишь время от времени занимаются только отдельные ученые. Создание специального отдела, четкое планирование и координация исследований подняли бы изучение античной географии на качественно новый уровень, открыли бы широкие возможности для комплексного изучения стоящих проблем и написания обобщающих работ по древнему Причерноморью.

* * *

В нашей книге рассматривается небольшая северозападная часть Причерноморья. В историко-географическом отношении это один из самых интересных регионов. Именно здесь больше всего интересных, но сложных, запутанных проблем. Для того чтобы полнее и правильнее понять эти проблемы, необходимо вкратце осветить историю их изучения, историю длительных поисков, каждый этап которой ярко отражает уровень развития историко-географических знаний в целом.

Северо-Западное Причерноморье охватывает приморскую часть междуречья Дуная и Днепра. Это холмистая степь с многочисленными лиманами, озерами, реками. Здесь протекают такие крупные реки, как Дунай, Днестр, Южный Буг, Днепр. Самые значительные лиманы — Днестровский, Березанский, Днепро-Бугский — сообщаются с морем, а более мелкие — Сасыкский, Алибейский, Бурнасский, Дофиновский, Тилигульский и другие — полностью отгорожены пересыпями. Берег моря образует плавную извилистую линию. Открытые лиманы и заливы представляют собой удобные для стоянки судов гавани. Все это создает хорошие условия для мореплавания.

Во времена Древней Греции этот регион был заселен довольно густо. На побережье существовали десятки городов и поселений, в степи кочевали скифские и гето-фракийские племена. Древние авторы указывают здесь более десятка крупных населенных пунктов: башню Неоптолема, Гермонактову деревню, города Никоний, Офиуссу, Тиру, остров тирагетов, гавани истриан и исиаков, местечко Скопелы, город Одесс и др. Эти сведения привлекают внимание исследователей уже более четырех столетий. Они вызвали продолжительные оживленные дискуссии, часть которых не прекратилась и сегодня. Основные споры связаны с поисками указанных в источниках городов и поселений и толкованием некоторых не совсем ясных сообщений античных писателей. Некоторые из этих проблем не получили своего решения, стали загадками античной истории и географии и сплелись поистине в gordiev узел.

Ограниченный объем не позволяет дать исчерпывающую историографию, поэтому мы остановимся только на основных работах. Конкретная история поисков изучаемых объектов приводится далее, при их локализации. Здесь же я попытаюсь показать историю изучения проблемы в целом.

Интерес к произведениям античных историков и географов появился еще в позднем средневековье. Уже первые переводчики и комментаторы пытались в примечаниях определить местоположение указываемых в источниках городов, поселений и других географических объектов. Так, например, И. Стукий, издавая перипл* Арриана, приложил к тексту карту, на которой попытался локализовать башню Неоптолема, Гермонак-тову деревню, Никоний и другие пункты³. Такие же попытки предпринимали и некоторые средневековые картографы. Составляя современные им карты, они иногда наносили на них и давно не существовавшие античные города, сведения о которых черпали у древних авторов. Одна из первых таких попыток принадлежит выдающемуся картографу XVI в. Г. Меркатору, непревзойденному мастеру средневековой картографии. На ряде его карт вместе со средневековыми городами отмечены также башня Неоптолема, Гермонактова деревня, Офиусса, Никоний⁴.

Еще в XVI в. были сделаны первые попытки отыскать остатки упоминаемых в источниках античных городов и поселений. Так, в 1578 г. польский дипломат и путешественник М. Броневский пытался отыскать в устье Днестра башню Неоптолема⁵.

На протяжении XVII—XVIII вв. время от времени появлялись работы, в которых высказывались отдельные мнения о местоположении тех или иных населенных пунктов, островов, рек.

Первым значительным исследованием по этим вопросам был труд К. Маннерта, отдельные главы которого специально посвящены проблемам локализации многих объектов Северо-Западного Причерноморья⁶. Здесь важно подчеркнуть, что исследователь считал географическую обстановку региона неизменной и поместил башню Неоптолема на пересыпи Днестровского лимана. Отметим также, что, по его мнению, древние авторы под устьем Тиры имели в виду современное устье Днестра.

Следующей крупной работой, в которой были рассмотрены интересующие нас вопросы, явилась обширная статья Г. Келера⁷. Следует подчеркнуть, что в отличие от предыдущих исследователей он понимал под устьем Тиры не устье Днестра, а устье Днестровского лимана. Этот вопрос имеет принципиально важное значение, так как от его решения зависит локализация нескольких существовавших в этом районе городов и поселений.

Время с XVI в. по 20-е годы XIX в. можно считать первым периодом изучения античной географии Северо-Западного Причерноморья. В этот период исследователи решали проблемы в кабинетах и чаще всего даже не представляли, как выглядит реальная местность в районе поисков. Естественно, что они искали объекты лишь на картах. Да в то время и не были известны здесь остатки античных городов и поселений. Лаконичность, а

* О периплах см. на с. 21.

иногда и противоречия в сведениях древних авторов, полное отсутствие археологических данных привели к тому, что уже в первых работах были высказаны различные точки зрения о местоположении тех или иных пунктов. А новые исследователи только увеличивали число мнений. Так постепенно была подготовлена почва для длительных споров.

Второй период исследований открывается работой И. А. Стемпковского, одного из пионеров изучения античных древностей Северо-Западного Причерноморья. Историко-географические вопросы привлекли его внимание в связи с открытием на Приморском бульваре Одессы крупного поселения. Анализируя сведения древних авторов, археологические данные, ученый высказал свое мнение о местоположении античных городов и поселений между устьями Днестра и Днепра⁸. При этом он пришел к очень важному выводу о том, что за прошедшее время здесь произошли довольно значительные изменения береговой линии.

К середине XIX в. появляется серия работ по античной географии, в которых предпринимаются новые попытки локализовать рассматриваемые объекты⁹. Э. Г. Муральт посвятил локализации населенных пунктов от Дуная до Южного Буга небольшую, но содержательную статью¹⁰. Работа написана в традиционном стиле, без учета палеогеографических изменений.

По мнению автора, в античное время лиманы, так же как и сейчас, были отгорожены пересыпями. Поэтому он без всяких сомнений поместил остров тирагетов на пересыпи Днестровского лимана между Цареградским и Очаковским гирлами.

Огромную роль в исследовании рассматриваемых проблем сыграл обширный обстоятельный труд П. В. Беккера. Он провел тщательный анализ письменных источников, критически рассмотрел предшествующие точки зрения и подробно, аргументированно высказал свое мнение о местоположении древнегреческих городов и поселений¹¹. Здесь широко привлекаются известные в то время данные археологии, предприняты серьезные попытки выявить происшедшие палеогеографические изменения. Беккер подверг критике мнение Муральта о том, что остров тирагетов находился на пересыпи Днестровского лимана, и убедительно доказал, что она не существовала в античное время. А древний остров, по его мнению, следует отождествлять с островом между основным руслом Днестра и небольшой протокой при его впадении в лиман. Выводы о палеогеографических изменениях основаны на чисто логических умозаключениях и наблюдениях, так как наука в то время еще не располагала необходимыми данными.

Важно подчеркнуть и попытку П. В. Беккера объяснить, почему Страбон указывает башню Неоптолема «при устье Тиры», а Анонимный автор — в 120 стадиях западнее. Обычно исследователи считали, что один из древних авторов ошибся. Беккер же пришел к выводу, что никакой ошибки здесь нет. По его мнению, под устьем Тиры в источниках указаны разные точки очень широкого устья Днестровского лимана: у Страбона — его западная оконечность, а у Анонимного автора — восточная.

Огромный вклад в изучение историко-географических проблем внесли исследования Ф. К. Бруна, одного из известных специалистов по исторической географии Причерноморья. Его многочисленные работы, собранные позднее в отдельном издании¹², не потеряли своего значения и поныне. Следует назвать также монографию К. Ноймана, где рассматриваются и вопросы локализации многих пунктов Северо-Западного Причерноморья¹³.

Особо следует отметить труды одного из крупнейших исследователей античной географии — К. Мюллера. Его известный свод произведений древних географов, издания отдельных авторов, альбом карт, составленных по данным источников, до сих пор играют большую роль в изучении античной географии вообще и Северо-Западного Причерноморья в частности¹⁴. В своих комментариях и картах ученый рассмотрел вопросы локализации практически всех изучаемых здесь объектов.

В 1856 г. вышла в свет вторая часть работы А. С. Уварова «Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря», в которой рассматриваются археологические памятники междуречья Днестра и Дуная. Автор также локализует некоторые населенные пункты. Город Одесс, например, он без всяких сомнений помещает на левом берегу устья Тилигульско-го лимана и отмечает, что «в древние времена лиман соединялся с морем и составлял удобную гавань для кораблей»¹⁵. Ученый впервые отмечает крупное древнегреческое поселение у села Дофиновка и отождествляет его с местечком Скопелы, издает план обследованного им городища у села Роксоланы, которое вслед за П. В. Беккером отождествляет с Никонием.

В 20—60-е годы XIX в. появляется немало книг, статей, в которых исследователи пытаются определить местоположение древнегреческих населенных пунктов. При этом высказывались самые различные мнения. Один и тот же пункт разные ученые искали в пяти-шести и более местах. Разгорались споры. Особенно много спорили об Офиуссе. Одни исследователи считали ее самостоятельным городом, другие полагали, что это старое название города Тира.

К концу 50-х годов дискуссии постепенно утихли. Внимание к нашим проблемам несколько ослабло, так как добавить что-либо новое к уже высказанным гипотезам и предположениям было трудно. Время от времени появлялись отдельные работы, в которых вновь поднимались вопросы о местоположении тех или иных городов и поселений. Среди таких работ выделяется довольно объемный труд Ф. А. Брауна¹⁶. Время от конца 20-х до 60-х годов XIX в. можно выделить как второй период истории изучения античной географии Северо-Западного Причерноморья. Он характеризуется следующими результатами:

1. Все ученые единодушно указывали город Одесс на левом берегу устья Тилигульского лимана. При этом И. А. Сгемпковский и А. С. Уваров отмечали, что в античное время пересыпь и плавни лимана не существовали, и помещали в этом месте гавань города.

2. Город Тира был твердо локализован на месте современного Белгород-Днестровского.

3. Город Никоний был отождествлен с городищем у села Роксоланы.

4. Выяснилось, что в античное время современная пересыпь Днестровского лимана не существовала.

5. П. В. Беккер и К. Нойман высказали мысль о том, что расхождения в сведениях древних авторов о местоположении башни Неоптолема объясняются тем, что мореплаватели измеряли расстояние до нее от разных точек устья Днестровского лимана.

Остальные историко-географические проблемы оставались открытыми.

В 1893—1906 гг. появился изданный В. В. Латышевым сборник произведений античных историков и географов о черноморском побережье нашей страны¹⁷. Этот ценнейший свод открыл широкие возможности перед русскими и советскими исследователями для изучения античной истории и географии и поныне сохранил свое значение. Во втором томе этого труда В. В. Латышев опубликовал карту, на которую нанес упоминаемые в источниках населенные пункты.

К началу XX в. в Северо-Западном Причерноморье начались целенаправленные археологические исследования. Их результаты стали привлекать для решения историко-географических проблем. Так, в 1900 г. Э. Р. Штерн произвел раскопки у Белгород-Днестровской крепости. Результаты подтвердили выводы исследователей о том, что именно здесь находился город Тира¹⁸.

К этому времени относится археологическая деятельность В. И. Гошкевича, неумолимого разведчика и исследователя древностей Северо-Западного Причерноморья. Роксоланское городище он без всяких сомнений считает Никонием, Фиску отождествляет с городищем у Каролино-Бугаза. Показателен его вывод относительно других пунктов: «Оставим пока слабо намеченный вопрос о географическом положении острова

загадочных тирагетов; гордиев узел, сплетенный из отдельной от Тиры Офиуссы, нового Тираса и безымянного страбонова города на берегу р. Тиры; вопрос о месте пристаней истрианов и исиаков, так как соответствующие им городища до сих пор не найдены»¹⁹.

В. И. Гошкевич выступил против устоявшегося мнения о локализации города Одесс на левом берегу устья Тилигульского лимана и поместил его на Березанском лимане. Вновь началась дискуссия. После специально проведенных исследований С. Д. Пападимитриу высказал новую точку зрения. По его мнению, Одесс находился восточнее Тилигульского лимана, на берегу Карабушского залива²⁰. Кроме того, исследователь высказал свою точку зрения о местоположении других пунктов.

В 1913 г. был опубликован обширный труд Э. Минза, обобщающий результаты историко-археологических исследований скифских и античных памятников Северного Причерноморья²¹. Здесь также были рассмотрены вопросы локализации населенных пунктов.

На этом завершился третий период в истории изучения античной географии Северо-Западного Причерноморья. За это время решение рассматриваемых проблем почти не продвинулось вперед. Общепризнанной осталась лишь локализация Тиры и Никония. Местоположение же Одесса осталось невыясненным. Продолжалась дискуссия относительно Офиуссы. Вопрос о местоположении остальных объектов также оставался нерешенным.

Следует отметить, что источниковедческая база уже в то время оказалась исчерпанной. При этом состоянии источников дальнейшая разработка проблемы была невозможной. Требовалось широкое привлечение данных археологии. Их накоплением в основном и характеризуется четвертый период. После революции в Северо-Западном Причерноморье начались планомерные археологические исследования. Особенно широко они развернулись в послевоенное время. Результаты многолетних работ подготовили почву для сопоставительного анализа письменных и археологических данных. Но специальных исследований появилось немного. По-прежнему спорили о том, существовал ли город Офиусса²², продолжались поиски города Одесс²³. Была опубликована статья М. С. Синицына, которая, к сожалению, внесла много путаницы и в без того сложные вопросы. Так, например, исследователь отверг общепринятое, уже устоявшееся отождествление Никония с Роксоланским городищем и поместил его на противоположном берегу лимана у села Пивденное, а указанное городище назвал Офиуссой²⁴.

В этой связи появилась специальная статья П. О. Карышковского²⁵. Ученый убедительно показал правильность отождествления Никония с Роксоланским городищем и пришел к твердому выводу, что Офиусса тождественна Тире. Важно подчеркнуть, что П. О. Карышковский вслед за П. В. Беккером и К. Нойманом пытается объяснить имеющиеся в источниках расхождения в расстояниях от устья Тиры тем, что в античное время «не отличали лиман от реки и определяли устье Тиры на линии слияния лимана с морем, причем те авторы, которые описывают побережье в направлении движения к западу, помещают это устье у восточного, а те, кто следует противоположному направлению, у западного берега лимана» (с. 159).

На этом в конце 60-х годов закончился четвертый период. Существенных результатов, как мы видим, он не принес. По-прежнему оставалось спорным или неясным вообще местоположение многих городов и поселений. Практически не рассматривались вопросы об острове тирагетов, острове в устье Борисфена. Большинство противоречий, неясностей и расхождений в сведениях древних авторов так и не удалось объяснить. Их причины, как правило, видели в ошибках античных писателей. Такое отношение вызывает недоверие к источникам, подрывает их авторитет, затрудняет решение многих проблем, иногда заводит в тупик.

Привлечение одних только археологических данных оказалось недостаточным. Окончательно решить вопрос могли бы находки надписей и монет с названиями локализуемых городов и поселений. Но вероятность таких находок очень мала. Даже в

Никонии, довольно крупном центре, за много лет раскопок до сих пор не найдено эпиграфических или нумизматических подтверждений его локализации. А остальные населенные пункты были еще меньше. Их поиски зашли в тупик. Нужен был принципиально новый подход к решению проблемы. Все острее ощущалась необходимость в палеогеографических данных. Еще раньше Ф. Билабель, рассматривая вопрос о местоположении башни Неоптолема, писал, что согласовать противоречивые сведения Страбона и Анонимного автора возможно лишь после исследований о перемещении устья Тире (с. 23). Некоторое время спустя Э. Диль предположил, что город Одесс был занесен песком²⁶. Но эти важные предположения, к сожалению, прошли мимо внимания исследователей. И долго еще историко-географические проблемы Северо-Западного Причерноморья изучались почти в полном отрыве от географической среды, с укоренившимся представлением о ее неизменности.

Однако, как выяснилось, за последние 2,5 тыс. лет в географическом облике Черноморского побережья произошли довольно существенные изменения. В античное время уровень Черного моря был на несколько метров ниже современного²⁷. Береговая линия в деталях выглядела иначе. С повышением уровня моря конфигурация берегов значительно изменилась. С этими изменениями, как выяснилось, тесно связаны многие историко-географические и археологические проблемы. Так, в конце 60-х годов произошел своеобразный переворот в изучении античной истории и античной географии Северо-Западного Причерноморья. Исследователи стали привлекать геолого-географические данные, строить палеогеографические реконструкции. Начался новый, пятый период в истории изучения проблемы.

Открывается он исследованиями района острова Березань. Выяснилось, что в античное время Березань была не островом, а полуостровом²⁸. Этот факт заставил пересмотреть ряд вопросов, выдвинул новые проблемы, показал огромное значение комплексного подхода к решению историко-географических задач.

Последующие исследования выявляли все новые и новые аспекты палеогеографических изменений²⁹. Результаты таких исследований наталкивали на мысль о том, что подобные изменения произошли практически на всем Черноморском побережье. Стало ясно, что необходим пересмотр историко-географических проблем Причерноморья с широким привлечением данных палеогеографии.

* * *

Ознакомимся вкратце с основными описаниями Северо-Западного Причерноморья, которые оставили нам античные авторы.

Первые довольно подробные сведения о рассматриваемом побережье даны в «Истории» Геродота. Принято считать, что ее автор, собирая материал по истории скифского похода Дария, примерно в середине V в. до н. э. совершил путешествие в Скифию и посетил Ольвию. Хотя явных доказательств личного знакомства Геродота с этими местами нет, такая точка зрения широко распространена.

Скифия описана «отцом истории» обстоятельно и всесторонне. Здесь и рассказ о происхождении скифов, и сведения о границах этой страны, о ее территории, замечательных реках, лесных массивах, и данные о расселении скифских племен, их занятиях, обычаях и т. д., а также много другой интересной и ценной информации.

Одной из достопримечательностей Скифии Геродот называет ее реки. О наиболее крупных из них, доступных для судов, он рассказывает подробнее. Истр охарактеризован как «величайшая из всех рек» (IV, 48). Затем следует «Тирас, который движется в направлении северного ветра; он берет начало из большого озера, которое отделяет Скифию от Неврской земли. У устья Тираса обитают греки, которые называются тириты» (IV, 51). Третья река — Гипанис. С ней мы ознакомимся при поисках впадающего сюда горького притока Эксампея.

Особенно ценен для нас насыщенный важнейшей информацией отрывок о Днепре: «Четвертая река — Борисфен — величайшая из рек после Истра и самая полноводная, по

нашему мнению, не только среди скифских рек, но и среди всех других, кроме египетского Нила, ведь с ним невозможно сравнивать никакую другую реку. Из остальных Борисфен самый полноводный... Там, где Борисфен течет недалеко от моря, с ним сливается Гипанис, впадая в одну и ту же заводь. Находящаяся между этими реками клинообразная полоса земли называется мысом Гипполая; на нем воздвигнут храм Деметры. Напротив храма у Гипаниса обитают борисфениты» (IV, 53).

Затем Геродот описывает земли восточнее Борисфена: «Если перейти Борисфен, первая от моря страна — Гилея, если же идти вверх от нее — [там] живут скифы-земледельцы, которых эллины, живущие у реки Гипанис, называют борисфенитами, а самих себя ольви-ополитами. Эти скифы-земледельцы населяют землю к востоку на протяжении трех дней пути, доходя до реки, название которой Пантикап; в сторону северного ветра эта земля простирается на одиннадцать дней плавания вверх по Борисфену. Выше над ними пустыня на большом пространстве. За пустыней живут андрофаги, племя особое и отнюдь не скифское. Страна, находящаяся выше них, уже настоящая пустыня, и никакого человеческого племени там нет на всем известном протяжении» (IV, 18).

Чрезвычайно интересны сведения о скифском четырехугольнике: «Следовательно, у Скифии, так как она имеет четырехугольную форму, а две стороны доходят до моря, равны по величине все стороны: и та, что идет внутрь страны, и та, что простирается вдоль моря. Ибо от Истра до Борисфена десять дней пути, от Борисфена до Меотийского озера — другие десять; и от моря внутрь страны до меланхленов, живущих выше скифов, двадцать дней пути. А однодневный путь, как я прикидываю, составляет по 200 стадиев. Таким образом, длина Скифии в поперечном направлении составляет 4000 стадиев и в направлении, ведущем внутрь страны, еще столько же стадиев. Вот такова величина этой земли» (IV, 101).

Сведения о расположенных здесь греческих городах впервые встречаются в перипле Псевдо-Скилака, одном из древнейших дошедших до нас периплов. Произведения такого рода появились с развитием мореплавания. Периплы (в буквальном переводе — «плавание вокруг», т. е. вдоль побережья) представляют собой руководства для плавания наподобие современных лоций, в которых собраны имеющиеся сведения о морском побережье: указаны лиманы, заливы, устья рек, отмечены города и поселения, гавани и якорные стоянки, даны расстояния между ними, названы местные племена и т. д.

Долгое время исследователи считали, что автор рассматриваемого перипла — отважный греческий мореплаватель VI в. до н. э. Скилак Кариандский. Затем выяснилось, что это произведение было составлено намного позже, примерно в середине IV в. до н. э.³⁰ Следовательно, Скилак не мог быть его автором. Из текста видно, что перипл составлен в Афинах. Но назвать имя составившего его афинянина, к сожалению, невозможно. К. Мюлленгоф предположил, что это единственный известный афинский географ — Филей³¹. Но явных доказательств пока нет. Поэтому указанное произведение вошло в науку под названием перипла Псевдо-Скилака.

Интересующий нас район описан очень кратко: «За Фракией живет народ скифы, а в их земле следующие эллинские города: город Никоний, город Офиуса. За скифской землей народ тавры заселяет мыс материка, а мыс этот вдается в море. В Таврической земле живут эллины, /у которых город/ следующий: торговый город Херсонес, мыс таврической земли Бараний Лоб. Затем опять живут скифы, в земле которых следующие эллинские города: Феодосия, Китей и Нимфей, Пантикапей, Мирмекий. От Истра до Бараньего Лба три дня и три ночи прямого пути, а вдоль берега вдвое, так как там есть залив. В заливе есть пустынный остров по имени Белый, посвященный Ахиллу. От Бараньего Лба до Пантикапея день и ночь пути» (§ 68; см. ВДИ, 1947, № 3, с. 240—241). Как мы видим, в этом кратком, но насыщенном информацией отрывке названо несколько городов, указан краткий путь через открытое море от Истра к Бараньему Лбу. Здесь

приводятся чрезвычайно интересные, но во многом непонятные сведения, которые будут специально рассмотрены в одной из глав.

Интересующие нас сведения содержатся и в «Землеописании» Псевдо-Скимна Хиосского, написанном около 90 г. до н. э. Это небольшое произведение составлено на основе не дошедших до нас трудов известных географов Эфора и Деметрия Каллатийского.

«Город Истр,— пишет Псевдо-Скимн,— получил свое название от реки. Этот город основали милетяне, когда перешло в Азию войско варваров-скифов, преследовавшее киммерийцев из Боспора» (§ 767—772, ВДИ, 1947, № 3, с. 310). Далее он сообщает о пятиустьном Истре, его полноводности и останавливается на дельтовых островах: «В нем лежит много обширных, по слухам, островов, из которых один, лежащий между морем и устьями, не менее Родоса; он называется Сосновым (Певка) от множества растущих на нем сосен. Прямо против него в море лежит остров Ахилла. На нем водится много речных птиц, а сам он представляет собой величественное зрелище для приезжающих. С него нельзя видеть никакой земли, хотя берег отстоит от него только на 400 стадиев, как свидетельствует Деметрий» (§ 785—796).

О низовьях Днестра сказано совсем немного: «Река Тира, глубокая и обильная пастбищами, доставляет купцам торговлю рыбой и безопасное плавание для грузовых судов. На ней лежит соименный реке город Тира, основанный милетянами» (§ 798—803).

Затем автор сообщает: «При слиянии Гипаниса и Борисфена лежит город, прежде называвшийся Оль-вией, а затем эллинами переименованный в Борисфен. Этот город основали милетяне во время мидийского владычества. До него 240 стадиев вверх по течению Борисфена» (§ 804—812). Днепру посвящен отдельный отрывок: «Эта река более всех других полезна, так как доставляет много крупной рыбы, дикие плоды и пастбища для скота. Течение ее, говорят, судоходно на пространстве около сорока дней пути, но в места, лежащие выше, нет ни прохода, ни проезда вследствие снегов и льдов» (§ 813—819).

Более подробное описание Северо-Западного Причерноморья дает нам Страбон. В его известном фундаментальном труде «География», написанном в начале нашей эры, использована огромная, ныне не существующая литература. Значение «Географии» и авторитет Страбона были настолько большими, что в средние века его называли не по имени, а просто Географом, подобно тому как Гомера называли Поэтом.

Сведения о Северо-Западном Причерноморье Страбон почерпнул, по мнению исследователей, из перипла Артемидора Эфесского, известного географа конца II в. до н. э.³²

Что же он сообщает нам?

Географ приводит довольно подробное описание дельты Истра: «Близ устьев Истра есть большой остров Певка; занявшие его бастарны получили название пев-кинов. Есть и другие острова, но гораздо меньших размеров, одни выше этого острова, другие у моря. Истр имеет семь устьев. Самое большое из них — так называемое Священное устье, по которому до Певки 120 стадиев плавания. На нижней части этого острова Дарий построил мост, хотя он мог бы быть построен и на верхней. Это устье — первое слева для плывущих в Понт, остальные же следуют по пути вдоль берега по направлению к Тире; седьмое устье отстоит от первого почти на 300 стадиев. Между устьями-то и образуются вышеупомянутые островки. Три устья, следующие за Священным, не велики, а остальные гораздо меньше Священного, но больше этих трех. Эфор называет Истр пятиустьным. Отсюда до судоходной реки Тиры 900 стадиев. В промежутке есть два больших озера, из которых одно имеет сообщение с морем, так что может служить и гаванью, а другое не имеет входа» (VII, 3, 15; см. ВДИ, 1947, № 4, с. 199).

Затем идет описание низовьев Днестра: «При устье Тиры находится башня, называемая Неоптолемовой, и деревня, известная под названием Гермонактовой. Если подняться по реке на 140 стадиев, то на обеих сторонах встретятся города: один —

Никония, а другой, слева,— Офиусса; жители побережья этой реки говорят, что если подняться на 120 стадиев, то встретится город. На расстоянии 500 стадиев от устья этой реки лежит в открытом море остров Белый, посвященный Ахиллу» (VII, 3, 16).

После этого Страбон переходит к району Днепровского лимана: «Затем следует река Борисфен, судоходная на протяжении 600 стадиев, и неподалеку от нее другая река, Гипанис, и остров перед устьем Борисфена с гаванью. В 200 стадиях по Борисфену лежит одноименный с рекою город. Он называется также Ольвией и представляет собой большой торговый порт, основанный милетянами. Все пространство, лежащее выше упомянутого промежутка между Борисфеном и Истром, занимают, во-первых, пустыня гетов, затем тирагеты, за ними — языги-сарматы, так называемые царские, и урги» (VII, 3, 17).

Интересные сведения сообщаются и о прилегающих с востока местностях: «За островом, лежащим перед Борисфеном, сейчас к востоку идет морской путь к мысу Ахиллова Бега, месту, лишенному растительности, но называемому рощей и посвященному Ахиллу. Затем — Ахиллов Бег, выдающийся в море полуостров; это узкая коса, длиною около тысячи стадиев по направлению к востоку; наибольшая ширина ее — 2 стадия, а наименьшая — 4 плетра. От материка, находящегося по обе стороны перешейка, она отстоит на 60 стадиев; почва на ней песчаная, вода колодезная. Посередине ее — перешеек, имеющий около 40 стадиев. Заканчивается полуостров у мыса, называемого Тами-ракой и имеющего пристань, обращенную к матерiku. За мысом находится значительный залив Каркинит-ский, простирающийся сверху приблизительно на тысячу стадиев; другие, однако, говорят, что до внутреннего угла залива расстояние втрое больше. Жители побережья называются тафрями. Залив этот называют также Тамиракским, соименно мысу» (VII, 3, 19).

В процитированных отрывках встречаются неясности и противоречия. Они долгое время вызвали острые споры и затрудняли исследования. Подробно мы рассмотрим их ниже.

Интересующие нас сведения можно найти и в «Землеописании» Помпония Мелы, написанном около 44 г. н. э. на основе более ранних источников. После описания крымского побережья здесь сообщается: «Затем выступающая длинная полоса земли соединяется с берегом узким перешейком, потом на большом пространстве понемногу умеренно суживается и, собирая свои длинные бока как бы в виде острия, прилежит в виде лежащего меча. Существует предание, что Ахилл, вступивший в Понтийское море с враждебным флотом, праздновал там свою победу торжественными играми и, успокоившись от войны, упражнял в беге себя и своих. Поэтому эта коса названа Ахилловым Бегом /6/. Затем омывает владения одноименного племени река Борис-фен, красивейшая из рек Скифии; течение ее отличается чрезвычайной чистотой, тогда как прочие реки мутны, она спокойнее других, и вода ее чрезвычайно приятна на вкус. По берегам ее лежат роскошнейшие луга, а в ней водятся большие рыбы, отличающиеся превосходным вкусом и отсутствием костей. Она течет издалека и, взявшись из неизвестных источников, пролагает русло на сорок дней пути, будучи судоходной на таком расстоянии, она изливается в море у греческих городов Борисфениды и Ольвии» (II, 5—6; ВДИ, 1949, № 1, с. 279—280).

Так же довольно подробно Мела описывает Гипанис и Истр. Непосредственно рассматриваемому побережью посвящено буквально несколько слов: «Владения каллипидов омывает Гипанис. Он берет начало из большого озера, которое туземцы называют его матерью, и долго течет таким же, каким получил начало; только недалеко от моря он принимает из небольшого источника, называемого Эксампеем, столь горькую воду, что и сам течет отсюда не похожим на себя и не пресным. Ближе всех к нему течет Асиак между каллипидами и асиака-ми. Последних отделяет от истрийцев река Тира; она берет начало в земле невров, а при устье касается одноименного с ней города /8/. Та река, которая отделяет скифские народы от следующих, берет начало в Германии и в верхнем течении

носит иное название, нежели в нижнем: на огромном протяжении среди многочисленных племен она долго называется Данувием, затем становится Истром — как называют ее иначе прибрежные жители — и, приняв в себя несколько притоков, делается огромной рекой, так что из рек, впадающих в наше море, уступает только Нилу и изливается в море столькими же устьями, сколькими Нил, но из них три мелки, а остальные судоходны» (II, 7-8).

Как мы видим, Мела указывает лишь несколько наиболее крупных греческих городов: Борисфениду, Ольвию, Тиру. И хотя он не сообщает о новых населенных пунктах, его сведения важны для сопоставительного анализа источников.

Много новых и чрезвычайно интересных сведений дает нам «Естественная история» Плиния Старшего. Несколько слов о самом авторе. Имя этого выдающегося государственного деятеля, писателя, ученого получило широкую известность еще при его жизни. Удивительна судьба этого видного исследователя, который во времена Веспасиана и Тита был крупным государственным чиновником Римской империи, посвящая в то же время все свободные часы научным и литературным занятиям. Его биограф Светоний писал, например, что Плиний «так ревностно отдался наукам, что вряд ли кто и на полном досуге написал больше, чем он»³³. Но из многочисленных трудов ученого сохранилась, к сожалению, лишь его «Естественная история» — фундаментальное сочинение в 37 книгах, результат многолетней кропотливой работы эрудита, энциклопедия разносторонних знаний, над которой он трудился до последнего своего дня. Погиб он 25 августа 79 г. при извержении Везувия.

В своей работе Плиний использовал большое количество сочинений своих предшественников: Исидора, Артемидора, Агриппы, Варрона и других, а также устные сообщения своих современников³⁴.

Дельта Дуная описана Плинием довольно подробно. Указав, что река впадает в Понт «шестью обширными рукавами», он дает их названия: «Первое устье Певкийское, сразу же за ним находится и сам остров Певка, а на нем ближайшее русло, именуемое Священным, через 19 миль поглощается большим болотом. Из того же русла выше Истрополя образуется озеро окружностью в 63 мили; его называют Гальмирида. Второе устье Истра именуется Наракустома, третье — Калонстома близ Сарматского острова, четвертое — Псевдостома, затем остров Конопон Диабасис, затем устья Борион-стома и Псилонстома. Все эти рукава, каждый в отдельности, настолько велики, что, как передают, они преодолевают море на расстояние 40 миль и там чувствуется пресная струя» (IV, 79).

Много новых данных сообщает Плиний и о побережье Северо-Западного Причерноморья: «За Истром же находятся города Кремниски, Эполий, горы Макрокремны, известная река Тира, давшая имя городу на том месте, где, как говорят, прежде была Офиусса; обширный остров на этой реке населяют тирагеты; он отстоит от Псевдостомы, устья Истра, на 130 миль. Далее живут аксиаки, носящие то же название, что и река, за ними кробигги, река Рода, Саггарийский залив, гавань Ордес, а в 120 милях от Тиры — река Борисфен, а также имеющие то же самое название озеро, племя и город, отстоящий от моря на 15 миль, в древности носивший имя Ольвиополис и Милитополис. (83) Назад по берегу — Ахейская гавань, затем Ахиллов остров, знаменитый могилой этого мужа, а на расстоянии 125 миль от острова — полуостров, протянутый в форме меча в поперечном направлении и по причине упражнений Ахилла названный Ахилловым Дромом; длина его, как сообщает Агриппа, 80 миль. Все это пространство занимают скифы-сарды и сираки. Затем лесная область, которая дала название Гилейское примыкающему к ней морю; ее жители называются энэкадии» (IV, 82 — 83).

В другом месте, рассказывая об островах в Понте Эвксинском, Плиний отмечает: «Перед Борисфеном есть указанный остров Ахилла, который называют еще Левка и Макарон. Этот остров, по современным показаниям, лежит в 140 милях от Борисфена, 120

милях от Тиры и 50 милях от острова Певка. Окружность его около 10 миль. Остальные острова — в Каркинитском заливе: Кефалонес, Сподуса и Макра» (IV, 93).

Как мы видим, Плиний приводит целый ряд новых, интересных и чрезвычайно важных сведений. Часть из них (например, о количестве устьев Истра, о городе Офиусса, об острове Ахилла) противоречит тому, что мы знаем из других источников, и затрудняет решение целого ряда историко-географических вопросов.

Новые данные о северо-западном побережье содержатся в перипле Арриана, крупного римского чиновника, который в 134 г. совершил плавание по Понту и написал это сочинение в виде письма императору Адриану. Интересующий нас регион описан им не по личным наблюдениям, а на основе каких-то источников. Ему посвящен небольшой, очень сжатый отрывок: «От Прекрасной гавани до Тамираки 300 стадиев; внутри Тамираки есть небольшое озеро. Отсюда еще 300 до устья озера; от устья озера до Эионов — 380 стадиев, а отсюда до реки Борисфена — 150. Если плыть вверх по Борисфену, лежит эллинский город по имени Ольвия. От Борисфена 60 стадиев до небольшого, необитаемого и безымянного острова, а отсюда 80 до Одесса; в Одессе стоянка для кораблей. За Одессом находится гавань истриан, до нее 250 стадиев; далее гавань исиаков, до которой 50 стадиев. Отсюда до так называемого Голого* устья Истра 1200 стадиев; местности, лежащие между ними, пустыни и безымянны» (§ 31; ВДИ, 1948, № 1, с. 273).

Далее идет рассказ об острове Ахилла: «Почти против этого устья, если плыть прямо в море с ветром апарктием, лежит остров, который одни называют островом Ахилла, а другие — Бегом Ахилла, а третьи — по цвету — Белым. Есть предание, что его подняла (со дна моря) Фетида для своего сына и что на нем живет Ахилл. На острове есть храм Ахилла с его статуей древней работы. Людей на острове нет; на нем пасется только немного коз; их, говорят, посвящают Ахиллу все пристающие сюда. Есть в храме много и других приношений: чаши, перстни и драгоценные камни, а также надписи, одни на латинском, другие на греческом языке, составленные разными метрами в похвалу Ахиллу» (§ 32).

После рассказов об Ахилле Арриан возвращается к описанию дельты Дуная: «От так называемого Голого устья Истра 60 стадиев до второго устья, а отсюда до так называемого Прекрасного устья 40 стадиев; от Прекрасного до четвертого устья Истра, так называемого Нарак, 60 стадиев; отсюда до пятого устья—120, а отсюда до города Истрии 500 стадиев» (§ 35).

Более подробные сведения о Северо-Западном Причерноморье содержатся в перипле Анонимного автора. Он составлен в ранневизантийское время путем соединения перипла Арриана с отрывками из Псевдо-Скилака, Псевдо-Скимна, неизвестного перипла, датированного временем не позднее III в. до н. э., и других источников³⁵. Первое время это сочинение приписывали Арриану, потом его называли периплом Псевдо-Арриана, так как выяснилось, что оно Арриану не принадлежит. Поскольку установить имя составителя невозможно, этот труд принято называть периплом Анонимного автора.

Здесь дано не встречающееся в других источниках подробное описание Ахиллова Бега: «От мыса Тамираки тянется Ахиллов Бег, весьма длинная и узкая береговая полоса, простирающаяся вдоль пролива на 1200 стадиев, или 160 миль, а в ширину имеющая 4 плефры; концы ее имеют вид островов; от материка она отстоит на 60 стадиев, 8 миль. Посередине ее истмовидный (т. е. узкий) перешеек соединяет с материком или с твердой землей, простираясь в длину на 40 стадиев, 5 $\frac{1}{3}$ мили. Если проплыть от Тамираки мимо вышеупомянутого Бега до другой косы Ахиллова Бега, называемой Священной рощей Гекаты, получают упомянутые 1200 стадиев или 160 миль. От Священной же рощи Гекаты до судоходной реки Борисфена, ныне называемой Данаприем, 200 стадиев, 26 $\frac{2}{3}$ мили» (§ 84).

* Здесь П. И. Прозоров почему-то перевел слово «голое» (ψῖλου) как «узкое».

Сведения о районе Днепро-Бугского лимана взяты из перизгесы Псевдо-Скимна. Дальнейшее описание побережья от Борисфена до Тиры здесь полнее, чем у Арриана: «От реки Борисфен до весьма маленького, пустынного и безымянного островка 60 стадиев, 8 миль; от этого весьма маленького, пустынного и безымянного острова до Одесса 80 стадиев, $10 \frac{2}{3}$ мили; от Одесса до местечка Скопелов 160 стадиев, $21 \frac{1}{3}$ мили; от Скопелов до гавани истриан 90 стадиев, 12 миль; от гавани истриан до гавани исиаков 90 стадиев, 12 миль; от гавани исиаков до местечка Никония 300 стадиев, 40; миль; от местечка Никония до судоходной реки Тиры 30 стадиев, 4 мили» (§ 87).

Низовья реки Тиры описаны по Псевдо-Скимну. А далее Анонимный автор приводит ценные сведения о Днестро-Дунайском побережье: «Всего от реки Борисфена до реки Тиры 810 стадиев, 108 миль, а от Херсона до реки Тиры 4110 стадиев, 548 миль; географ же Артемидор от города Херсона до реки Тиры вместе с объездом Каркинитского залива ставит 4200 стадиев, или $589 \frac{1}{3}$ мили. От реки Тиры до Неоптолемовых 120 стадиев, 16 миль; от Неоптолемовых до Кремнисков 120 стадиев, 16 миль; географ же Артемидор говорит, что от реки Тиры до Кремнисков 480 стадиев, 64 мили. От Кремнисков до Антифиловых 330 стадиев, 44 мили. От Антифиловых до так называемого Голого устья реки Истра 300 стадиев, 40 миль. Здесь живут фракийцы и бастарны-пришельцы» (§ 89). Затем составитель перипла повторяет взятые у Арриана и Псевдо-Скимна сведения об острове Ахилла и дельте Истра.

«Географическое руководство» известного географа II в. н. э. Клавдия Птолемея — одно из обобщающих произведений, в котором как бы подведены итоги развития географических знаний в античное время. Здесь собраны обильные сведения о морях и реках, городах и поселениях ойкумены. В отличие от своих предшественников автор приводит координаты географических объектов, но не дает расстояний между ними в линейных мерах, которые он заимствовал у своих источников. Переработанные Птолемеем данные представляют собой материалы для составления карт. Существовали ли сами карты — неизвестно. Имеются карты по Птолемею, выполненные в XV в. Возможно, они изготовлены по более ранним оригиналам.

Современными исследователями проведена большая тщательная работа, обратная птолемеевой, т. е. перевод координат в линейные меры. В результате было опубликовано несколько карт «Европейской Сарматии» по Птолемею. Установлено, что широта Византия, исходного пункта его исчислений, определена неверно, вследствие чего искажена береговая линия от Дуная до Перекопа, а расстояние между Дунаем и Днестром, по мнению исследователей, очень сжато.

Рассматриваемое побережье выглядит у Птолемея следующим образом. После Ахиллова Бега отмечен мыс под названием Роша Гекаты, затем устья Борисфена, Гипаниса (III, 5, 2; см. ВДИ, 1948, № 2, с. 233). Выше устья Борисфена отмечена Ольвия, или Борисфен, а к западу — река Аксиак и город Ордесс (III, 5, 1.4). В низовьях Тиры показаны города Тира, Офиусса, Никоний, Фиска, Гермонактова деревня, а далее к западу — город Гарпис (III, 10, 7—8). Очень подробно описана дельта Дуная (III, 10, 2). В северо-западной части Понта указаны два острова: Борисфенида и Ахиллов, или Белый, остров.

Итак, мы вкратце ознакомились с основными сведениями античных историков и географов о Северо-Западном Причерноморье.

Как мы видим, древние авторы дают краткое, но содержательное описание этого побережья, указывают более десятка городов, поселений, гаваней, несколько обитаемых островов и т. д. Но в этих сообщениях немало явных противоречий и расхождений как с другими источниками, так и с современными данными. Остановимся на самых значительных из них.

1. Плиний сообщает, что Офиусса — древнее название Тиры, тогда как Птолемей указывает одновременно оба города и дает для них разные координаты.

2. Страбон отмечает башню Неоптолема и Гермо-нактову деревню «при устье Тиры», Анонимный же автор указывает, что «от реки Тиры до Неоптолемых 120 стадиев», а Птолемей помещает Гермонактову деревню примерно в 90 стадиях от устья.

3. По Страбону, город Никоний находился в 140 стадиях (26 км) выше устья Тиры, однако расстояние от городища до устья лимана по современным измерениям не превышает 10 км.

4. Анонимный автор сообщает, что «от местечка Никония до судоходной реки Тиры 30 стадиев», т. е. около 5 км. Одни исследователи считают, что здесь имеется в виду расстояние до устья реки, по мнению же других, подразумевается расстояние не до реки, а до города Тиры. Однако и тот и другой отрезок пути вдвое больше приведенной цифры.

5. Плиний сообщает, что на реке Тире существовал обширный остров, населенный тирагетами. Но сейчас ни на Днестровском лимане, ни в низовьях реки нет такого участка местности, который можно было бы отождествить с упоминаемым островом.

6. Расстояние от гавани истриан до гавани исиаков равно: у Арриана — 50 стадиям, а у Анонимного автора — 90 стадиям.

7. По Страбону, Борисфен судоходен на 600 стадиев (111 км), тогда как в действительности судоходная часть реки в несколько раз больше.

8. От устья Тиры до города Кремниси, по Анонимному автору, 240 стадиев, а по Артемидору — 480 стадиев.

9. Одни авторы указывают, что дельта Истра имела три устья, другие — пять, третьи — шесть, четвертые — семь устьев.

10. Расстояние от устья Борисфена до города Ольвии по Псевдо-Скимну равно 240 стадиям, а по Страбону — 200 стадиям.

Этот список легко можно продолжить. Но и без того нетрудно понять, как сложна работа с письменными источниками. Кроме того, историко-географические исследования значительно осложняются и другими обстоятельствами: палеогеографическими изменениями, отсутствием необходимых археологических данных и т. д. Поэтому не удивительно, что многие проблемы, несмотря на пристальное внимание ученых, долгое время оставались нерешенными, а часть из них не решена и до сих пор. Этим загадочным вопросам античной истории и географии Северо-Западного Причерноморья и посвящены следующие главы нашей книги.

¹ Доватур А. И., Каллистов Д. П., Щишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982, с. 83. По этому изданию цитируются все отрывки из труда Геродота.

² См.: Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье.— В кн.: Античная Греция, т. I. М., 1983, с. 366 ел.

³ *Stuckius I. Arriani historici et philosophi Ponti Euxini et maris Erytraei Periplus ad Adrianum Casarem. Genevae, 1577, karta.*

⁴ Кордт В. Материалы по истории русской картографии, вып. 1. Киев, 1899, карта 24; вторая серия, вып. 1, 1906, карта 5; вып. 2, 1910, карта 11.

⁵ Броневский М. Описание Крыма.—ЗООИД, т. 6, 1867, с. 335—336.

⁶ *Mannert K. Geographie der Griechen und Romer, t. 4. Lpz., 1820.*

⁷ *Kohler H. Memoire sur les iles et la dans le Pont-Euxin. — Memoires de l'Academie imperials des sciences de St. Petersburg, t. 10, 1826, p. 531-819.*

⁸ *Стемковский И. А. Исследования о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Эвксинского между Тирасом и Борисфеном, учиненные по случаю найденных в 1823 году остатков древностей в Одессе. Спб., 1826.*

⁹ См., например: *Lindner F. Skythien und die Skythen des Gerodot und seine Ausleger. Stuttgart, 1841; Vkert F. Geographie der Griechen und Romer von den friihesten Zeiten bis auf Ptolemaeus, T. 3, Abt. 2. Weimar, 1846; Kiepert H. Topographisch-historischer Atlas von Hellas und den hellenischen Colonien. B., 1851.*

- ¹⁰ *Муральт Э. Г.* Древние поселения на северо-западном берегу Черного моря от Дуная до Буга.— Записки Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества, т. 2, 1850, с. 121—143.
- ¹¹ *Беккер П. В.* Берег Понта Эвксинского от Истра до Борисфена в отношении к древним его колониям.— ЗООИД, т. 2, 1853, с. 151—209.
- ¹² *Брун Ф. К.* Черноморье, ч. 1—2. Одесса, 1879—1880.
- ¹³ *Neumann K.* Die Hellenen im Scythenlande, Bd. 1. В., 1855.
- ¹⁴ *Mtiller C.* Geographi Graeci minores, vol. 1. P., 1855; *idem.* Tabulae in Geographos Graecos minores. P., 1855; *idem.* Strabonis Geographicorum, tabulae XV. P., 1880; *idem.* Claudii Ptolemaei Geographia, vol. 1. P., 1883.
- ¹⁵ *Уваров А. С.* Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, вып. 2. Спб., 1856, с. 143
- ¹⁶ *Браун Ф. А.* Разыскания в области гото-славянских отношений. Спб., 1899.
- ¹⁷ *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. 1—2. Спб., 1893—1906; перевод переиздан: ВДИ, 1947—1949, № 1—4.
- ¹⁸ *Штерн Э. Р.* О последних раскопках в Аккермане.— ЗООИД, т. 23, 1901, с. 33—61.
- ¹⁹ *Гошкевич В. И.* Записка об археологических исследованиях в Херсонской губ.— Древности, т. 22, вып. 1, 1909, с. 183
- ²⁰ *Пападимитриу С. Д.* Местоположение древней Одессы.— ЗООИД, т. 30, 1912, с. 395.
- ²¹ *Minns E.* Scythians and Greeks. Carabr, 1913.
- ²² *Bilabel F.* Die ionische Kolonisation. Lpz., 1920, S. 20—23; *Златковская Т. Д.* О начальном периоде истории Тире.— СА, 1959, № 2, с. 68—69
- ²³ *Сымонович Э. А.* О древней Одессе.— ВДИ, 1954, с. 146—150; *он же.* Античный памятник на Тилигульском лимане.— Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея 1962 г. Одесса, 1964, с. 153.
- ²⁴ *Синицын М. С.* Спроба локальзацп населених пункт!в, згаданих древшми авторами м(ж гирлами П. Бугу 1 Днестра.— МАПП, вип. 3, 1960, с. 23—24.
- ²⁵ *Карышковский П. О.* К вопросу о древнем названии Роксолан-ского городища.— МАСП, вип. 5, 1966, с. 149—162.
- ²⁶ *Diehl E.* Odessos. — RE, Hb. 34, 1937, Sp. 1885—1886.
- ²⁷ *Федоров П. В.* Последледниковая трансгрессия Черного моря и проблема изменений уровня океана за последние 15 тыс. лет.— В кн.: Колебания уровня морей и океанов за 15000 лет. М., 1982, с. 154.
- ²⁸ *Лапин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966, с. 129—137; *Щеглов А. Н.* Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды.— ВДИ, 1965, № 2, с. 107—110.
- ²⁹ *Шилик К. К.* К палеогеографии Ольвии.— В кн.: Ольвия. Киев, 1975.
- ³⁰ *Unger G.* Die Abfassungszeit des sogenannten Skylax. — Philologus, Bd. 33, 1874, S. 30.
- ³¹ *Mullenhoif K.* Deutsche Altertumskunde, Bd. 3. В., 1892, S. 32.
- ³² *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925, с. 41—42
- ³³ *Гай Светонийг Транквилл.* Жизнь двенадцати Цезарей. Перевод М. Л. Гаспарова. М., 1964, с. 246.
- ³⁴ *Скржинская М. В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977, с. 74—83. По этому изданию цитируются все рассматриваемые отрывки из «Естественной истории» Плиния.
- ³⁵ *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор, с. 69—73.

ОТ ИСТРА К БАРАНЬЕМУ ЛБУ

Как рассказывает Гомер, первыми из греков, вошедших в Понт Эвксинский, были аргонавты. До них ни один корабль не мог проникнуть сюда из-за блуждающих скал, называемых Планктами. Расположенные у входа в это море, они, сталкиваясь, уничтожали всякого, кто пытался проплыть мимо них. Более того, даже быстрые птицы не успевали порой пролететь мимо скал и погибали, раздавленные ими. Автор бессмертной «Одиссеи» описывает это весьма красочно:

Прежде увидишь стоящие в море утесы; кругом их
 Шумно волнуется зыбь Амфитриты лазоревоокой;
 Имя бродящих дано им богами; близ них никакая
 Птица не смеет промчаться, ни даже амбросию Зевсу
 Легким полетомносящие робкие голуби; каждый
 Раз пропадает из них там один, об утес убиваясь;
 Каждый раз и Зевес заменяет убитого новым.
 Все корабли, к тем скалам подходившие, гибли с пловцами;
 Доски одни оставались от них и бездушные трупы,
 Шумной волною и пламенным вихрем носимые в море.
 Только один, все моря обежавший, корабль невредимо
 Их миновал — посетитель Эета, прославленный Арго;
 Но и его на утесы бы кинуло море, когда б он
 Там не прошел, провожаемый Герой, любившей Ясона.
 (XII, 59—72, перевод В. А. Жуковского)

О том, как аргонавтам удалось пройти через Планкты, называемые также Симплегадами и Кианеями, подробно рассказывает Евстафий, архиепископ Фессалоники, написавший в XII в. комментарии к «Одиссее». По совету прорицателя Финея они выпустили вперед голубя, а за ним ринулся сам «Арго». Скалы столкнулись, разошлись и... остановились навсегда. Путь в Черное море был открыт!

Рассказы об этих мифических скалах, упоминаемых многими античными авторами, имеют под собой вполне реальную основу. В Босфорском проливе, который эллины называли Боспором Фракийским в отличие от Боспора Киммерийского (Керченский пролив), действительно есть несколько небольших скал. Принято считать, что именно их и упоминают древние авторы. Вот, например, что пишет об этом А. Б. Снисаренко: «Кианеи. Вероятно, это скала Рокет, расположенная в 90 м к востоку от мыса Румели на европейском берегу пролива, и одна из безымянных скал у азиатского мыса Анадолу. Расстояние между ними не превышает 2 миль, и в непогоду это пространство представляет собой сплошной водоворот»¹.

Такое объяснение выглядит вполне убедительным. В штормовую погоду при плохом знании пролива и неопытности кормчего действительно можно налететь на одну из этих скал. И такие случаи, наверное, нередко бывали в древности. Но подобные кораблекрушения не соответствуют описанию Гомера. По его словам, суда гибли, раздавленные двумя скалами. Здесь же происходило столкновение только с одной скалой (вторая расположена почти в четырех километрах в стороне). Можно, разумеется, возразить, что к мифическим сведениям не следует относиться буквально. И это правильно. В мифической поэзии Гомера есть и большая доля условности, и символика, и аллегория. Но в данном случае, мне кажется, слова поэта отражают, разумеется в мифологической окраске, реальные события. На такую мысль наталкивает следующее сообщение: «В Черном море, имеющем лишь один настоящий выход или устье, есть еще два ложных прохода недалеко от настоящего, по обеим сторонам его. Зачастую судам, направляющимся во тьме ночной к настоящему устью, приходится оставлять груз и путников между двумя скалами»². Эти строки взяты из средневекового описания Черного моря. Корабли того времени и условия мореплавания в общем-то не многим отличались от древнегреческих. Следовательно, и эллинские суда, особенно на первых этапах освоения Черноморского бассейна, зачастую оказывались между двумя скалами ложного пролива. Со временем сведения о таких случаях смешались с упоминаниями об островках в настоящем проливе, в результате чего, видимо, и родился миф о блуждающих скалах, воспетых Гомером.

С развитием мореплавания накопился необходимый опыт, знания, и прохождение пролива уже не было столь опасным и губительным.

Более поздние авторы описывают Боспор Фракийский со строгой реальностью, без всякой мифической окраской. Геродот, например, сообщает, что Дарий «поплыл к так

называемым Кианеям, которые, как утверждают греки, прежде были блуждающими скалами» (IV, 85). Страбон четко разъясняет нам: «Кианеи — это островки, лежащие при входе в Понт: один из них ближе к Европе, а другой — к Азии. Они отделены проливом почти в 20 стадий. На таком же расстоянии они находятся от святилища византийцев и от святилища халкедонцев. Это самая узкая часть Евксинского Понта» (VII, 6,1). Плиний даже дает интересное объяснение причины появления мифов: «В Понте на расстоянии 14 миль от его устья и 15 миль от Европы есть два острова, которые одни называют Кианеи, другие — Симплегады. Согласно легендам, они сталкивались друг с другом, так как, отделенные малым расстоянием один от другого, они для входящих прямо навстречу им представлялись двумя островами, но стоило немного изменить угол зрения, они выглядели сошедшимися в один остров» (IV, 92).

Слово «Кианеи» означает буквально «темные, мрачные». Можно предполагать, что оно связано с названием Черного моря. Древние греки, как уже говорилось, переосмыслили скифское название Акшайна в созвучное Понт Аксинский, а затем в Эвксинский. Настоящее же значение названия моря они могли перенести на расположенные у его входа скалы.

В ранний период греческие корабли совершали каботажное плавание, т. е. двигались лишь вдоль берегов. Позже, ознакомившись с Понтом Эвксинским, моряки отваживались пускаться напрямик через открытое море. Так постепенно они стали осваивать краткие морские пути, которые давали большой выигрыш во времени. Один из таких путей проходил от мыса Карамбис (мыс Керемпе на турецком побережье) к мысу Бараний Лоб (южная точка Крыма)³. Другой протянулся от устья реки Фермодонт (совр. Ешил-Ирмак в Турции) к Синдике (Анапа)⁴. Третий краткий путь шел от Истра к берегам Крыма. Он известен нам из перипла Псевдо-Скилака. Автор сообщает о нем следующее: «От Истра до Бараньего Лба три дня и три ночи прямого пути, а вдоль берега вдвое, так как там есть залив. В заливе есть пустынный остров, по имени Белый, посвященный Ахиллу. От Бараньего Лба до Пантикапея день и ночь пути» (§ 68).

В IV в. до н. э., когда был составлен этот перипл, афиняне вели оживленную торговлю с Северным Причерноморьем, в особенности с Пантикапеем, столицей Боспорского царства, расположенной на месте современной Керчи. В Афинах в ту пору чувствовалась большая нехватка хлеба, и восполнялась она за счет северопонтийских городов. Поэтому морской путь от Истра к берегам Крыма имел очень важное значение и был, разумеется, общеизвестен.

В процитированном отрывке есть одно чрезвычайно интересное место, которое заслуживает особого внимания. Автор перипла сообщает, что расстояние от Истра до мыса Бараний Лоб, равное примерно 390 км, судно преодолевает за трое суток, а от указанного мыса до Пантикапея, т. е. 250 км, лишь за сутки. Сравнение этих цифр показывает значительное несоответствие во времени плавания.

Из сообщения Геродота (IV, 86) известно, что за сутки корабль проходил обычно около 1300 стадий, т. е. примерно 240 км. Следовательно, переход от Бараньего Лба до Пантикапея за указанное время вполне возможен. Таким образом, следует ожидать, что предыдущий путь, от Истра до Бараньего Лба, занимает полтора суток. Однако, по периплу, для этого требуется вдвое больше времени. Возникает вопрос: почему появилось такое противоречие?

Анализируя эти несоответствия, В. Ф. Гайдукевич пришел к заключению, что тут совмещены сведения из разных источников: в первом случае плавание проходило со скоростью 3 узла, а во втором — 6 узлов (с. 13). Действительно, если разделить указанное расстояние на время его прохождения, то получатся именно такие цифры. Но достаточно ли этого для утверждения, что мы имеем дело с разными источниками, которые отражают два различных случая плавания? Думается, что нет. Кроме того, и при таком объяснении все же остается неясным, почему для перехода от Истра до Бараньего Лба вместо полутора суток требуется целых трое. Можно, конечно, предположить, что из-за небла-

гоприятных погодных условий корабль потратил на этот путь вдвое больше времени. Такого рода случаи, Бспорно, происходили. Но могли ли такие сведения, не отражающие обычных условий плавания, попасть в перипл — официальный справочник и руководство для мореплавателей?

В. Ф. Гайдукевич, придя к выводу о совмещении в перипле сведений из двух разных источников, развивает эту мысль дальше. По его мнению, «те или иные индивидуальные случаи, касающиеся скорости прохождения судов на отдельных отрезках маршрута, могли получить отражение в перипле в виде некоего правила», а данный пример, заключает исследователь, показывает, как составлялись в то время периплы (с. 13).

Такой взгляд на принцип составления периплов вызывает серьезные возражения. Ведь периплы были основным руководством для мореплавателей, официальным документом и содержали в себе обобщающие сведения, основанные на богатом опыте моряков, накопленном в многолетних плаваниях. Сомнительно, чтобы какой-то частный, нехарактерный случай вошел в перипл. Но это лишь общие рассуждения. В любом случае — и для подтверждения выводов В. Ф. Гайдукевича, и для их опровержения — необходимо выяснить, почему для перехода от Истра до Бараньего Лба требуется вместо ожидаемых 1,5 суток трое.

А причина столь длительного плавания кроется, как оказалось, в режиме черноморского течения. В Черном море существуют основное замкнутое кольцо течения шириной от 20 до 50 миль, проходящее в 2—5 милях от берега против часовой стрелки, и несколько соединительных струй между его отдельными частями⁵. Средняя скорость течения в этом кольце равна 0,5—1,2 узла, но при сильных и штормовых ветрах может достигать 2—3 узлов. А весной и в начале лета, когда реки приносят в море большое количество воды, течение усиливается и становится более устойчивым.

На интересующем нас участке от Крыма до Дуная это постоянное черноморское течение имеет следующий вид. От Бараньего Лба, где скорость и при обычных условиях может достигать 3 узлов, так как этот мыс выдается далеко в море, основное течение движется на запад еще около 150 км и, отделив незначительную ветвь по направлению к Дунаю, поворачивает на север к устью Днепра. Приняв днепровские воды, течение идет вдоль берега к дунайским устьям и далее к Босфору. Усиленное водами Дуная, оно в районе города Истрии расширяется до 70 км и может достигать 1,5 узла.

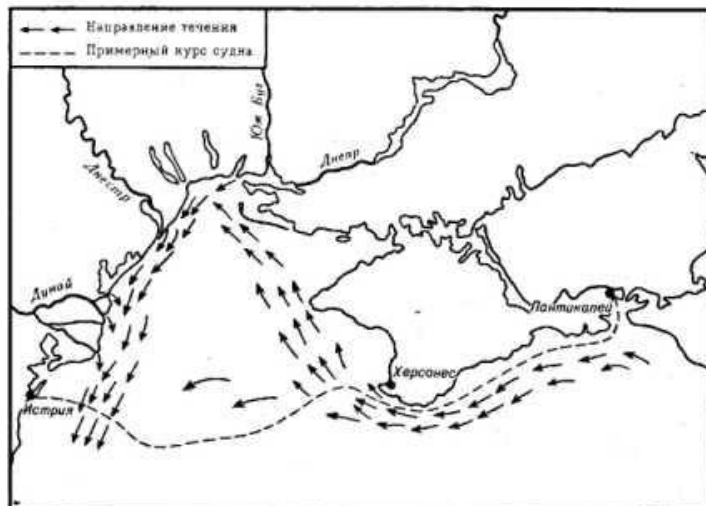

Рис. 2. Течение в северо-западной части Черного моря

Следует подчеркнуть, что в древности скорость черноморского течения была еще большей. Ведь в наше время объем речного стока в море уменьшился, так как много воды расходуется на водоснабжение городов и сел, орошение земель и другие нужды народного хозяйства.

Проследим теперь курс судна, которое направилось по маршруту перипла. Приблизившись к устьям Истра, корабль попадает в струю западного течения, которое замедляет его ход. Далее, когда судно берет курс на восток, к Крыму, течение на всей своей 70-километровой ширине относит его к югу, удлиняя этим весь путь. После выхода из западного течения скорость судна хотя и незначительно, но все же замедляется ветвью течения, идущей от Крыма. А при приближении к Бараньему Лбу еще за 150 км крымское течение резко замедляет ход корабля и относит его теперь к северу от курса. При этом следует учитывать, что длительные северо-восточные ветры у Крыма отжимают крымское течение дальше от берегов и даже могут повернуть его к Анатолии. А в таких случаях скорость судна замедляется еще больше.

Таким образом, привлечение данных о динамике черноморских течений проясняет положение дел. Сопоставление этих данных с сообщением Псевдо-Скилака приводит к интересным и важным выводам. Бесспорно, что античные корабли на большей части перехода от Истра к Бараньему Лбу испытывали влияние черноморского течения. В результате скорость продвижения судна замедлялась, а протяженность пути увеличивалась иногда на половину расстояния. Надо полагать, именно поэтому путь от Истра до Бараньего Лба корабли преодолевали за трое суток⁶. Так как условия мореплавания на этом участке оставались в основном постоянными, то и затрачиваемое на его переход время было одинаковым. И эти сведения, неоднократно проверенные многовековым опытом мореплавателей, и были зафиксированы в перипле Псевдо-Скилака.

А на участке от Бараньего Лба до Пантикапея гидрологические условия совсем иные. Здесь проходит струя речения из Азовского моря. Но, во-первых, сила его незначительна, а во-вторых, оно очень узкое, и мореплаватели легко избегали это течение, прокладывая курс несколько в стороне. Важно отметить также, что после сильных и продолжительных северо-восточных ветров в Керченском проливе начинается довольно сильное обратное течение из Черного моря. В этих случаях суда, следовавшие в Пантикапей, использовали обратное течение и получали дополнительный выигрыш во времени. Таким образом, при переходе от Бараньего Лба в Пантикапей течение не препятствовало, а иногда даже способствовало плаванию.

Итак, привлечение данных гидрологии позволяет правильно объяснить кажущееся несоответствие в указании перипла о времени плавания по маршруту Истр — Бараний Лоб — Пантикапей.

Вернемся, однако, к Бараньему Лбу. Этот мыс — крайняя южная точка Крымского полуострова. Но среди исследователей нет единого мнения о том, какой именно мыс имеется в виду. Одни ученые видят в нем Сарыч⁷, другие — Ай-Тодор⁸, третьи — Аю-Даг⁹. Античные писатели, указывая Бараний Лоб, дают расстояния от него до близлежащих населенных пунктов. Иными словами, мыс служил точкой отсчета как хорошо приметный ориентир. Поэтому очень важно знать его точное местоположение. А отождествляемые с Бараньим Лбом мысы находятся на довольно значительном расстоянии друг от друга: от Сарыча до Ай-Тодора 33 км, а от последнего до Аю-Дага еще 22 км. При сложившейся ситуации стало необходимым определить точное местоположение мыса Бараний Лоб. Для этого рассмотрим в первую очередь сведения древних авторов о нем.

Так, в перипле Анонимного автора после Феодосии в 200 стадиях к западу указана пустынная гавань Афинеон, а в 600 стадиях от нее — Лампада. Далее говорится: «От Лампады до высокой горы Бараньего Лба, мыса Таврической земли, 220 стадиев, 29¹/₃ мили... От Бараньего Лба до таврической же гавани Символа, называемой также гаванью Символов, — 300 стадиев, 40 миль» (§ 78, 81). Итак, согласно периплу, мыс Бараний Лоб расположен в 1020 стадиях (160 км) к западу от Феодосии, существовавшей на месте современного одноименного города, и в 300 стадиях (47 км) восточнее гавани Символов, которая находилась у современной Балаклавы. Оба расстояния приводят к мысу Ай-Тодор.

У Клавдия Птолемея (III, 6, 2) рассматриваемый район передан с определенными искажениями. Они вполне объяснимы. Ведь особенность его работы сводилась к пересчету линейных мер в координаты и нанесению их на градусную сетку. При таких сложных расчетах, учитывая и несовершенство тогдашних астрономических и географических приборов, искажения эти были неизбежны. И все же получается, что под координатами Бараньего Лба географ ясно указал мыс Ай-Тодор.

Плиний Старший описывает крымское побережье с запада на восток. После упоминания Херсонеса он сообщает: «Далее — мыс Партений, город тавров Плакия, порт Символум, мыс Криу метопон, находящийся против мыса Карамбий на азиатском берегу и выдвигающийся в середину Эвксинского Понта (расстояние между мысами—170 миль), что главным образом и придает морю форму скифского лука. За этим мысом лежат многие гавани тавров и озера, город Феодосия в 125 милях от Криу метопона, а от Херсонеса — в 165 милях» (IV, 86). Как мы видим, по Плинию, мыс Бараний Лоб расположен в 125 милях (185 км) от Феодосии и в 40 милях (59 км) от Херсонеса. Измерения приводят нас к мысу Сарыч.

Так, выясняется, что Анонимный автор и Птолемей называют Бараньим Лбом мыс Ай-Тодор, а Плиний — мыс Сарыч. Налицо явное противоречие. Возникает закономерный вопрос: чьим сведениям отдавать предпочтение— Анонимного автора и Птолемея или Плиния?

Действительно, в античных описаниях под названием Бараний Лоб фигурируют два разных мыса. Но это обстоятельство вовсе не бросает тени на авторитет древних писателей, так как имеет вполне убедительное объяснение. Дело в том, что южная часть Крымского полуострова не выходит в море каким-то одним мысом, а выдается довольно плавной линией. Для плывущего из Херсонеса в Феодосию особенно приметен мыс Сарыч, самая южная точка Крыма. А при плавании из Феодосии таким заметным ориентиром становится мыс Ай-Тодор, внимание к которому усиливает возвышающаяся рядом гора Ай-Петри. Поэтому вполне понятно, что информатор Анонимного автора, описывающий побережье с востока на запад, отмечает мыс Ай-Тодор, а информатор Плиния, дающий описание в обратном направлении,— мыс Сарыч.

Попытаемся теперь выяснить, какой же из этих мысов имеют в виду другие авторы, которые не называют точного местоположения Бараньего Лба. В перипле Псевдо-Скилака сообщается о плавании от Истра к Бараньему Лбу. Здесь трудно дать категоричный ответ, но, учитывая направление мореплавателя, более вероятно, что автор имеет в виду мыс Сарыч.

Псевдо-Скимн приводит следующие данные: «Прямо против Карамбиса на противоположном берегу лежит огромная, круто обрывающаяся к морю и высокая гора, называемая Бараньим Лбом; она отстоит от Карамбиса на сутки пути» (§ 953—957). Здесь, бесспорно, имеется в виду мыс Ай-Тодор, на что указывал еще Л. А. Ельницкий.

В «Географии» Страбона отмечено: «Начиная от бухты Символов до города Феодосии, тянется таврическое побережье длиной около тысячи стадиев, неровное, гористое и открытое для северных ветров. Из него далеко выдается в море к югу, напротив Пафлагонии и города Амастрии, мыс, носящий имя Бараний Лоб. Напротив него лежит пафлагонский мыс Карамбис, разделяющий Понт Эвксинский на два моря суженным с обеих сторон проливом. Карамбис от города Херсонеса отстоит на 2500 стадиев, а от Бараньего Лба — на гораздо меньшее число их. По крайней мере многие из тех, которые проплывали этот пролив, говорят, что они одновременно видели оба мыса по обеим сторонам моря» (VII, 4, 3; см. ВДИ, 1947, № 4, с. 203 — 204). Из приведенного описания ясно видно, что географ имеет в виду мыс Сарыч. Об этом свидетельствует как направление описания от Херсонеса к Феодосии, так и слова о том, что Бараний Лоб «далеко выдвигается в море к югу». Ведь именно Сарыч величественно открывается плывущему из Херсонеса. Именно он — самая южная точка Крыма и выдается в море намного дальше, чем Ай-Тодор.

Таким образом, изучение сведений древних авторов мысе Бараний Лоб показывает, что источники имеют в виду под этим названием два различных мыса: Псевдо-Скилак, Страбон, Плиний — мыс Сарыч, а Анонимный автор, Псевдо-Скимн, Птолемей — мыс Ай-Тодор. Первоначально Бараньим Лбом называли, надо полагать, Сарыч. Затем некоторые мореплаватели, следуя со стороны Феодосии, принимали за Бараний Лоб мыс Ай-Тодор. Так со временем в разных источниках под одним названием стали фигурировать два различных мыса. Догадывались ли об этом античные мореплаватели — сказать трудно. По всей вероятности, догадывались. Ведь указанные мысы отделены довольно значительным расстоянием, равным 33 км. Это обстоятельство сбивало с толку даже опытных мореплавателей и компрометировало древних авторов, порождая недоверие к ним. Однако этот пример наглядно свидетельствует о том, что, прежде чем обвинять античных географов в неточности и ошибках, необходимо тщательно проанализировать их сведения для выяснения объективных причин неясностей и противоречий. Чаще всего, как выясняется, мы недопонимаем письменные источники из-за того, что не привлекаем весь комплекс историко-географических данных.

¹ Снисаренко А. Б. Курс — Море Мрака. М., 1982, с. 28.

² Описание Черного моря и Татари, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татари и проч., 1634 г., перевод Н. Н. Пименова, примечания А. Л. Бертье-Делагарда. — ЗООИД, т. 25, 1902, с. 99.

³ Максимова М. И. Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами. — МИА, № 33, 1954, с. 45—57; она же. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М — Л., 1956, с. 145—148. Ср.: Гайдукевич В. Ф. О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском. — КСИА, вып. 116, 1969, с. 11 — 19.

⁴ Гайдукевич В. Ф. О путях прохождения..., с. 12—14.

⁵ Лоция Черного моря. Л., 1931, с. XXXV—XXXVI; см. другие издания.

⁶ Азбунов М. В. Материалы по античной географии Северо-Западного Причерноморья. — ВДИ, 1981, № 1, с. 126.

⁷ Беренбейм Д. Я. О пути греков через Черное море. — СА, 1958, № 3, с. 201; Гайдукевич В. Ф. О путях прохождения..., с. 11.

⁸ Minns. Scythians and Greeks, p. 19; ВДИ, 1947, № 3, с. 241, прим. 2, с. 313, прим. 6 (комментарий Л. А. Ельницкого); Домбровский О., Столбунов А., Баранов И. Аю-Даг — «Святая» гора. Симферополь, 1975, с. 33.

⁹ Аркас З. Сравнительная таблица эллинских поселений по Эвксинскому Понту Безымянного автора... — ЗООИД, т. 3, 1853, с. 144—145; Дьяков В. Н. Таврика в эпоху римской оккупации. — УЗ МГПИ им. В. И. Ленина, т. 38, вып. 1, 1942, с. 63; Скржинская М. В. «Перипл Понта Эвксинского» Анонимного автора. — В кн.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980, с. 119.

ОТМЕЛЬ СТЕФЫ

Один из спорных вопросов античной географии Северо-Западного Причерноморья связан с отмелью Стефы.

Известный греческий историк II в. до н. э. Полибий в своем обширном труде «Всеобщая история», излагая теорию обмеления Понта Эвксинского, пишет следующее: «Так как Истр, протекая по Европе, впадает в Понт несколькими устьями, то перед ним на расстоянии дня пути от материка образовалась коса почти в тысячу стадий длиной из наносимого устьями ила; моряки, плывущие еще по открытому морю в Понте, иногда ночью незаметно набегают на нее и разбивают корабли; эти места называют Стефами» (IV, 41, 1—2; см. ВДИ, 1947, № 3, с. 301).

Эту отмель упоминает и Страбон: «С течением времени весь Понт может быть занесен илом, если сохранятся подобные течения: ведь и теперь уже имеет вид болота часть левой стороны Понта, именно Салми-десс, называемые у моряков Грудями местности у Истра и Скифская пустыня» (I, 3, 4; см. ВДИ, 1947, № 4, с. 182). Далее

Страбон подчеркивает: «Заносы ила образуются у самых устьев рек, как, например, у устьев Истра так называемые Груды, Скифская пустыня и Салмидесс» (I, 3, 7).

Итак, древние авторы вполне определенно говорят о существовании у устьев Истра отмели Стефы, т. е. Груды. Однако вопрос о ее местоположении вызывает у современных исследователей споры. Учеными высказано несколько мнений. Так, Г. А. Стратановский, издавая «Географию» Страбона, в комментарии к этому месту отметил, что Стефы — это, «быть может, песчаные банки в устье Истра»¹. Д. М. Пиппиди отождествил эту косу с современным островом Киту к, песчаным баром в районе южной части дельты Дуная, отделяющим небольшое озеро Синое от моря². Но длина этого острова примерно в 10 раз меньше приведенной Полибием цифры, поэтому согласиться с таким утверждением трудно. Иную точку зрения высказал А. Н. Щеглов. По его мнению, отмелью Стефы Полибий назвал Тендровскую косу³. Исследователь исходил из того, что, по его мнению, в тексте Полибия указаны «сутки пути», а не «день пути». Дело в том, что в древнегреческом языке слово *τῆρα* может означать в зависимости от контекста и сутки, и световой день. Вот А. Н. Щеглов и пришел к выводу, что «слово *τῆρα* в данном контексте, по-видимому, означает сутки, а не световой день. Ведь дальше Полибий (IV, 41, 2) поясняет, что моряки именно ночью натыкались на эти отмели» (с. 128). А за сутки, по расчетам исследователя, судно при попутном ветре могло пройти 177—267 км. Тендра же отстоит от дельты Дуная примерно на 220 км. А. Н. Щеглов исходил также из того, что указанной Полибием длине отмели в 178 км ближе всего лишь длина Тендровской косы, вытянутой на 147 км. Другой такой длинной отмели в Черном море нет. Соображения Щеглова обстоятельно аргументированы: здесь и детальный анализ текста, и расчеты расстояний, и данные о формировании Тендровской косы, и характеристика условий, при которых происходят кораблекрушения. Так что выводы ученого выглядят вполне убедительно.

Но при этом все же возникают некоторые вопросы. Конечный вывод А. Н. Щеглова сводится к тому, что «Стефы Полибия — это второе название Ахиллова Бега (точнее, его западной части, собственно Тендровской косы), очевидно бытовавшее в среде моряков» (с. 133). Но отождествляемый со Стефами Ахиллов Бег находится, как известно, близ устьев Борисфена. Почему же тогда и Полибий, и Страбон указывают отмель Стефы перед устьями Истра?

Этот вопрос привел к мысли о необходимости подробнее рассмотреть вопрос об отмели Стефы. Начнем с заключения А. Н. Щеглова о том, что Тендровская коса «как будто подходит под описание Полибия по всем статьям». Разберем эти статьи.

1. Первый, самый общий ориентир для поисков отмели — река Истр. Стефы находились перед ее устьями. Тендровская же коса расположена вблизи дельты Борисфена.

2. Стефы находились, как несколько раз подчеркивает Полибий, далеко от земли, в открытом море. А Тендровская коса протянулась довольно близко к земле и в средней своей части вплотную примыкает к берегу.

3. Тендра отстоит от Истра на 220 км. По расчетам А. Н. Щеглова, «при благоприятных условиях (хороший попутный ветер плюс благоприятные течения) этот путь мог быть проделан античным торговым парусным кораблем за 20—30 часов при средней скорости судна 4—6 узлов (за сутки при средней скорости около 5 узлов)» (с. 130). Но для этого района расчеты Щеглова неприемлемы. Здесь для кораблей, плывущих от Дуная к Днепру и далее к Крыму, никогда не было благоприятных условий. Их плаванью препятствовало, как было показано в предыдущей главе, постоянное черноморское течение. Оно значительно замедляло ход судна. Поэтому прямой путь от Истра к Бараньему Лбу, равный 390 км, античные мореплаватели преодолевали, как сообщает Псевдо-Скилак, за трое суток, т. е. по 130 км в сутки. А плавание по этому

маршруту вдоль берега занимало шесть суток. Расстояние равно примерно 985 км*, следовательно, за сутки корабль проходил около 164 км. Эта цифра, разумеется, средняя и может колебаться в пределах плюс-минус 5—10 км. Эсюда следует, что древнегреческий корабль за сутки не мог достичь Тендровской косы даже от самого «северного устья Дуная, откуда отсчитаны указанные 220 км. Условия плавания от Дуная к Днепру и к Крыму в течение веков оставались в общем-то неизменными. Течение охватывало довольно широкую полосу в несколько десятков километров, и избежать его влияния было практически невозможно.

4. Слово *ἡμέρα*, по мнению А. Н. Щеглова, в данном случае означает «сутки». Так как контекст не дает однозначного ответа, попытаемся решить этот вопрос с помощью терминологического анализа. Приведем несколько аналогичных примеров из Полибия⁴: а) Клузий отстоит от Рима «на три дня пути» (II, 25, 2); б) Ганнибал разбил лагерь «дней в четырех расстояния от моря» (III, 42, 1); в) римляне следовали за карфагенянами «на расстоянии одного-двух дней пути» (III, 90, 9); г) «стоянка Ганнибала находилась на расстоянии трех дней пути от Тарента» (VIII, 28, 2); д) «ни один из начальников не находился ближе к Новому городу, как на десять дней пути» (X, 7, 5); е) можно «при помощи огня получить своевременные сведения на расстоянии трех-четырех дней пути от места происшествия» (X, 43, 3); ж) Ганнибал «расположился близ Замы—города, лежащего на пять дней пути к западу от Карфагена» (XV, 5, 3). В этих примерах, количество которых легко умножить, везде подразумеваются только дневные переходы. Следовательно, для измерения расстояний слово *ἡμέρα* здесь обозначает световой день.

А отдельные случаи, когда путь продолжался и днем и ночью, т. е. круглые сутки, историк оговаривает особо. Так, например, описывая продвижение армии Антиоха, он сообщает: «Так как река удалена была от них на три дня пути, то первые два дня он шел не торопясь, а на третий день после вечера отдал приказ войскам сниматься со стоянки на рассвете, сам же с конницей и легковооруженными, а также с десятью тысячами пелтастов двинулся дальше ночью (*νυκτός*) еще ускоренным шагом... Антиох за ночь прошел оставшийся ему путь» (X, 49, 2). В другом месте Полибий пишет: «Вообще жестоко терпели все войска, больше всего от бессонницы, потому что они шли по воде в течение четырех дней и трех ночей подряд» (III, 79, 8). А излагая события отступления Филиппа, Полибий говорит о суточном переходе: «...царь шел непрерывно день и ночь» (*ἡμέρας καὶ νυκτός*) (V, 110, 5).

Как мы видим, Полибий ясно разделяет дневной и ночной переходы. Говоря о суточном переходе, он совершенно четко подчеркивает, что это расстояние, пройденное за день и ночь, и напоминает о том, что «необходимо быть осведомленным о дневных и ночных переходах» (*ἡμερησίου καὶ νυκτερινὰς*) (IX, 13, 6). Правда, приведенные примеры относятся к передвижениям по суше. К сожалению, у Полибия не удалось найти соответствующих примеров о морских переходах. Но это обстоятельство не меняет положения дел: ведь принцип измерения морских и сухопутных расстояний с помощью дней и ночей остается единым.

Такой же терминологии придерживались и другие античные авторы, указывающие, кстати, морские переходы. Псевдо-Скилак, например, сообщает, что плавание от Истра до Бараньего Лба занимает три дня и три ночи прямого пути (*τριῶν ἡμερῶν καὶ τριῶν νυκτῶν*), а от Бараньего Лба до Пантикапея — день и ночь пути (*ἡμέρας καὶ νυκτός*) (§ 68). Псевдо-Скимн сообщает, что Бараний Лоб отстоит от Карамбиса «на сутки пути» (*νυκθῆμερον*) (§ 953). Аналогичные сведения с использованием этого же термина повторяет Анонимный автор (§ 18). Такие же примеры можно найти у Геродота: «...от устья Понта до Фасиса

* Все современные измерения будут субъективными, так как мы не наем точных маршрутов античных мореплавателей на отдельных участках этого побережья. Поэтому во избежании больших ошибок следует исходить из древних измерений. По Плинию (IV, 78, 86), от устья Истра до Борисфена 250 миль, оттуда до Херсонеса 375 миль, а до Бараньего Лба еще 40 миль. Получается всего 665 миль, т. е. 985 км. Близкие цифры дают подсчеты по данным Страбона и Анонимного автора.

девять дней и восемь ночей плавания... До Фемискиры на реке Термодонте от Синдики три дня и две ночи плавания» (IV, 86).

Таким образом, выясняется, что древние авторы при измерении расстояний придерживались устойчивой терминологии: при дневном переходе использовали термин $\eta\mu\epsilon\rho\alpha$, а при суточном — $\eta\mu\epsilon\rho\alpha\varsigma$ και $\nu\kappa\tau\acute{o}\varsigma$ или $\nu\kappa\theta\eta\mu\epsilon\rho\omega\nu$. Это дает основания считать, что в анализируемом отрывке Полибия слово $\eta\mu\epsilon\rho\alpha$ означает «день», а не сутки. А за дневной переход судно едва ли пройдет и половину расстояния от Дуная до Тендры.

5. По Полибию, Стефы простирались в длину почти на тысячу стадиев. Тендровская коса по своей протяженности близка к этой цифре. В этом отношении она соответствует указанию источника.

6. Стефы, как указывает Полибий, образованы иловыми наносами Дуная. А происхождение Тендры не имеет ничего общего ни с дунайскими устьями, ни с какой-либо другой рекой. Это аккумулятивное образование морского происхождения. А. Н. Щеглов пытается объяснить такое несоответствие тем, что Полибий придерживался теории обмеления Понта за счет выносимых реками наносов. Получается, что Полибий «превратил» песчаную Тендру в иловые наносы Дуная в угоду своей концепции. А между тем Полибий не просто утверждает, что Стефы образованы выносимым Истром илом, но ясно и географически грамотно описывает весь этот процесс: «Тот факт, что этот нанос образовался не у самой земли, а выдвинулся далеко в море, обуславливается, нужно думать, следующей причиной: пока приносимые реками воды вследствие силы своего стремления берут перевес над морскими и отталкивают их, до тех пор отодвигается и земля, и все приносимое течением не может прямо остановиться и осесть. Но как только течение уничтожится вследствие глубины и обилия морской воды, тогда приносимый ил, естественно, уже останавливается и оседает книзу. Вот почему наносы могучих рек оседают вдалеке, а места, ближайšie к материку, остаются глубокими, тогда как небольшие и тихо текущие реки образуют отмели у самых устьев» (IV, 41, 5—6). Страбон также указывает, что Стефы образованы выносимым устьями Истра илом (I, 4, 7). А о Тендровской косе он сообщает, что «почва на ней песчаная» (VII, 3, 19).

Таким образом, Полибий имел четкое представление о процессе образования иловых наносов и указал реальную отмель, образованную наносами Дуная и расположенную перед его дельтой.

Следовательно, нет оснований отождествлять Тендровскую косу с отмелью Стефы. Совпадает лишь их длина. Но этого явно недостаточно. Весь комплекс имеющихся данных показывает, что загадочная отмель находилась непосредственно перед дельтой Истра.

Где же искать Стефы? Ведь сейчас в районе дунайской дельты нет такой отмели. Однако это еще не означает, что ее не было в античное время. Как справедливо подчеркивает А. Н. Щеглов, «за последние 2—2,5 тыс. лет могла значительно измениться береговая линия, могли появиться новые или исчезнуть старые отмели» (с. 130). Поэтому обратимся к материалам геологических исследований дельты Дуная.

Вопрос о генезисе дунайской дельты в общем решен давно. Вот как описывает процесс ее формирования В. П. Зенкович: «Дельта Дуная образовалась на месте глубоко врезанного в сушу, но мелководного залива. Некогда море затопило нижнюю часть долины Дуная и поднялось вверх по ее притокам, образовав один громадный лиман, подобный лиману Днепра и Буга... В дальнейшем под влиянием комбинированного действия реки и волн моря этот залив испытал ряд превращений. Волны строили песчаные пересыпи в вершине залива и по его внешнему краю, стремясь отгородить его от моря, подобно тому как отгорожен в настоящее время Днестровский лиман. Пересыпи эти сохранились до настоящего времени в виде песчаных гряд — гринду, пересекающих дельту между Тульча и Измаилом и во внешней части дельты в направлении ССВ — ЮЮЗ. Эти пересыпи никогда не были сплошными, а имели прорвы, через которые

стекала в море речная вода. В образовавшейся спокойной лагуне после этого начали аккумулироваться речная илистая муть и буйно развиваться водная растительность...

Часть наносов, выносимых Дунаем, морские волны перемещали на юг, построив из них длинную пересыпь, далеко уходящую за пределы собственно дельты»⁵.

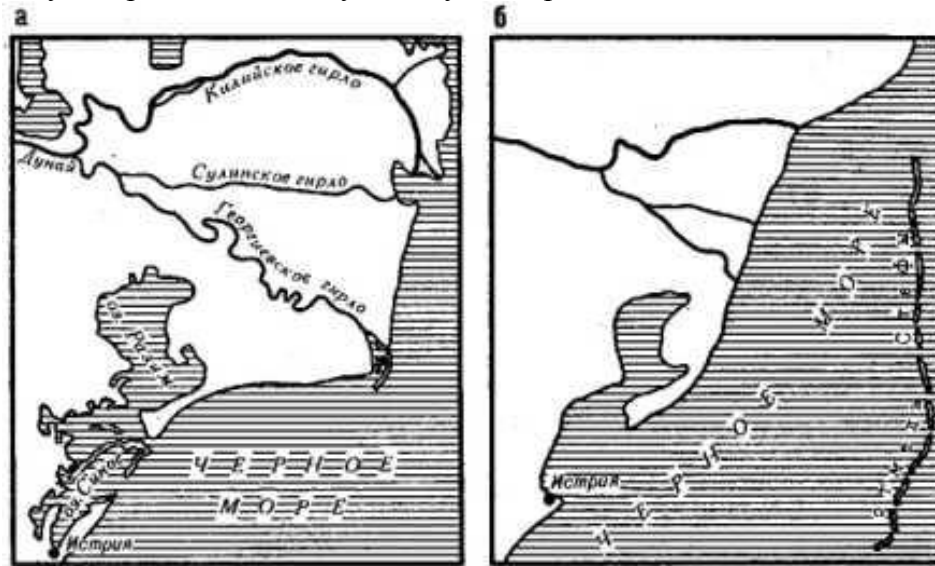

Рис. 3. Схема района дельты Дуная: а) в настоящее время; б) в античный период (конфигурация рукавов — современная, внешняя граница дельты дана приблизительно)

Как же выглядела дельта реки в античное время? В результате многолетних геологических исследований советскими и румынскими учеными установлено, что «около двух тысяч лет назад основная часть территории современной дельты представляла собой залив, отгороженный узкой косой, простирающейся по линии западной границы гряд Жебриянской, Летья и Караорман»⁶. Иными словами, эта коса раскинулась по приморскому краю современной дельты более чем на 150 км. А береговая линия древней дельты проходила намного западнее. Но древние авторы дают нам некоторые отправные точки. Так, например, Псевдо-Скимн сообщает, что, по сведениям Деметрия Каллатийского, лежащий напротив дельты Истра остров Ахилла отстоит от берега на 400 стадиев (§ 796), т. е. примерно на 64—74 км. А сейчас наименьшее расстояние от этого острова до внешнего края дельты равно 34 км. Следовательно, за прошедший период Дунай выдвинулся в море как минимум на 30—40 км. Максимальная же цифра значительно больше. Здесь необходимо заметить, что Дунай — очень мутная река и выносит в море ежегодно около 1 200 млн. т твердых наносов и растворенных минеральных веществ⁷. За счет этих наносов и увеличивается «площадь дельты. В Килийском рукаве, например, она нарастает в настоящее время со скоростью 75—80 м в год⁸. Поэтому неудивительно, что за 2—2,5 тыс. лет внешняя граница дельты выдвинулась в море на несколько десятков километров. В результате древняя отмель стала частью дельты.

Теперь мы знаем, что в античное время перед устьями Истра существовала длинная узкая отмель. Ее местоположение, размеры, происхождение полностью соответствуют сведениям Полибия и Страбона о Стефах. Это дает все основания уверенно отождествлять указанную отмель со Стефами. К такому выводу давно уже пришли В. П. Зенкович и И. Г. Петреску⁹. И сомневаться в этом нет никаких оснований. Также нет никаких оснований считать, что Полибий, следуя своей теории обмеления, перепутал дунайскую отмель Стефы с Тендровской косой, т. е. с Ахилловым Бегом.

Отмель Стефы появилась на поверхности воды, видимо, в раннеантичное время в связи с понижением уровня Черного моря. Он был, как считают исследователи, на 5—7 м ниже современного¹⁰. На всем побережье моря, особенно на мелководье, обнажились

прибрежные илы. Именно поэтому Страбон указывает, что Скифская пустыня, район Истра и Салмидесс «имеют вид болота». Дунайская отмель не простиралась сплошной лентой, а выступала из воды прерывистой цепочкой, напоминая женские груди. Поэтому она получила название Стефы, т. е. Груды. С повышением уровня моря эта коса была постепенно подтоплена и перекрыта новыми осадками. В настоящее время она лежит в основании прибрежной части современной дельты. Как много опасностей таила в себе эта выдвинутая в море неприметная отмель! Ведь не зря Полибий писал о том, что «моряки, плывущие еще по открытому морю в Понте, иногда ночью набегают на нее и разбивают свои корабли».

¹ *Страбон*. География в 17-ти книгах. Перевод, статья и комментарии Г. А. Стратановскрго. Л., 1964, с. 796, прим. 11.

² *Pippidi D.* Histria si getii un sec II i.e.n. — *Studia clasice*, vol. 5, 1963, p. 144; *Pippidi D., Berciu D.* Din istoria Dobrogei, t. 1. Bucuresti, 1965, p. 227 sq.

³ *Щеглов А. Н.* Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды. 3. К Полибию, IV, 41.—ВДИ, 1972, № 2, с. 126—133.

⁴ См.: *Полибий*. Всеобщая история, перевод Ф. Г. Мищенко, т. 1, кн. 4. М., 1890.

⁵ *Зенкович В. П.* Дельта Дуная.— *Известия ВГО*, т. 75, вып. 4, 1943, с. 22, 23.

⁶ *Петреску И. Г.* Дельта Дуная. М., 1963, с. 266 (послесловие Я. Д. Никифорова), с. 160; рис. 25; см. также: *Зенкович В. П.* Загадка Дунайской дельты.— *Природа*, 1956, № 3, с. 88, рис. 3.

⁷ *Природа Одесской области*. Киев — Одесса, 1979, с. 41.

⁸ *Зенкович В. П.* Дельта Дуная, с. 23.

⁹ *Зенкович В. П.* Загадка Дунайской дельты, с. 88; *Петреску И. Г.* Дельта Дуная, с. 161.

¹⁰ *Федоров П. В.* Последнеднепровская трансгрессия Черного моря..., с. 154.

БАШНЯ НЕОПТОЛЕМА

Страбон описал Северо-Западное Причерноморье, как мы уже убедились, довольно скупо. Его современники, наверное, не встречали особых трудностей при чтении «Географии» и хорошо понимали, о чем говорит и что имеет в виду ее автор, когда кратко упоминает тот или иной населенный пункт или конкретные исторические события. Но теперь, через две тысячи лет, некоторые указания географа не совсем нам понятны. При их толковании возникали дискуссии, продолжавшиеся порой столетия. Именно так случилось со сведениями Страбона о Нижнем Поднестровье вообще и о башне Неоптолема в частности: «При устье Тиры находится башня, называемая Неоптолемовой, и деревня, известная под названием Гермонактовой. Если подняться по реке на 140 стадиев, то на обеих сторонах встретятся города: один Никония, а другой, слева,— Офиусса; жители побережья этой реки говорят, что если подняться на 120 стадиев, то встретится город» (VII, 3, 16). В этом отрывке особый интерес вызывает упоминание о башне Неоптолема. Перед читателем сразу возникает множество вопросов. Что это за башня? Где, когда, кем и для чего она была сооружена? В честь кого названа? Обо всем этом Страбон умолчал. Наверное, считал излишним разъяснять общеизвестные факты. Но теперь, когда античный мир ушел в прошлое, о башне Неоптолема сохранилось лишь несколько строк. И найти ее, основываясь на таких кратких сведениях, конечно, нелегко. Кроме обычных трудностей поиска осложнились и тем, что башня упоминается также в перипле Анонимного автора (§ 89), но не в устье Тиры, а в 120 стадиях западнее. Сразу приходит мысль о том, что один из писателей ошибся. Но кто? Страбон или Анонимный автор?

Другая трудность связана с тем, что Днестр в наше время при впадении в море образует обширный лиман длиной более 40 км, а Страбон, Анонимный автор и другие античные писатели говорят только о реке Тире, ничего не сообщая о лимане. Поэтому остается непонятным, какую же местность они подразумевали под «устьем Тиры» — устье Днестра или устье Днестровского лимана?

Наконец, мы не знаем точно, каким стадием пользовались авторы. Ведь греки знали несколько различных по длине стадиев. Эта неясность осложняет расчеты расстояний. Поэтому попытаемся в первую очередь определить значение стадия у Арриана, Анонимного автора и Страбона.

Стадий Арриана и Анонимного автора. Его величину ученые определяют по-разному: 157,7 м¹, 178 м², 185 м³, 200 м⁴. В последнее время многие исследователи склоняются к цифре 197 м. Она получена из сведений Анонимного автора, который, указывая расстояния в стадиях, тут же дает их пересчет в мили, например: «от гавани истриан до гавани исиаков 90 стадиев, 12 миль; от гавани исиаков до местечка Никония 300 стадиев, 40 миль» (§ 87). Из этого соотношения получается, что 7,5 стадия составляют римскую милю, т. е. 1481 м. Отсюда следует, что стадий равен 197 м. А поскольку в перипле Арриана даны те же расстояния между пунктами, то полученная величина переносится и на его стадий. Однако единого мнения по этому вопросу нет. А при таких существенных расхождениях работать с периплами чрезвычайно трудно. Поэтому в первую очередь необходимо выяснить, чему все-таки равен этот стадий.

Сделать это можно с помощью расчетов расстояний между точно локализованными пунктами. Для большей точности здесь использованы сравнительно небольшие отрезки пути. Все измерения проведены по крупномасштабным картам и сверены с данными лоций. Получены следующие результаты:

Маршрут	Расстояние по периплам (в стадиях)	Современные измерения (в м)	Величина стадия (в км)
1. Трапезунд — Диоскурия	2260	352	156
2. Диоскурия — Пителинт	350	56	160
3. Пантикапей — Феодосия	700	120	171
4. Феодосия — Херсонес	1 500	230	153
5. Херсонес — Керкинитида	600	88	147
6. Керкинитида — Калос-Лимен	700	110	157
7. р. Борисфен — гавань исиаков	480	74	154
8. гавань исиаков — Никоний	300	50	167
9. р. Тира — Неоптолемовы	120	18	150
10. Неоптолемовы — Кремниси	120	20	167
11. Истрия — Томы	300	47	157
12. Томы — Каллатия	300	43	143
13. Каллатия — Одесс	640	104	163
14. Аполлония — св. Зевса Урия	1 300	194	149
15. св. Зевса Урия — Гераклея	1 550	230	148
16. Гераклея — Карамбис	1 170	167	143
17. Синопа — Амис	1 020	148	145
18. Амис — Фарнакия	1 580	245	155
19. Фарнакия — Трапезунд	745	118	158
			средняя 155

Итак, расчеты охватывают практически все Черноморское побережье. Число примеров легко можно увеличить, но общая картина не изменится: средняя величина стадия Арриана и Анонимного автора равна 155 м. Но из-за неизбежных расхождений в принципах древних и современных измерений полученная цифра не может считаться абсолютно точной. Она нуждается в корректировке в пределах плюс-минус несколько метров. Важно отметить, что выведенная здесь средняя величина совпадает со средним значением стадия Эратосфена, который, по расчетам Л. В. Фирсова, равен 157,7 м. Это совпадение полностью подтверждает мысль Фирсова о том, что в эллинистическое время

использовалась «стадия..., величину которой можно вычислить, исходя прежде всего из данных Эратосфена» (с. 168). Итак, имеющиеся данные показывают, что стадий Арриана и Анонимного автора равен примерно 157 м. В основе этих периплов лежат, как выяснится дальше, материалы эллинистического времени. А византийский писатель просто перевел стадии в мили по принятому в тот период* стандарту 7,5:1 и этим ввел нас в заблуждение. Следовательно, мы не должны принимать во внимание этот пересчет стадиев в мили.

Стадий Страбона. При описании района Аполлонии Иллирийской Страбон сообщает: «Из Аполлонии в Македонию на восток идет Игнатиева дорога, измеренная милями и установленная столбами вплоть до Кип-сел и реки Гебра. Длина ее — 535 миль. Если считать милю в 8 стадиев (как это и делает большинство), то получится 4280 стадиев. Если же следовать Полибию, который прибавляет к 8 стадиям еще 2 плефры (что составляет $\frac{1}{3}$ стадии), то приходится добавить еще 178 стадиев» (VII, 7,4; см.: *Страбон. География*, с. 294).

Римская миля равна, как известно, 1481 м. Отсюда следует, что стадий Страбона составляет 185 м, а стадий Полибия—178 м. Этот вывод, казалось бы, не должен вызывать никаких сомнений. Ведь расчеты, просты и абсолютно надежны, и какая-либо ошибка здесь исключена. Однако, несмотря на это, вопрос о страбовом стадии вызывает споры. В чем же суть этих споров?

Дело в том, что Л. В. Фирсов нашел у Страбона два других примера и получил иное соотношение стадия и мили — 9,5—9:1 (с. 165). Отсюда исследователь вычислил, что стадий географа равен 156—165 м. Получается, что Страбон приводит противоречивые сведения о длине своего стадия, и Л. В. Фирсов называет это «одной из странностей «Географии» Страбона». Далее ученый привел многочисленные сравнения указываемых в источнике расстояний с действительными и пришел к выводу, что страбов стадий равен примерно 157,9 м и что «древнегреческие авторы от Геродота до Арриана имели в виду одну и ту же меру длины» (с. 166, 168).

Таким образом, выводы Л. В. Фирсова бросают тень на авторитет Страбона. Но посмотрим, какими примерами оперирует исследователь? Один из них связан с описанием местности от святилища Афродиты Пиренейской до реки Вара. Здесь Страбон пишет следующее: «...так что в общей сложности длина береговой линии равняется 277 милям. Некоторые, однако, записывали расстояние от святилища Афродиты до реки Вара в 2600 стадиев, а другие прибавляют еще 200 стадиев, ибо существует расхождение в отношении расстояний» (IV, VI, 3; *Страбон*, с. 172).

Анализируя этот отрывок, Л. В. Фирсов пришел к выводу, что 2600 стадиев равны 277 милям, откуда следует, что миля содержит 9,38 стадия, а 1 стадий равен 157,9 м. Но эти расчеты рождены, к сожалению, невнимательностью исследователя, и в результате источник был истолкован не точно. При внимательном прочтении текста ясно видно, что Страбон не приравнивает, а противопоставляет эти цифры: «...длина... равняется 277 милям. Некоторые, однако, записывали... 2600 стадиев». Последующие его слова «а другие прибавляют еще 200 стадиев» показывают, что 2600 стадиев больше, чем 277 миль. Следовательно, из этого указания никак нельзя определить точное соотношение стадия и мили. Бесспорно одно: эта разница меньше, чем у Л. В. Фирсова.

Второй пример относится к описанию Сицилии: «Морской путь вокруг острова Посидоний определяет в 4400 стадиев. Однако в хорографии расстояния счита-Кются больше, разделенные по частям и выраженные в милях. А именно от Пеллориады до Мил 25 миль; столько же от Мил до Тиндарида; затем до Агафирна — 30, столько же до Алесы и опять столько же до Кефаледия (это все маленькие городки); до реки Гимеры, протекающей через центр Сицилии, 18; далее до Панорма — 35 и 23 до Эмпория эгестейцев; и, наконец, костальное расстояние до Лилибея — 38. Отсюда, если т

* Например, в схолиях к «Землеописанию» Дионисия прямо сказано: «Стадий имеет длину, равную гипподрому. Семь с половиной таких стадиев составляют одну милю» (§ 718; см.: ВДИ, 1948, № 1, с. 261).

обогнуть Лилибей по направлению к прилегающей стороне, до Гераклея будет 75 миль, до Эмпория акрагантцев — 20 и других 20 — до Камарины; затем до Пахина — 50. Отсюда вдоль третьей стороны до Сиракуз — 36, до Катаны же — 60; далее до Тавромения — 33; затем до Мессены — 30» (VI, 2, I; см.: *Страбон*, с. 245).

В этом отрывке Страбон ясно указывает, что «в хорографии расстояния считаются больше». Следовательно, и здесь мы никак не получим точного соотношения мили и стадия. Но Л. Ф. Фирсов не обратил внимания на это указание и все же сопоставил приведенные цифры. Вдобавок в его расчеты вкралась арифметическая ошибка: вместо указанных Страбоном 578 миль в сумме расстояний исследователь получил «около 480 миль» и отсюда вычислил тем более недействительное соотношение 9,16:1, тогда как должен был получиться иной результат — 7,6:1. Но и последняя величина, естественно, не может быть точной, поскольку расстояние в милях, как подчеркивает Страбон, больше, чем в стадиях. Будь эти цифры тождественны, мы, бесспорно, получили бы результат, равный 8:1.

Таким образом, рассмотренные примеры несколько не противоречат, а, наоборот, подтверждают указание Страбона на то, что его стадий составляет восьмую часть мили, т. е. 185 м.

Но Л. В. Фирсов приводит многочисленные расчеты, из которых следует другое значение стадия — 157,9 м. Поэтому необходимо детальнее рассмотреть расстояние Страбона, и в первую очередь те маршруты, которые можно проверить данными периплов Арриана и Анонимного автора.

Маршрут	Страбон	Периплы
Священное устье — Истрия	500	500
Томы — Каллатия	280	300
Каллатия — Аполлония	1 300	1 340
св. Зевса Урия — Гераклея	1 500	1 550
Гераклея — Синопа	2000	2005
Синопа — Амис	900	1 020
Амис — Трапезунд	2200	2325
Трапезунд — Фасис	1 400	1 457
Диоскурия — Питиунт	360	350

Итак, расстояния либо полностью совпадают, либо очень близки. Незначительные расхождения объясняются различиями в принципе измерения и неизбежными расхождениями курса во время каждого из плаваний. Следовательно, в рассматриваемых случаях использован один и тот же стадий, равный, как показали расчеты с данными периплов, примерно 157 м.

Но у Страбона немало примеров, которые дают иную цифру. Вот они...

1. Расстояние от устья Борисфена, т. е. от Очаковского мыса до Ольвии, Страбон определяет в 200 стадиев (VII, 3, 17). Современные измерения дают 37 км. Получается, что в данном случае стадий равен 185 м. В этой связи интересно отметить, что у Псевдо-Скимна это расстояние равно 240 стадиям (§ 804—812). Что это — ошибка одного из авторов? Однако расчеты показывают другое. Если указанные 37 км разделить на 240 стадиев, то получим, что стадий Псевдо-Скимна равен 157 м. Следовательно, расхождение источников объясняется не ошибкой, а использованием разных стадиев. При кажущемся несоответствии и Псевдо-Скимн, и Страбон определяют расстояние до Ольвии одинаково правильно.

2. Страбон, как мы увидим дальше, указывает, что расстояние от устья Тире до устья Борисфена равно 600 стадиям (VII, 3, 17). По современным измерениям этот отрезок пути равен 111 км. Анонимный автор (§ 87) называет 720 стадиев, т. е. 113

км. Следовательно, и здесь Страбон использовал данные, в которых фигурирует стадий в 185 м.

3. По Страбону (VII, 3, 16), город Никоний расположен в 140 стадиях от устья Тирь. Это расстояние, как будет показано дальше, равно 26 км. В результате получаем стадий, равный 185 м.

4. Расстояние от Истрии до Том, по Страбону (VII, 6, 1), равно 250 стадиям. В периплах Арриана и Анонимного автора отмечено 300 стадиев. По современным измерениям насчитывается 47 км. Следовательно, и в этом случае использован стадий в 185 м.

5. От мыса Карамбис до Синопы, по Страбону, 700 стадиев (XII, 3, II). Любые современные измерения этого отрезка из-за сильной изрезанности береговой линии будут субъективными, но даже более или менее прямой путь насчитывает около 130 км. В перипле Арриана он равен 835 стадиям, т. е. 131 км. Эти цифры убедительно показывают, что и в этих сведениях Страбона измерения проводились стадием в 185 м.

Действительно, во всех приведенных случаях стадий Страбона равен 185 м. Но искать у него один, универсальный стадий не следует. В компилятивном труде древнего географа собраны разновременные и разнохарактерные описания. В одних источниках использован стадий в 157 м, а в других—185 м. Страбон свел воедино собранные сведения без пересчета стадиев. Об этом необходимо помнить при работе с его «Географией».

Выявленное обстоятельство раскрывает новые широкие возможности для дальнейшего источниковедческого анализа произведений древних авторов, выделения и относительной датировки разновременных сведений. Эта возможность наглядно иллюстрируется, как мы увидим далее, на примере описания Страбоном низовьев Тираса. Таким образом, фигурирование в одном отрывке двух разных стадиев, бесспорно, свидетельствует о том, что он состоит из двух разновременных частей. Исследование источников в этом направлении даст возможность вычленивать разновременные отрывки.

Вернемся, однако, к поискам башни Неоптолема. Как уже говорилось, на пути у исследователей стояли три трудности: 1) противоречие между сведениями Страбона и Анонимного автора о местоположении башни; 2) неясность в вопросе, откуда измерять расстояние — от устья реки или от устья лимана; 3) расхождения в определении длины стадия.

Эти обстоятельства были главной причиной того, что вопрос о местоположении башни Неоптолема долгое время был одной из самых интересных загадок античной географии Северного Причерноморья, которая привлекала к себе внимание исследователей на протяжении нескольких веков. Длинным и сложным оказался путь к истине. Более четырехсот лет велись споры о том, где же находилась эта таинственная башня. Ее искали во многих местах побережья моря, лимана, но так и не находили. Ознакомимся подробнее с историей этих интересных поисков.

Башней Неоптолема заинтересовались еще исследователи позднего средневековья. Одними из первых, кто попытался указать ее местоположение, были средневековые картографы. Так, на карте России, составленной на основе карты Г. Меркатора 1554 г., башня указана на левом берегу устья Днестровского лимана⁵. Здесь же ее поместили И. Стукий и А. Ортелиус⁶. Так оформилась первая точка зрения. Ее сторонники основывались, надо полагать, на данных Страбона и считали устьем Тирь устье Днестровского лимана.

Вскоре появилась и другая точка зрения. Ее высказал Мартин Броневский, образованный, начитанный дипломат польского короля Стефана Батория. Страстный путешественник, он проявлял большой интерес к античной истории и географии, хорошо знал произведение Страбона. В 1578 г. Броневский был послан с дипломатической миссией к крымскому хану Мухамед-Гирею. А путь в Крым лежал через Нижнее Поднестровье. Наконец-то Мартину представилась реальная возможность осуществить

свою давнюю мечту: ознакомиться с этой местностью, сравнить ее с описанием Страбона и попытаться найти остатки башни Неоптолема, а также Гермонактовой деревни, Никония и Офиус-сы. Объехав побережье лимана и низовья реки, исследователь внимательно изучил топографию местности и пришел к выводу, что Страбон под «кустьем Тиры» имел в виду устье реки, а не лимана. Следовательно, заключил он, башня находилась на правом берегу устья реки. Воодушевленный этой мыслью, наш дипломат энергично взялся за поиски. Тщательно, метр за метром осматривал он пустынный, поросший степными травами берег. И на одной из возвышенностей, в том месте, где сейчас раскинулось молдавское село Паланка, были найдены старинные развалины каменных строений. Без каких-либо сомнений Броневский принял их за остатки башни Неоптолема, которую Страбон указал, по его мнению, именно здесь (с. 336).

Рис. 4. Поиски башни Неоптолема:

- 1) И. Стукий, А. Ортелий, Ж. Ковенс и К. Мортъе, Г. Келер;
- 2) М. Броневский, М. Зойтер;
- 3) К. Маннерт;
- 4) Ж. Гэль;
- 5) Ф. Линднер, К. Мюллер;
- 6) Э. Г. Муральт;
- 7) Г. Киперт, К. Шпрунер и Т. Менке;
- 8) П. В. Беккер, К. Нойман, А. А. Сибирский, Т. Рейнак, Ф. А. Браун, В. В. Латышев, М. Кислинг, П. О. Карышковский;
- 9) З. А. Аркас;
- 10) К. Мюллер, Н. Н. Мурзакевич, А. Форбигер, М. С. Сеницын;
- 11) Г. Шоталь

Эти две точки зрения долгое время были основными, и к ним время от времени присоединялись новые сторонники. Так, например, в 1733 г. Ж. Ковенс и К. Мортье на составленной ими карте Татарию, Крыма и Черного моря поместили рассматриваемый пункт на левом берегу устья лимана⁷. Позже аналогичное мнение высказал Г. Келер (карта). А к локализации Броневского присоединился, например, Зойтер⁸.

А в конце XVIII в. К. Маннерт изложил новую точку зрения и поместил башню Неоптолема на правом берегу устья лимана, на самой пересыпи (с. 239). Здесь, по его мнению, находилось устье Тиры, следовательно, здесь же следует искать и указанную Страбоном башню.

Иную локализацию предложил Ж. Гэль. Он также считал устьем Тиры устье лимана, но, основываясь на данных Анонимного автора, указал рассматриваемый пункт в 120 стадиях к западу, на берегу небольшого Будацкого лимана, в районе современного села Чабанка⁹.

Новую, уже пятую по счету гипотезу высказал Ф. Линднер. По его мнению, Страбон под «устьем Тиры» подразумевал устье реки, следовательно, башня находилась несколько ниже, близ современного Белгород-Днестровского (с. 196).

Как мы видим, уже на первых этапах поисков башни Неоптолема исследователи высказывали самые различные мнения. И это неудивительно. Ведь они считали устьем Тиры разные районы и руководствовались противоречивыми сведениями источников.

В первой половине XIX в. это запутанное положение дел стало постепенно проясняться. В немалой степени этому способствовали и первые археологические исследования в этом районе. В это время выяснилось, что указанные Броневским развалины относятся к татарскому укреплению, которое было возведено в средние века и, разумеется, не имело никакого отношения к древнегреческой башне. Других сооружений в этом районе не оказалось. Стало ясно, что башню Неоптолема следует искать в другом месте. К этому же времени утвердилось мнение о том, что античные мореплаватели считали лиман частью реки и под «устьем Тиры» подразумевали не речное, а лиманное устье. И поиски перенесли ближе к морю. Теперь у исследователей была одна отправная точка — устье Днестровского лимана. Но еще предстояло выяснить, кто из древних авторов правильно указал местоположение башни, а кто — ошибочно. Иными словами, необходимо было решить, где искать этот пункт: непосредственно при устье лимана или в 120 стадиях (19 км) западнее? Тут ученые разделились на две группы. Начались споры. Но поиски не увенчались успехом ни в том ни в другом месте.

Э. Г. Муральт, опираясь на данные Анонимного автора, поместил башню Неоптолема на правом берегу Днестровского лимана на месте с. Шабо (с. 132). Буквально через год Г. Киперт локализовал ее в другом месте — у юго-западной оконечности Будацкого лимана, на мысу у современного села Приморского (карта XVII). Сюда его привели, надо полагать, 120 стадиев (19 км) Анонимного автора, отсчитанные от устья Днестровского лимана.

Затем этой проблемой занялся П. В. Беккер. В отличие от своих предшественников он не стремился объявить сведения одного из древних авторов ошибочными. А. что, если здесь нет никакой ошибки, подумал ученый. Не может же быть так, что один из них просто по незнанию указал башню совсем в другом месте. Ведь здесь не просто уменьшено или увеличено расстояние. Расхождение источников более значительно: в одном случае башня указана при устье Тиры, а в другом — в 19 км к западу. Иными словами, даны совершенно разные привязки. Размышляя таким образом, Беккер обратил внимание на то обстоятельство, что привязка к такому ориентиру, как устье, весьма условна и ненадежна. Ведь устье лимана довольно широкое, около 20 км. От какой же его точки измеряли расстояние древние мореплаватели? Пытаясь ответить на этот вопрос, ученый высказал следующую мысль: Страбон, описывающий эти места с запада, со стороны Дуная, подразумевал под точкой отсчета правый берег устья, а Анонимный автор, следовавший в своем описании с востока, — левый берег (с. 162—172). Поэтому в

первом случае башня Неоптолема указана при устье Тиры, а во втором — в 19 км западнее, в действительности же источники нисколько не противоречат друг другу. При таком понимании текста башню Неоптолема следует искать на берегу Будацкого лимана у села Беленькое. Вдохновленный такими соображениями, Беккер провел в этом месте тщательные разведки и выяснил, что не так давно при строительных работах здесь были открыты остатки фундамента круглой формы. Ученый решил, что это и есть развалины башни Неоптолема. Точка зрения П. В. Беккера полугнула высокую оценку ученых¹⁰. И позже многие исследователи придерживались того же мнения. Но эта локализация не стала общепринятой. Дискуссия продолжалась.

3. А. Аркас пришел к выводу, что башня Неоптолема находилась на берегу моря у села Балабанка (с. 144—145). Сюда его привели 120 стадиев Анонимного автора, измеренные от устья Днестровского лимана. А через два года, в 1855 г., К. Нойман вслед за Беккером поместил локализуемый пункт на берегу Будацкого лимана (с. 335 сл.). Но в том же году К. Мюллер высказал принципиально иную точку зрения. По его мнению, Анонимный автор под «устьем Тиры» подразумевал устье реки, а Страбон — устье лимана. Исходя из этого, он отсчитал указанные в перипле 120 стадиев от устья Днестра и отметил башню на месте Белгород-Днестровского, а на карте по данным Страбона поместил ее у правого берега устья лимана¹¹. Вслед за ним А. Форбигер в комментариях к «Географии» Страбона также избрал для нее правый берег устья лимана¹².

Через несколько лет Г. Шоталь на карте, составленной по данным Анонимного автора, поместил башню на левом берегу Днестровского лимана несколько выше устья, у села Роксоланы¹³. А спустя еще несколько лет К. Шпрунер и Т. Менке вслед за Г. Кипертом пришли к выводу, что локализуемый пункт находился у юго-западной оконечности Будацкого лимана, в районе села Приморского¹⁴. Затем взоры исследователей вновь обратились к правому берегу устья Днестровского лимана¹⁵. Споры, как мы видим, не утихали.

Но к концу XIX в. дискуссия постепенно прекратилась. Из множества высказанных гипотез по-прежнему своей убедительностью и аргументированностью выделялась локализация П. В. Беккера. Многие исследователи присоединялись к ней или высказывали аналогичное или близкое мнение¹⁶.

Так, Ф. А. Браун поместил башню Неоптолема вслед за П. В. Беккером на берегу Будацкого лимана, но при этом изложил принципиально иную мысль о причинах расхождений между данными Анонимного автора и Страбона. По его мнению, в указании перипла «От реки Тиры до Неоптолемовых 120 стадиев» имеется в виду не река (ποταμός), а город (πόλις) Тира (с. 202). При таком понимании текста противоречие источников исчезает: оба автора указывают башню Неоптолема в одном и том же месте.

Через некоторое время М. Кислинг попытался устранить это противоречие иначе. Он пришел к выводу, что Анонимный автор считает устьем реки Тиры в отличие от Страбона не устье лимана, а его сужение в районе города Тиры; следовательно, указанные в перипле 120 стадиев определяют в сущности также расстояние между башней Неоптолема и городом Тирой. Руководствуясь этими соображениями, ученый поместил башню также на берегу Будацкого лимана и подчеркнул, что здесь же ее указывает и Страбон¹⁷.

Как мы видим, к единому мнению о местоположении загадочной башни Неоптолема исследователи так и не пришли. Поэтому в энциклопедии классических древностей она была локализована весьма расплывчато — «между Днестровским лиманом и селом Балабанка»¹⁸, т. е. на участке побережья длиной в 25 км. После этого проблема долгое время оставалась в тени. Окончательное ее решение ученые отложили до проведения археологических исследований.

В 1960 г. М. С. Сеницын возобновил поиски башни Неоптолема и отождествил ее с открытым им довольно крупным поселением на правом берегу устья Днестровского лимана (с. 23).

Одно из последних, обстоятельных мнений высказал П. О. Карышковский. Тщательно проанализировав сведения древних авторов о Нижнем Поднестровье, он пришел к следующим выводам. Античные авторы считали устьем Тире устье Днестровского лимана, «причем авторы, которые описывают побережье в направлении движения к западу, помещают это устье у восточного, а те, кто следует противоположному направлению,— у западного берега лимана» (с. 159). У Страбона под устьем подразумевается западный, т. е. правый, берег. А Анонимный автор, считает П. О. Карышковский вслед за Ф. А. Брауном, допустил ошибку: указанные им 120 стадиев являются расстоянием не от реки, а от города Тире (с. 158). Измерения привели исследователя к берегу Будаковского лимана в район села Беленькое, где помещал башню еще П. В. Беккер. Здесь, на возвышенном мысу юго-восточнее села, известно поселение IV—III вв. до н. э. Оно, по мнению Карышковского, и называлось башней Неоптолема, которая, будучи расположена «фактически в 5 км западнее древнего входа в лиман, считалась мореплавателями за исходный пункт при отсчете расстояний по реке» (с. 160—161).

Таковы основные мнения ученых о местоположении башни Неоптолема. Попробуем вкратце проанализировать их. Как мы видим, башню искали в самых различных местах в зависимости от того, какой район считался устьем Тире и как истолковывались сведения античных авторов. Что же можно сказать об этом множестве противоречивых, взаимоисключающих гипотез? Во-первых, следует подчеркнуть, что устьем Тире древние мореплаватели считали, безусловно, не устье Днестра, а устье современного лимана. Следовательно, отпадают все локализации, связанные с речным устьем. Во-вторых, из сведений Страбона и Анонимного автора ясно видно, что башня Неоптолема находилась на правом берегу Тире. Поэтому все поиски на левом берегу лимана также бесперспективны. Остаются несколько точек. Они связаны со значительным участком побережья от Днестровского лимана до села Балабанка. Такой «разброс» объясняется тем, что исследователи по-разному объясняют причину противоречия между данными Страбона и Анонимного автора, ведут отсчет расстояния от различных точек устья Днестровского лимана и пользуются неодинаковым стадием. До устранения этих трех основных препятствий поиски башни не дадут убедительных результатов. Вопрос о длине стадия мы уже рассмотрели. Попробуем ответить и на два других вопроса.

Почему Страбон указывает башню Неоптолема «при устье Тире», а Анонимный автор — в 120 стадиях (19 км) западнее? Какую точку считать устьем Тире? Напомним, что П. В. Беккер полагал, что Страбон подразумевает под устьем правый берег лимана, а Анонимный автор — левый и разница в 120 стадиев определяет, следовательно, ширину устья. М. Кислинг высказал по сути аналогичное мнение с той разницей, что определил Анонимному автору не левый берег устья, а сужение лимана у города Тире. Иная точка зрения Ф. А. Брауна и П. О. Карышковского. Они полагают, что составитель перипла вместо города Тире ошибочно указал реку. Все эти объяснения, казалось бы, устраняют явное противоречие в сведениях античных писателей, но в то же время допускают, что их труды содержат ошибочные указания. Такой подход подрывает доверие к античным источникам. А между тем объяснения современных авторов неубедительны. Трудно согласиться с тем, что в периплах могут быть такие серьезные ошибки и расхождения в принципах измерения расстояний... Ну а где же все-таки искать ключ к разгадке башни Неоптолема? В данных древних авторов о низовьях Тире бросаются в глаза и другие несоответствия в расстояниях, а также противоречия и неясности в описаниях. Так, например, по Страбону, от устья Тире до Никония 140 стадиев (26 км), тогда как в действительности это расстояние втрое меньше. Гермо-нактову деревню Страбон указал при устье Тире, а Птолемей — в 90 стадиях западнее. Кроме того, интересно, что источники упоминают только реку Тире и ничего не говорят о лимане, тогда как, например, в Днепро-Бугском районе они называют и реки (Борисфен и Гипанис), и лиман, в который те впадают.

Все это приводит к мысли о том, что в античное время берега Нижнего Поднестровья выглядели иначе. Ведь за прошедшие тысячелетия могли измениться и контуры морских берегов, и конфигурация лиманов. Не потому ли древние авторы расходятся в указании расстояний?

Необходимость выяснить, как выглядели берега Нижнего Поднестровья в античное время, стала очевидной. Это привело меня в Проблемную лабораторию инженерной геологии и гидрогеологии Одесского университета к Г. И. Иванову, опытному геологу, который, как оказалось, к тому же интересуется античной географией, знаком со сведениями Страбона о Северном Причерноморье и в частности с проблемой башни Неоптолема. Так началось наше многолетнее плодотворное сотрудничество. Уже на первом этапе совместной работы сопоставление письменных источников с геологическими разрезами, картами и схемами позволило выдвинуть интересное предположение. Вскоре оно оформилось в гипотезу, которую нужно было доказать или отбросить как неподтвердившуюся. Пришлось с головой окунуться в материалы геологических исследований, по крупицам выявлять и собирать необходимые факты, чтобы затем на их основе построить палеогеографическую реконструкцию Нижнего Поднестровья для античного времени. Долгий скрупулезный труд увенчался успехом и принес интересные результаты. Вкратце их суть такова.

Рис. 5. Нижнее Поднестровье: а) в архаическое и классическое время; б) в эллинистический и римский периоды; в) в средние века; г) в настоящее время

Специалистами давно уже установлено, что в античное время уровень Черного моря был ниже современного как минимум на 5 м. Бесспорно, что при таком уровне береговая линия моря имела несколько иные, нежели в наше время, очертания, особенно в северозападной, самой мелководной части бассейна.

Как же в античное время выглядело Нижнее Поднестровье? Днестровского лимана, как выяснилось, в тот период вообще не существовало¹⁹. Современная его глубина равна в среднем 1,5 м. Толща лиманно-морских осадков — 2 — 3 м. Следовательно, при уровне минус 5 м здесь протекала река, впадавшая прямо в море. Но главное здесь в том, что в ранний период основное устье реки находилось не на месте современного устья лимана, а примерно в 20 км западнее. В районе села Затока основное русло реки поворачивало на юго-запад и выходило в море у села Приморского. Затем в результате повышения уровня моря и гидрологических изменений в дельте реки это устье переместилось к Затоке, к месту современного устья лимана. По мере дальнейшего наступления моря долина реки подтапливалась все выше и выше, в результате чего в средневековье образовались первоначальные контуры обширного лимана.

Но мутные воды Днестра выносят в лиман большое количество осадков, которые постепенно заполнили его верховья и отделили северную часть в виде Карагольского залива. В низовьях же под воздействием морских волн стала формироваться пересыпь — узкая песчаная коса, отгородившая лиман от моря. Одновременно лиманно-морские осадки отделили юго-западную часть лагуны, обратив ее в самостоятельный Будакский

лиман, который сейчас полностью отрезан от моря. А в пересыпи Днестровского лимана сохраняется Цареградское гирло, через которое лиман сообщается с морем. Такова вкратце история образования Днестровского лимана. Он появился, как выяснилось, уже после того, как были написаны произведения древних авторов. Поэтому они упоминают только реку Тиру и ничего не говорят о лимане.

Палеогеографическая реконструкция и стала ключом к решению проблемы. Теперь, когда мы знаем, как выглядела местность в античное время, нетрудно понять, почему Страбон и Анонимный автор расходятся в определении местоположения башни Неоптолема. Причина кроется, по-видимому, в том, что первый автор использовал ранний источник, во времена которого устье реки находилось у села Приморского, а второй располагал сведениями более позднего времени, когда река выходила в море у села Затока. Поэтому в одном случае башня указана при устье Тиры, а в другом — в 19 км западнее. Эта цифра как раз и определяет расстояние между старым и новым местоположением устья.

Геологические данные, разумеется, не могут точно определить время перемещения устья Тиры. Они выявляют лишь сам факт такого перемещения в античный период. Примерную датировку можно получить путем сопоставления сведений древних авторов. Так как Страбон указывает старое местоположение устья, а Анонимный автор — новое, то перемещение устья произошло, бесспорно, в промежутке времени, которым отделены их источники. Сведения Анонимного автора датируются, как считает М. И. Ростовцев, временем не позднее III в. до н. э.²⁰ Следовательно, не позже III в. до н. э. переместилось и само устье. Едва ли это событие произошло раньше IV в. до н. э., так как поселение, отождествляемое с Гермонактовой деревней, которую Страбон указывает также у старого устья, возникло, как мы увидим далее, именно в IV в. до н. э. Основываясь на этих датах, можно полагать, что основное устье Тиры переместилось от Приморского к Затоке примерно в конце IV — начале III в. до н. э.

Что же нам это дает для выяснения местоположения башни Неоптолема? Во-первых, мы уже знаем, как выглядели берега низовьев Тиры в античный период. Во-вторых, в нашем распоряжении имеются уже не противоречивые сведения древних авторов, а конкретные указания о том, где именно находилась эта башня. Но, прежде чем приступить к конкретным поискам, необходимо сказать несколько слов о самой башне, о том, что она собой представляла, в честь кого названа.

По этому вопросу существуют две точки зрения²¹. Большая группа ученых считает, что речь идет об оборонительном сооружении, названном в честь Неоптолема, одного из военачальников понтийского царя Митридата VI Евпатора. Предполагается, что в начале I в. до н. э. он дошел до реки Тиры, где в ознаменование его побед была воздвигнута эта башня. Но изучение источников показывает, что сведения Страбона и Анонимного автора о башне Неоптолема предшествуют митридатовскому времени примерно на два-три столетия. Следовательно, Неоптолем-военачальник не мог иметь никакого отношения к башне в устье Тиры.

Согласно другому мнению, башня Неоптолема служила маяком и названа в честь сына Ахилла — владыки Понта. Теперь, когда мы располагаем палеогеографической реконструкцией района, эта точка зрения получает убедительное подтверждение. Собственно говоря, для какой иной цели предназначалась башня, сооруженная на высоком морском берегу в устье большой судоходной реки?! Правда, некоторых исследователей смущает то обстоятельство, что Страбон называет это сооружение башней: ведь такое слово вызывает обычно представление об оборонительной башне. Но терминологический анализ «Географии» показывает, что Страбон называет башней (πύργος) также маяки, в том числе знаменитый Александрийский маяк — одно из семи чудес света, Фаросский маяк, Цепионов маяк и др. (XVII, 1, 6. 9: III, 1, 9). Башни другого рода географ характеризует обычно иначе, например: «сторожевая башня (σκόπη) Персея»

(XVII, 1, 18). Итак, башня Неоптолема служила маяком, но она, разумеется, могла использоваться и как оборонительное сооружение.

Вернемся, однако, к поискам самой башни. Следуя указаниям Страбона и Анонимного автора, ее нужно искать в районе села Приморского, которое раскинулось на высоком обрывистом мысу юго-западной оконечности Будакского лимана. Здесь в древности находилось устье Тиры. Даже при первом знакомстве с этой местностью становится ясно, что самое подходящее место для маяка — южная оконечность мыса, который и сейчас служит ориентиром для моряков. Он виден далеко в море, как указано в лоции — за 12 миль от берега. Обнаружив его, мореплаватели легко ориентируются, точно подходят к нужному месту.

Итак, круг поисков сузился. Все внимание теперь сосредоточилось на мысе Будакского лимана. Оставалось провести здесь археологические разведки. Тщательно, метр за метром эта местность была прочесана, как говорится, вдоль и поперек. Но безрезультатно. Никаких следов башни обнаружить не удалось. Неужели неудача?! Ведь все построения представлялись такими логичными и убедительными. Где же может быть ошибка? Снова выручила палеогеографическая реконструкция. В древнегреческий период берег моря в районе устья Тиры проходил не менее чем в 500 м южнее современного. Береговой обрыв, ныне активно разрушаемый волнами, проходил также южнее. Многолетние наблюдения специалистов показывают, что средняя скорость абразии (разрушения берега) равна здесь 1 м/год, а в отдельные годы она бывает большей²². Уже в наше время, на глазах одного поколения берег отступил на несколько сот метров. Конечно, в древности этот процесс проходил медленнее, но все же надо полагать, что за прошедшие 2 тыс. лет море уничтожило здесь полосу берега до 1 км. А древнегреческий маяк стоял, безусловно, на краю плато, как этого требуют навигационные правила. Напрашивается вывод, что башня Неоптолема давно разрушена абразией и ее остатки лежат сейчас на дне моря.

Такой вывод может показаться на первый взгляд неожиданным. Однако за последние 2 тыс. лет на всем Черноморском побережье берег отступил на довольно значительное расстояние: от нескольких десятков метров до километра и более. В результате разрушена прибрежная часть многих античных городов и поселений, а некоторые уничтожены полностью. Подводные археологические разведки последних лет подтверждают эти данные.

Недавно мы начали подводные поиски остатков башни Неоптолема. Получены первые обнадеживающие результаты. На месте, где, по нашим предположениям, находилась башня, были обнаружены на глубине нескольких метров обломки амфор и другой древней посуды. Эти находки в общем подтверждают высказанную гипотезу. Но башня, к сожалению, оставила значительно меньше следов, чем, например, затопленный город или поселение. Будем надеяться, что дальнейшие исследования дадут новые результаты и помогут отыскать остатки самой башни.

Кого-то из читателей, наверное, разочарует такой исход поисков загадочной башни, длившихся более 400 лет. Конечно, хотелось бы увидеть наконец этот маяк. Но что делать, если природа распорядилась по-своему и башню поглотили волны Понта Эвксинского. Такова судьба многих маяков. И в наше время море так быстро наступает на сушу, что некоторые маяки приходилось уже не единожды переставлять подальше от разрушающегося берега.

В заключение несколько слов о древнегреческом маяке. Он был сооружен, видимо, в V в. до н. э., когда стала быстро развиваться торговля Никония и Тиры со средиземноморскими центрами. Для того чтобы экономические связи были регулярными и прочными, необходимо было в первую очередь обеспечить удобное и безопасное плавание. Поэтому в устье реки на высоком морском мысу был сооружен маяк, указывающий вход в довольно сложный фарватер реки. С наступлением темноты на маяке зажигали огонь, который был виден далеко в море и помогал ориентироваться кораблям

из далекой Эллады и соседних древнегреческих городов. Видимо, многим мореплавателям принес он спасение, многим возвращал уверенность, вселял надежду и веру, придавал силы для дальнейшего плавания. Иначе его не назвали бы именем Неоптолема, сына владыки Понта — Ахилла и не удостоился бы он упоминания в произведениях античных географов и историков. Вот, пожалуй, и все, что сегодня можно сказать о башне Неоптолема. Новые исследования, несомненно, прольют более яркий свет на интересный памятник античной истории и географии.

Теперь о Гермонактовой деревне. Страбон указывает ее вместе с башней Неоптолема при устье Тиря, по данным же Птолема, Гермонактова деревня находилась примерно в 90 стадиях (16,5 км) западнее устья реки (III, 10, 7). История ее поисков неразрывно связана с поисками башни Неоптолема. Поэтому, чтобы избежать повторений, приступим сразу к ее локализации.

Как и в случае с башней Неоптолема, палеогеографическая реконструкция помогла устранить противоречие между данными Страбона и Птолема о местоположении Гермонактовой деревни и облегчила ее поиски. Выяснилось, что в первом случае дана привязка к раннему местоположению устья, а во втором — к поч-дному. Расчеты показали, что деревню надо искать на берегу Будакского лимана, в 3 — 5 км восточнее села Приморского или в 15—17 км западнее села Затока, т. е. в районе сел Попаздра — Косовка. Здесь известно самое крупное в округе античное поселение IV — III вв. до н. э. Именно оно, вероятнее всего, и называлось Гермонактовой деревней. Личность Гермонакта, именем которого назван этот пункт, неизвестна.

Рис. 6. Поиски Гермонактовой деревни:

- 1) И. Стукий, Л. Ортелий, Г. Меркатор, К. Манкерт, И. А. Стемпковский, Н. Н. Мурзакевич, К. Мюллер, К. Шпрунер и Т. Менке. П. О. Карышковский;
- 2) М. Бронивский;
- 3) дю-Тейль и Корэ, А. Форбигер, К. Мюллер;
- 4) Г. Келер. М. С. Сеницын;
- 5) Э. Г. Муральт; 6) Г. Киперт;
- 7) П. В. Беккер, К. Нойман, Т. Рейнак, Ф. А. Браун, В. В. Латышев, М. Кислинг

Палеогеографическая реконструкция прояснила вопрос о городе Фиска. Этот город указывает только Клавдий Птолемей. По его данным, Фиска расположена примерно в 112 стадиях (20,7 км) восточнее устья Тиря (Ш, 10, 7). Указание, как мы видим, довольно конкретное. Несмотря на это, исследователи искали город несколько столетий, но так и не пришли к единому мнению о его местоположении.

Одним из первых, кто заинтересовался этим вопросом, был И. А. Стемпковский. Он поместил Фиску на Приморском бульваре Одессы, где в 1823 г. при строительных работах было открыто довольно крупное древнегреческое поселение (с. 57—59). Здесь находили обломки амфор, чернолаковой посуды, иногда целые сосуды. В то время между устьем Днестровского лимана и Одессой не было известно других поселений. И Стемпковский пришел к выводу, что поселение на Приморском бульваре и есть Фиска.

Этот пункт, по его мнению, тождествен с упоминаемой Аррианом и Анонимным автором гаванью истриан. Эта точка зрения не была признана, так как расстояние от Днестровского лимана до Приморского бульвара более чем в 2 раза превышает отмеченную Птолемеем цифру. Но работа И. А. Стемповского привлекла внимание исследователей к проблеме локализации Фиски и дала толчок к дальнейшим поискам этого города.

Рис. 7. Поиски Фиски:

- 1) И. А. Стемповский;
- 2) Э. Г. Муральт;
- 3) Г. Киперт, К. Шпрунер и Г. Мечке, П. В. Беккер, Ф. К. Круп, Э. Минз;
- 4) Ф. А. Браун;
- 5) В. И. Гошкевич;
- 6) М. С. Синецын

Через некоторое время появилась новая гипотеза. Э. Г. Муральт поместил Фиску также на территории Одессы, но еще дальше к северо-востоку, на так называемой Жеваховой горе (с. 137—140). Здесь было открыто небольшое древнегреческое поселение IV — III вв. до н. э. Но и эта локализация, как и предыдущая, не была принята.

Новые исследователи искали Фиску гораздо ближе к Днестровскому лиману, но не пришли к единому мнению, так как проводили измерения из разных точек устья лимана. Например, К. Шпрунер и Т. Менке, Г. Киперт, П. В. Беккер, Ф. К. Брун, Э. Минз отсчитывали путь от Цареградского гирла и попадали в устье реки Барабой. А Ф. А. Браун брал за исходную гонку лспый коренной берег и доходил до Сухого лимана в район города Ильичевска (с. 208). Но в указанных исследователями местах не удавалось найти следы города; самые тщательные поиски не дали никаких результатов. Тогда нетал вопрос: а существовал ли такой город вообще? Руководствуясь этой мыслью, К. Мюллер пришел к выводу, что здесь вкралась ошибка: вместо «Фиска» (φισκη) следует читать «исиакон» (Ἰσι ακη), т. е. гавань исиаков, упоминаемая в периплах Арриана и Анонимного автора и расположенная, по его мнению, юго-западнее Одессы, в Черноморке²³. Так Фиске было отказано в существовании.

Но в начале нашего века проблемой Фиски занялся В. И. Гошкевич. Во время разведок берегов Днестровского лимана в районе поселка Каролино-Бугаз он обследовал

издавна известное античное городище и пришел к выводу, что ему «ближе всего соответствует птолемеева Фиска» (с. 182). Но с этим мнением не согласились. Причина заключалась в несоответствии расстояний: ведь это городище расположено у самого устья лимана, а не в 20,7 км восточнее устья Тиры.

Еще одна локализация была предложена М. С. Синециным. Руководствуясь непонятными соображениями, он отождествил Фиску с городищем, расположенным на левом берегу Днестровского лимана на месте Овидиополя (с. 24). Локализация города здесь, в 20 км не к востоку, а на север от устья, и не на берегу моря, как следует из указания Птолемея, а в глубь материка, полностью противоречит данным источника и не выдерживает никакой критики. А между тем нет никаких оснований искать у Птолемея ошибку. Сведения о Фиске ясны и конкретны: город находился примерно в 20,7 км восточнее устья Тиры. Но поиски были затруднены, как теперь выясняется, географическими изменениями: перемещением устья Тиры и образованием лимана.

В компилятивном труде Птолемея собраны воедино разновременные сведения, в которых под «устьем Тиры» подразумеваются разные устья. Расстояния до города Тиры и Гермонактовой деревни измерены от позднего местоположения устья, т. е. от района села Затока, а до Никония, Офиуссы и Фиски — от раннего местоположения, т. е. от села Приморского²⁴. Отсчитав оттуда указанные Птолемеем 20,7 км, мы приходим именно к левому берегу устья Днестровского лимана, где расположено Каролино-Бугазское городище. Следовательно, В. И. Гошкевич совершенно правильно отождествил его с Фиской.

Это городище известно в науке еще с XVIII в.: его развалины были отмечены тогда в рукописном атласе де-Волана, одного из первых исследователей этого края. Упоминает его и А. С. Уваров: «Тут, у Бугаза, разбросаны курганы и земляные возвышения, свидетельствующие о каком-то древнем поселении, вероятно, греческом, судя по черепкам амфор и сосудов, покрывающим всю эту местность» (с. 151).

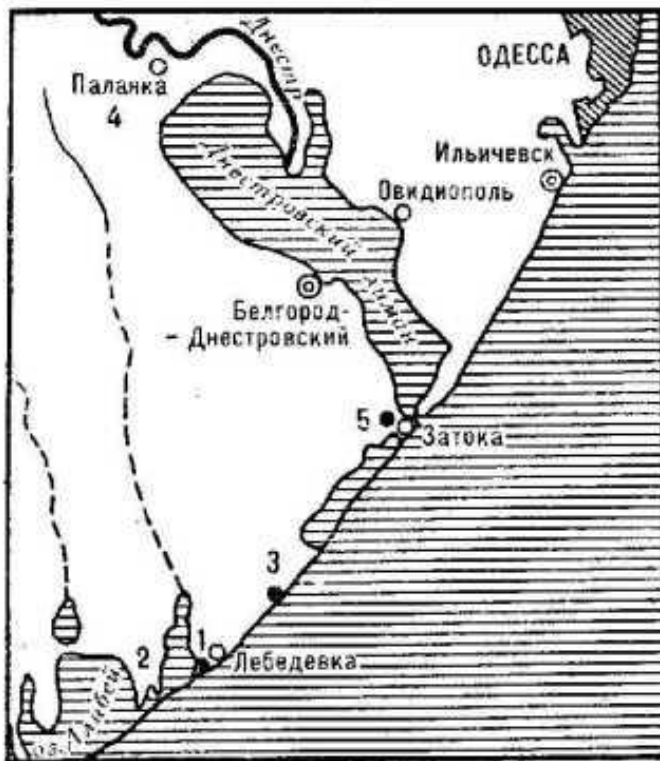

Рис. 8. Поиски города Кремниси:

- 1) Ж. Гэль, Ф. Укерт, А. Форбигер, К. Нейман, В. В. Латышев;
- 2) К. Маннерт, Ф. Кюльб, Г. Киперт, К. Шпрунер и Т. Менке;
- 3) П. В. Беккер;
- 4) Э. Г. Муральт;

5) К. Мюллер

Интересные сведения о городище приводит В. И. Гошкевич: «По входе в Днестровский лиман чрез Очаковское (восточное) гирло, по правую руку, тут вблизи хут. Бугаз, на возвышенности, над косою расположено городище. Широкой балкой, опускающейся к косе, городище разделяется на две неравные части: балка эта, по-видимому, представляет собой веками размытый древний съезд к лиману. Вся площадь городища усеяна обломками, нередко попадались мне черепки чернолаковые. Целый платок каких-то монет, как мне сообщили на месте, увез отсюда в 1895 году покойный И. К. Суручан» (с. 181). Позже В. И. Гошкевич писал о результатах второго посещения этого городища: «По рассказам местных жителей, на склоне ведущей к пересыпи возвышенности они выкапывали древние фундаменты, а на самой пересыпи обнаружены каменные плиты. Из этих материалов был построен на мысу над городищем помещичий дом. По-видимому, здесь был некрополь: при земляных работах у усадьбы встречались погребения и целые амфоры. Находили в Бугазе и древние монеты»²⁵.

Сейчас эти сведения особенно ценны, так как почти вся территория древней Фиски занята современными постройками, а некрополь распахан.

В последние годы здесь неоднократно проводились разведки. Полученные материалы показывают, что Фиска была довольно крупным населенным пунктом. Но ее конкретная история нам почти неизвестна. Рассказать о ней можно будет лишь после многолетних планомерных раскопок.

Палеогеографическая реконструкция облегчила и поиски города Кремниски. По данным Анонимного автора (§ 89), этот город находился в 120 стадиях (19 км) к западу от башни Неоптолема или в 240 стадиях от устья Тиры. Не имея правильной точки отсчета, исследователи искали Кремниски в самых различных местах побережья от Днестра до Дуная, но так и не нашли²⁶. Теперь же, зная, где находилось устье Тиры и башня Неоптолема, можно определить и местоположение этого города.

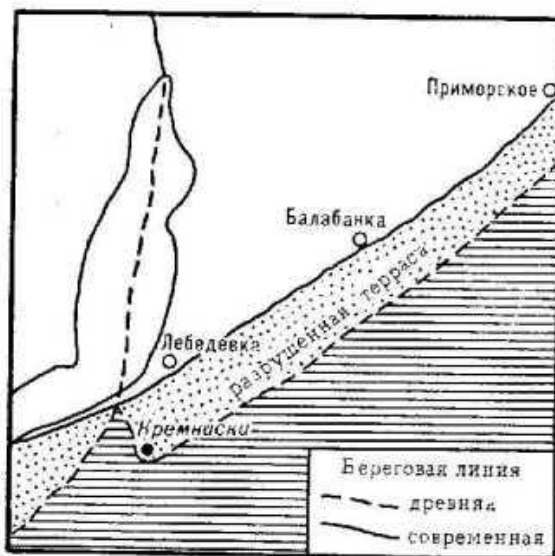

Рис. 9. Палеогеографическая реконструкция района оз. Бурнас для второй половины 1-го тысячелетия до н. э.

Отмеченное в перипле расстояние приводит к левому берегу устья озера Бурнас, где локализовали Кремниски еще Ф. Укерт, А. Форбигер, К. Нойман, Г. Киперт, В. В. Латышев и другие ученые. Но здесь нет следов античного поселения. Самые тщательные разведки не дали никаких результатов. Палеогеографическая реконструкция показала, что здесь, как и в районе башни Неоптолема, берег значительно отступил. Скорее всего, город был разрушен абразией и затоплен морем. Начатые здесь подводные археологические раз-

ведки подтверждают это. Аквалангисты обследовали у Бурнасского мыса участок морского дна площадью около 1 кв. км. Примерно в 500 м южнее мыса на глубине 3—5 м на площади 500x300 м были обнаружены обломки амфор эллинистического времени, фрагменты лепной посуды, обломок мраморной плиты (см. рис. 47). Все находки лежали в перемещенном положении и были сильно окатаны. Нет сомнений в том, что они относятся к поселению, существовавшему на древнем мысу. С повышением уровня моря оно было разрушено и затоплено. Надо думать, эти находки относятся к городу Кремниски. Окончательный ответ на этот вопрос дадут дальнейшие подводные археологические исследования в этом районе.

В переводе слово «Кремниски» означает «Круто-горск». Этот возвышенный участок берега между Бурнасским и Приморским мысами Плиний назвал Макрокремнискими горами. Такая характеристика, разумеется, весьма условна, но со стороны моря этот район довольно величественно возвышается над окружающей низменной местностью.

¹ *Фирсов Л. В.* Об эратосфеновом исчислении окружности Земли и длине эллинистической стадии.— ВДИ, 1972, № 3, с. 168.

² *Ломоури Н. Ю.* Из исторической географии древней Колхиды.— ВДИ, 1957, № 4, с. 97.

³ *Брун Ф. К.* Черноморье, ч. 2. Одесса, 1880, с. 251.

⁴ *Ельницкий Л. А.* Из исторической географии древней Колхиды.— ВДИ, 1938, № 2, с. 308, прим. I.

⁵ *Кордт В.* Материалы по истории..., вторая серия, вып. I. Киев, 1906, карта 5.

⁶ *Stuckius J.* *Arriani historici...*, karta; *Яцунский В. К.* Историческая география. М., 1955, см. карту А. Ортеля.

⁷ *Кордт В.* Матеріяли до історії картографії України, ч. 1. Київ, 1931. карта 23.

⁸ Там же, карта 21.

⁹ *Gail J.* *Geographi Graeci minores*, t. 3. P., 1831, karta.

¹⁰ *Сибирский А. А.* Отчет о предположениях П. Беккера о древней Никонии и башне Неоптолема.— Записки Санкт-Петербургского археологического общества, т. 8, 1856, приложения, с. 41—42.

¹¹ *Müller C.* *Geographi...*, karta XVI; *Muller C.* *Strabonis...*, karta VI.

¹² *Strabo's Erdbeschreibung*, übersetzt und durch Anmerkungen erläutert von *A. Forbiger*, Bd. 3. Stuttgart, 1857, S. 89, not. 60.

¹³ *Chotald H.* *Le Periple de la mer Noire par Arrien*. P., 1860, karta.

¹⁴ *Sprunger K., Menke T.* *Atlas antiquus*. Gothae, 1865, karta XXIV.

¹⁵ *Юргович В., Маркопуло А.* Страбона «Географии» книга седьмая.— ЗООИД, т. 10, 1877, с. 76, прим. 7.

¹⁶ *Reinach Th.* *Mithridate Eupator. Roi de Pont*. P., 1890, p. 79, not. 1; *Браун Ф. А.* Разыскания..., с. 200; *Латышев В. В.* Известия..., т. 2, карта; *Семенов-Зусер С. А.* Торговый путь к Ольвии.— Учені записки Харьківського державного університету, № 19, 1940, с. 102, прим. 8.

¹⁷ *Kiessling M.* *Hermonaktos kome*. — RE, Hb. 15, 1912, Sp. 895.

¹⁸ *Herrmann A.* *Neoptoleμου purgos*.— RE, Hb. 32, 1935, Sp. 2470.

¹⁹ Подробно см.: *Агбунов М. В.* К вопросу® локализации башни Неоптолема и Гермонактовой деревни.— ВДИ, 1978, № 1, с. 116—122.

²⁰ *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор, с. 73.

²¹ Литературу вопроса см.: *Агбунов М. В.* К вопросу о локализации..., с. 123.

²² *Шуйский Ю. Д., Иванов Г. И.* О смещении береговой линии в северо-западной части Черного моря.— Геология побережья и дна Черного и Азовского моря в пределах УССР, вып. 2. Киев, 1968, с. 122.

²³ *Müller C.* *Claudii Ptolemaei Geographia*, vol. 1, p. 469, not. 13.

²⁴ *Агбунов М. В.* Заметки по античной географии..., с. 121—124.

²⁵ *Фабрициус И. В.* Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951, с. 11.

²⁶ См.: *Агбунов М. В.* Материалы по античной географии...— ВДИ, 1981, № 1, с. 138—143.

ОСТРОВ ТИРАГЕТОВ

Плиний Старший при описании низовьев Тире упоминает остров тирагетов: «За Истром же находятся города Кремниски и Эполий, горы Макрокремны, известная река Тира, давшая имя городу на том месте, где, как говорят, прежде была Офиусса; обширный остров на этой же реке населяют тирагеты; он отстоит от Псевдостомы, устья Тире на 130 миль» (IV, 82). Но в настоящее время ни на Днестровском лимане, ни в низовьях Днестра никакого острова нет. О каком же острове пишет Плиний? По этому поводу существовало несколько различных точек зрения. Были споры, разгорались дискуссии. Но после 200-летних поисков проблема острова тирагетов так и осталась нерешенной.

Сначала несколько слов о самих тирагетах. Это одно из небольших племен, обитавших в районе Днестра. Отсюда и его название тирагеты, т. е. «геты, живущие на Тире». Гетские племена, как известно, заселяли юго-запад Украины, часть Молдавии, Румынии. Они занимались земледелием, охотой, рыболовством, различными ремеслами, торговлей. Их поселения хорошо изучены, например в Среднем и Нижнем Поднестровье. Но островных поселений здесь нет, как нет и самих островов. Ничего не пишут об этом и другие авторы. Поэтому уникальное сообщение Плиния вызывает большой интерес.

Одним из первых поисками острова тирагетов занялся известный путешественник XVIII в. К. Пейсонель. Он внимательно ознакомился с местностью и обратил внимание на то, что в нижнем течении Днестра от его основного русла отделяется протока под названием Турунчук, которая течет параллельно реке, а затем вновь сливается с ней. Этот огромный участок поймы, омываемый Днестром и Турунчуком, исследователь отождествил с островом тирагетов¹.

В начале XIX в. известный русский путешественник и ученый граф И. И. Потоцкий независимо от К. Пейсонеля также поместил остров тирагетов между Днестром и Турунчуком². Позже к ним присоединились Ф. Укерт (с. 186), К. Нойман (с. 359) и другие ученые.

Вскоре появилась и другая точка зрения. Группа переводчиков и комментаторов «Естественной истории» (И. Гардуини, Г. Бротьер и другие) пришла к выводу, что Плиний имеет в виду остров Тендру³. Речь идет о западной оконечности Тендровской косы, расположенной, как уже говорилось, в открытом море вблизи устья Днепровского лимана. Этот участок, как и вся коса, представляет собой песчаные наносы моря. В XVIII — XIX вв., а также в средневековье он считался отдельным островом. Его и отождествили с островом тирагетов. Но это мнение было совершенно справедливо отвергнуто. Ведь Тендра находится не на реке Тире, а в 80 км восточнее, близ Борисфена, да еще и в море. Этот район известен древним авторам, в том числе и Плинию, как Ахиллов Бег, и называют они его не островом, а полуостровом. Поэтому согласиться с таким отождествлением нельзя.

В середине прошлого века с новой точкой зрения выступил Э. Г. Муральт. Он пришел к следующему выводу: «Древний «остров тирагетов» перед устьем Днестра или Тираса ныне составляет косу, пересекаемую двумя каналами, служащими для истока воды лимана» (с. 132). Как мы видим, исследователь поместил наш остров на пересыпи Днестровского лимана. Сейчас здесь существует только одно Цареградское гирло. А раньше, вплоть до начала нашего столетия, в пересыпи имелось еще одно гирло — Очаковское. И средняя часть пересыпи, отделенная двумя гирлами, была в полном смысле слова островом.

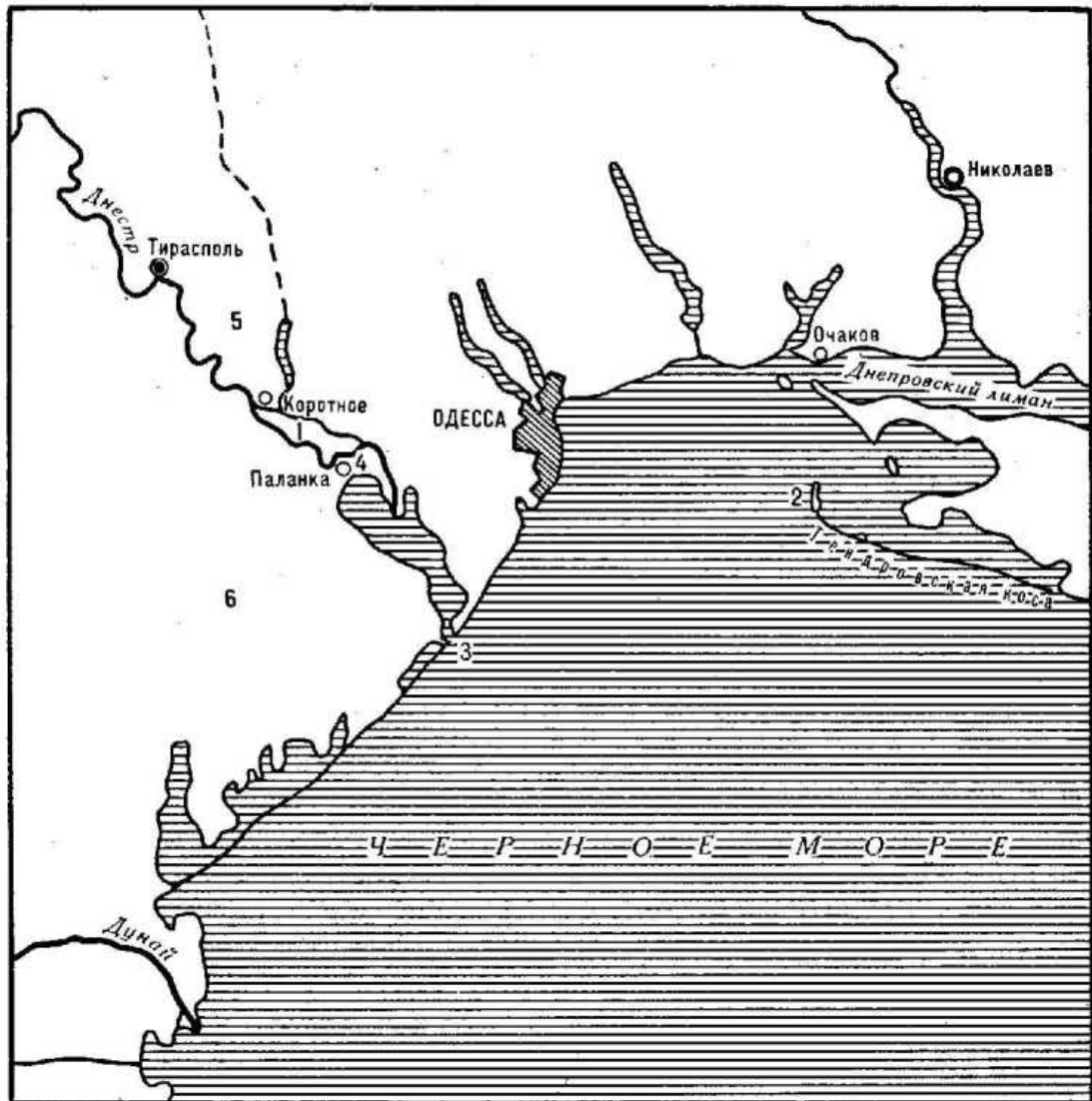

Рис. 10. Поиски острова тирагетов:

- 1) К. Пейсонель, И. И. Потоцкий, Ф. Укерт, К. Нойман;
- 2) И. Гарлуини, Г. Брошер и др.;
- 3) Э. Г. Муральт;
- 4) П. В. Беккер;
- 5) Ф. К. Брун, В. И. Григорович;
- 6) Л. А. Ельницкий

Обратился к этой проблеме и П. В. Беккер. Как уже говорилось, он одним из первых высказал мысль о том, что за прошедшие 2 тыс. лет в географическом облике Нижнего Поднестровья произошли определенные изменения. По его мнению, пересыпь Днестровского лимана в античное время не существовала и, следовательно, локализация здесь острова тирагетов ошибочна. Беккер сосредоточил свое внимание на местности в устье реки и пришел к выводу, что «Днепр, впадая в древности двумя рукавами в лиман, образовал остров», на котором жили тирагеты (с. 166—169, 188, 189). Так район поисков переместился в устье Днестра.

Затем поисками острова занялся Ф. К. Брун. Он изучил найденную в 1846 г. на левом берегу Днестра, у села Коротное, мраморную плиту с надписью, которая содержит два рескрипта римских императоров на имя тригов. Эта находка навела ученого на мысль о том, что остров тирагетов находился именно там, где была найдена надпись. И Брун

отождествил этот остров с обширным полуостровом между Днестром и его притоком Кучурганом (Черноморье, ч. I, с. 3—13).

Эти выводы заинтересовали другого известного в то время исследователя — профессора Московского университета В. И. Григоровича. Детально изучив топографию местности в нижнем течении реки, он также пришел к выводу, что остров тирагетов был между Днестром и Кучурганом⁴. По его мнению, Кучурган в древности был рукавом Днестра и отделялся от основного русла в районе Тирасполя по ныне пересохшим балкам Суклейская и Глубокая. Таким образом, этот крупнейший район междуречья от Тирасполя до села Граденицы, близ которого Кучурган впадает в Днестр, был отождествлен с упоминаемым Плинием островом.

Новые исследователи не признавали ни одну из точек зрения своих предшественников, но более приемлемое решение найти не могли. Тогда возник иной вопрос. А был ли такой остров вообще?

В конце XIX в. К. Мюлленгоф утверждал, что остров тирагетов «вовсе не существует» (т. 3, с. 56). Этот вывод долгое время оставался незамеченным. А через полвека Л. А. Ельницкий пришел к аналогичному заключению: ««Островом» Плиний по примеру других древних авторов именуется пространство между двумя реками и морем» (ВДИ, 1949, № 2, с. 279, прим. 7). Таким образом, по мнению исследователя, название «остров тирагетов» условно и относится, неполно, к Днестро-Дунайскому междуречью. Этот вывод, высказанный более 30 лет назад, положил конец спорам об острове тирагетов.

Итак, исследователи локализовали остров тирагетов в шести различных местах: 1) между Днестром и Турунчуком; 2) на Тендре; 3) на пересыпи Днестровского лимана; 4) в устье Днестра; 5) между Днестром и Кучурганом; 6) между Днестром и Дунаем. Перейдем теперь к их анализу. Начнем с последней точки зрения.

По мнению Л. А. Ельницкого, Плиний имел в виду междуречье Днестра и Дуная и назвал его островом «подобно тому, как ионийские географы считали островами и самые материки». Что ж, действительно в период зарождения географических знаний и при самом общем описании известной земли островами называли и целые материки. Но применимо ли такое сравнение к Плинию? Ведь к его времени география шагнула далеко вперед, и в понятие «остров» вкладывали уже совершенно конкретный смысл. Кроме того, Плиний упоминает остров тирагетов не в краткой общей справке об ойкумене, где можно было назвать островом и междуречье, и целый материк, а при детальном описании конкретного участка Черноморского побережья. Ведь Плиний отлично знает, что такое остров. Он указывает, к примеру, ряд островов в дельте Истра, в Каркинитском заливе и других местах. Более того, Плиний в своем изложении употребляет также термин «полуостров» и применяет его в полном соответствии с географическим объектом. В Северном Причерноморье, например, полуостровом названа Тендровская коса. Таким образом, становится ясным, что остров тирагетов — это не пространство между двумя реками, а конкретный остров в полном смысле этого слова. Такой остров и необходимо искать.

Переводчики и комментаторы Плиния не нашли такой объект в Нижнем Поднестровье и перенесли поиски за пределы этого района, к Тендре. Но ее местоположение никак не соответствует указанию источника. Ведь Плиний ясно указывает, что остров был расположен на реке Тире. Об этом же говорит и название обитавшего здесь племени. Следовательно, именно в низовьях Тире и необходимо искать этот остров.

Теперь о мнении Ф. К. Бруна и В. И. Григоровича. Указанный ими район между Днестром и Кучурганом представляет собой обычную холмистую причерноморскую степь, ничем не выделяющуюся среди соседних мест. К нему неприменимо даже название полуострова, не говоря уже об острове. А привлекаемая Вруном надпись не имеет никакого отношения к острову тирагетов ни по содержанию, ни по времени. Она появилась через 122 года после смерти Плиния. Дополнительная аргументация Григоровича основана лишь на догадке о том, что в древности более полноводный Днестр

в районе Тирасполя отделял рукав в Кучурган и превращал этот крупнейший участок междуречья в своеобразный остров. Но топография указанного района не подтверждает эту мысль. В районе Тирасполя рельеф местности между Днестром и Кучурганом довольно возвышенный, и даже при большой полноводности Днестра здесь никак не мог проходить его рукав. Кроме того, этот коренной участок причерноморской степи в любом случае никак нельзя назвать островом.

Перейдем теперь к следующей точке зрения. Часть поймы между Днестром и Турунчуком, где локализовали остров тирагетов К. Пейсонель, И. И. Потоцкий, Ф. Укерт, К. Нойман и другие исследователи, действительно имеет островное положение. Но этим и исчерпывается их аргументация. А контрдоводов набирается гораздо больше. Во-первых, местоположение этого острова никак не соответствует данным Плиния. По источнику, остров тирагетов отстоит от Псевдостомы (одно из устьев Истра) на 130 миль, т. е. на 192 км. Соответствующие измерения приводят нас на акваторию Днестровского лимана, в район города Тире. Да и из самого описания ясно следует, что указанный остров расположен в непосредственной близости от города Тире. А участок поймы между Днестром и Турунчуком находится гораздо выше. Во-вторых, здесь не обнаружено никаких следов обитания тирагетов. В-третьих, неизвестно, существовал ли этот остров в античное время. Он образовался в результате перемещения основного русла реки и его меандрирования, но, когда именно, ответить трудно. Русло Днестра в низовьях перемещается, как известно, довольно часто. Так что вполне возможно, что остров, о котором идет речь, появился лишь в средние века.

Мнение Э. Г. Муральта о локализации острова тирагетов на пересыпи Днестровского лимана подверг критике еще П. В. Беккер. Он совершенно правильно охарактеризовал эти песчаные наносы как «формацию позднейших веков». Но его критика была излишне резкой, тем более что и сам он в свою очередь впал в такую же ошибку. Указанный им остров в устье Днестра представляет собой также молодое образование. Это выносы реки за последнее тысячелетие.

Итак, в истории поисков острова тирагетов ни одна из точек зрения исследователей, которые занимались этой проблемой, не получила реального подтверждения. В последние годы новые комплексные историко-географические исследования, как мы писали выше, позволили по-новому подойти к решению вопроса о местоположении башни Неоптолема, Гермонактовой деревни и других пунктов. Эти результаты заставили иначе посмотреть и на сообщение Плиния об острове на реке Тире. Возникла мысль о воссоздании той палеогеографической обстановки, какая была в низовьях реки в античное время.

И мы вновь обратились к материалам геологических исследований. При изучении батиметрической карты Днестровского лимана бросилось в глаза следующее обстоятельство. На дне лимана ясно прослеживаются две неглубокие ложбины. Они примерно повторяют контуры берегов: правая ложбина проходит вдоль правого берега, левая — вдоль левого. Расстояние от берега до ложбин равно в среднем 1 км.

Что же это за ложбины? Каково их происхождение? Найти ответ помог геологический разрез дна лимана. Оказалось, что ложбины — это не что иное, как еще не полностью заиленные долины, по которым протекали два рукава реки. Таким образом выясняется, что море затопило дельту реки. Днестр при впадении в море имел характерную для крупных равнинных рек дельту. В районе современного села Маяки русло реки разделялось на два рукава. Промежуток между ними представлял собой огромный остров, сложенный из иловых отложений реки. Существование таких островов в дельтах рек — обычное явление. Древние авторы указывают несколько дельтовых островов между устьями Истра, Танаиса (Дона) и других рек. Да и сегодня в дельте Дуная есть подобные острова. Так что в существовании днестровского острова нет ничего необычного. Это бесспорный геологический факт. Отсюда становится понятным, почему составитель хрестоматии из «Географии» Страбона (см. ВДИ, 1947, № 4, с. 242) и

Птолемей (III, 10, 7; см. ВДИ, 1948, № 2, с. 243) говорят не об *устье*, а об *устьях* реки Тирь. Остановимся теперь на топографии дельтового острова. В наше время его древняя поверхность перекрыта толщиной лиманных отложений в несколько метров. Самая высокая точка ушедшего под воду острова, как показывает геологический разрез, находится ниже современного уровня моря примерно на 3 м. А в античный период уровень моря был ниже этой отметки. Следовательно, днестровский остров возвышался над водой на 1—2 м, а в северной части, вверх по реке, он был несколько выше. Длина острова в среднем равнялась 20—30 км, ширина — 5 — 8 км. С повышением уровня моря его размеры уменьшались, и остров постепенно скрылся под водой. В средние века над ним заплескались волны образовавшегося лимана.

Когда выяснилось, что Днестровского лимана в античное время не существовало, пришлось на многое посмотреть другими глазами. В связи с этим возникла мысль изучить средневековые морские карты. Ведь на них должны были найти отражение происшедшие за века географические изменения дельты и побережья. Поиски увенчались успехом. Удалось найти карты, на которых вместо Днестровского лимана была изображена дельта реки: два рукава, омывающие остров. Так, на карте венецианского картографа Фра Мауро, составленной в 1459 г., между двумя рукавами реки показан обширный остров. На правом, коренном берегу условным значком в виде маленького замка обозначен средневековый Монкастро (Белгород), построенный на месте античной Тирь, а напротив, на острове, таким значком показан другой, безымянный город. Нужно подчеркнуть, что конфигурация рукавов полностью совпадает с палеогеографической реконструкцией, а местоположение Монкастра определено очень точно (см. рис. 31 — 32).

На других картах изображен уже Днестровский лиман, а посередине его — рассматриваемый остров, причем величина его различная (см. рис. 33 — 35). Эти карты отражают разные этапы подтопления дельтового острова. Дело в том, что в XIV—XV вв. уровень Черного моря был еще достаточно низким и дельта Днестра выглядела примерно так же, как и в античное время. Но уровень моря постепенно поднимался, в результате чего остров уменьшался в размерах и со временем был затоплен полностью.

Итак, можно считать установленным, что в античное время на месте Днестровского лимана находился обширный дельтовый остров. Но можно ли отождествить его с островом тирагетов? В ответ легко возразить, что в таком сыром месте, кишевшем змеями, тучами комаров, жить было невозможно. Да и зачем селиться на низменном острове, когда совсем рядом удобные коренные берега?! Все это, конечно, так. Но как же быть с таким фактом, что подобные дельтовые острова — Певка в дельте Истра и Алопекия в дельте Танаиса (Дона) — были заселены. Вот что, например, пишет Страбон о Певке: «Близ устьев Истра есть большой остров Певка; занявшие его бастарны получили название певкинов. Есть и другие острова, но гораздо меньших размеров, одни выше этого острова, другие — у моря. Истр имеет семь устьев. Самое большое из них — так называемое Священное устье, по которому до Певки 120 стадиев плавания, на нижней части этого острова Дарий построил мост, хотя он мог бы быть построен и на верхней. Это устье — первое слева для плывущих в Понт, остальные же следуют по пути вдоль берега по направлению к Тире; седьмое устье отстоит от первого почти на 300 стадиев. Между устьями-то и образуются вышеупомянутые островки» (VII, 3, 15; ВДИ, 1947, № 4, с. 199). А при описании устьев Танаиса географом отмечен «остров Алопекия, имеющий смешанное население» (XI, 2, 3). А между тем эти острова ничем не отличались от днестровского: они также были сложены из дельтовых илов, также омывались рукавами реки, также подтоплялись во время ежегодных паводков, также были заболочены и также кишели змеями и тучами комаров. Но все же были заселены! Что же в таком случае могло препятствовать тирагетам поселиться на острове в дельте Тирь?

Кроме неудобств такое местоположение имеет и большие преимущества: плодородные земли, богатые пастбища, прекрасные условия для охоты и рыболовства. Однако даже не это главное. Все недостатки компенсировались самым большим

преимуществом — за водной преградой тирагеты чувствовали себя почти в полной безопасности. А это имело большое значение, так как проблема безопасности в придунайских и приднестровских степях в то время была довольно острой. Насколько тревожной была здесь обстановка, видно из сообщения Страбона о том, что геты и трибаллы «принуждены совершать переселения вследствие того, что соседи нападают на более слабых: одни переселялись с той стороны Истра, вследствие того что скифы, бастарны и савроматы часто одолевали их, так что в погоне за вытесненными некоторые из них даже переправлялись через реку и оставались жить или на ее *островах* или во Фракии; другие же, напротив, переселялись с этой стороны реки, терпя притеснения, в особенности от иллирийцев» (VII, 3, 13; курсив мой.— М. А.).

А преимущество островного положения наглядно показано в другом отрывке Страбона: «Александр, сын Филиппа, во время похода на фракийцев, обитавших за Гемом, вторгшись в землю трибаллов и увидев, что их область простирается до Истра и до находящегося на нем острова Певка, а за рекой живут геты, дошел, как говорят, до берегов реки; вследствие недостатка в судах он не мог высадиться на остров, тем более что туда бежал царь трибаллов Сирм и оказал сопротивление этому предприятию» (VII, 3, 8).

Более подробно эти события излагает Арриан в своем труде «Поход Александра»: «Сирм, царь трибаллов, давно зная о походе Александра, заранее отправил женщин и детей трибаллов к Истру, велел им переправиться на один из островов на Истре. Остров этот назывался Певка. На этот же остров сбежались задолго до приближения Александра фракийцы, жившие по соседству с трибаллами; туда же бежал со своими и царь Сирм... Это самая большая из европейских рек; она протекает через многие и многие земли, образуя границу между самыми воинственными племенами. Большинство из них племена кельтские; в их земле Истр и берет свое начало. У самых источников его живут квады и маркоманны, потом языги, племя савроматов и потом скифы — до самого устья, до того места, где пятью рукавами Истр впадает в Эвксинское море. На Истре он (Александр.— М. А.) застал пять военных судов, пришедших к нему из Византия по Эвксинскому морю и по реке. Посадив в них лучников и гоплитов, он поплыл к острову, куда бежали фракийцы и трибаллы, и попытался высадиться, но всюду, где бы ни пытались пристать корабли, их встречали варвары. Судов же было мало, и войска на них немного; крутые берега мало где позволяли пристать, а река около острова, сдавленная в теснине, неслась с такой стремительностью, что стать на якорь было невозможно» (I, 2, 2—3)⁵. Так, благодаря острову Певка фракийцы и трибаллы избежали разгрома, а для Александра Македонского этот поход закончился не совсем удачно. Так что нет ничего удивительного в том, что тирагеты поселились на острове в дельте Тиры.

Таким образом, не остается сомнений в том, что остров тирагетов был дельтовым островом, существовавшим на месте современного Днестровского лимана⁶. Первое время для того, чтобы окончательно доказать это, не было необходимых археологических материалов. Поэтому нашу гипотезу встретили довольно осторожно. Не обошлось, конечно, без сомнений и возражений. Но специалисты по античной географии приняли эту локализацию. А через некоторое время были получены и археологические подтверждения (см. рис. 38, 43—44).

Несколько лет назад земснаряд прокладывал траншею через Днестровский лиман по линии Белгород-Днестровский — Овидиополь. В средней части лимана вместе с илом стали попадаться обломки амфор, лепной посуды, мелкие камни. Находки были обнаружены в 2—3 км от коренного берега и перекрыты слоем ила до нескольких метров. Условия их залегания свидетельствуют о том, что они не могли попасть в лиман случайно и не относятся к поселению, которое стояло на коренном берегу и было подтоплено лиманом. Эти археологические материалы могли попасть туда только в период существования острова. Следовательно, это следы обитания тирагетов, о которых сообщает нам Плиний.

В 1981 г. здесь начались целенаправленные археологические разведки. Поиски проводились в приморской части древнего острова. Сейчас она находится на дне моря, и иловых осадков здесь почти нет. Это дает широкие возможности для обследования дна с помощью аквалангистов.

В результате исследований нам удалось обнаружить три затопленных поселения, которые существовали на острове в IV—III вв. до н. э. Сейчас их остатки лежат на морском дне на глубине 3—4 м. Здесь были обнаружены обломки амфор, гетской и скифской лепной посуды, мелкие камни и т. д. Большинство находок сильно окатано волнами. Но на поселении Виктория II встречается малоокатанная керамика со следами старых сколов. Это говорит о том, что тут сохранился неразмытый культурный слой. Исследования такого поселения чрезвычайно важны для археологов, геологов, палеогеографов и других специалистов. Они позволят получить конкретные сведения о жизни тирагетов на острове, уточнить кривую изменения уровня моря в античное время, скорость повышения уровня моря, опускания суши, разрушения берегов и других геологических процессов.

Летом 1982 г. при дноуглубительных работах по улучшению фарватера к Белгород-Днестровскому порту в средней части лимана, примерно в 7 км южнее порта, земснаряд случайно выявил остатки еще одного поселения эллинистического времени, существовавшего на древнем острове. Вода в лимане очень мутная, и видимость здесь равна практически нулю. А древняя поверхность острова, как уже говорилось, перекрыта толщей осадков до нескольких метров. Учитывая эти условия, мы решили провести разведки с помощью гидролокатора. Исследования, проведенные под руководством инженера-конструктора Э. Б. Ионеса, показали, что в этом районе под небольшим слоем ила находятся инородные затопленные объекты, по всей вероятности, развалы камней. Можно предполагать, что это остатки построек на одном из затопленных поселений. Окончательный ответ дадут подводные раскопки, проведение которых запланировано на ближайшее время. Вот, пожалуй, и все, что сегодня можно сказать об острове тирагетов. Будущие работы, несомненно, прольют свет на его конкретную историю.

¹ *Peyssonel Ch.* Observations historiques et géographiques, sur les peuples barbares qui ont habité les bords du Danube et du Pont-Euxin. P., 1765, p. 150.

² *Potocki J.* Histoire primitive des peuples de la Russie. St. Petersburg, 1802, p. 116.

³ Histoire Naturelle de Pline, trad. en français, avec le texte latin, t. 2, P., 1771, p. 358, not. 401; *C. Plinii Secundi.* Naturalis Historiae, cum interpretatione et notis integris J. Harduini..., vol. 2. Lipsiae, 1773, p. 165; *C. Plinii Secundi.* Naturalis Historiae, ex edit. G. Brotier..., vol. 2. Londini, 1826, p. 810.

⁴ *Григорович В. И.*, Записка антиквара о поездке его на Калку и Кальмиус, в Корсуньскую землю и на южное побережье Днепра и Днестра.— Собрание сочинений В. И. Григоровича. Одесса, 1916, с. 335.

⁵ *Арриан.* Поход Александра. Перевод М. Е. Сергеенко. М.—Л., 1962, с. 49—50.

⁶ *Азбунов М. В.* Материалы по античной географии Причерноморья.—ВДИ, 1983, № 4, с. 110—116.

ОФИУССА, ИЛИ «ЗМЕИНЫЙ ОСТРОВ»

Офиусса... Этим мелодичным именем назывался один из древнегреческих городов Нижнего Поднестровья. История его почти неизвестна, а то малое, что мы о нем знаем, во многом загадочно.

Впервые Офиусса упомянута в перипле Псевдо-Скилака: «За Фракией живет народ скифы, а в их земле следующие эллинские города: город Никоний, город Офиусса» (§ 68). Эти лаконичные сведения не дают точного представления о том, где именно расположены Никоний и Офиусса.

Более конкретные данные приводит Страбон. Упомянув при устье Тире башню Неоптолема и Гермонак-тову деревню, он сообщает: «Если подняться по реке на 140 стадиев, то на обоих берегах встретятся города: один — Никония, а другой, на левом берегу, — Офиусса; жители побережья этой реки говорят, что если подняться на 120 стадиев, то встретится город» (VII, 3, 16). У Плиния Старшего упомянута «известная река Тира, давшая имя городу на том месте, где, как говорят, прежде была Офиусса» (IV, 82). Аналогичные сведения о том, что город Тира назывался еще Офиуссой, сообщает в своем географическом словаре Стефан Византийский (ВДИ, 1948, № 3, с. 327).

Валерий Флакк, известный римский поэт I в. н. э., в поэме «Аргонавтика» посвящает Нижнему Поднестровью следующие слова: «Покидается и обрытая морем Тира; покидается и гора Амбенская, и сильная холодными ядами Офиусса» (VI, 84—85; перевод В. В. Латышева).

Клавдий Птолемей указывает здесь три города: Никоний — в 250 стадиях (46 км) от устья вверх по реке, Офиуссу — в 200 стадиях (37 км) и Тиру — в 112 стадиях (20,7 км) (III, 10, 7, 8).

Как мы видим, письменная традиция донесла до нас противоречивые данные об Офиуссе. Валерий Флакк и Клавдий Птолемей указывают ее как самостоятельный, отличный от Тире город, а по словам Плиния и Стефана Византийского, это древнее название Тире. Отрывок из Страбона малопонятен и не может внести ясность. Из-за его чрезмерной лаконичности остается непонятным, о каком городе говорят местные жители: о новом, третьем городе или об одном из уже названных, т. е. об Офиуссе. По этому вопросу ученые разделились на две группы¹. Одни исследователи видят здесь еще один населенный пункт, т. е. Тиру, и указывают ее либо в 120 стадиях от устья, т. е. в 20 стадиях южнее Офиуссы, либо в 120 стадиях к северу от нее, т. е. в 260 стадиях от устья. Ведь из сообщения Страбона неясно, откуда измерены 120 стадиев: от устья или от Офиуссы. Другая группа исследователей не старалась отыскать у Страбона упоминание о третьем городе, а пришла к выводу, что местные жители, лучше знавшие местность, просто уточняют расстояние до Офиуссы: не 140, а 120 стадиев. Толкование этого отрывка занимало одно из важнейших мест в продолжительной острой дискуссии о городе Офиуссе.

Кроме того, следует отметить, что процитированный выше перевод сообщения Страбона не совсем точен, как и некоторые другие, более ранние переводы. Согласно ему, Никоний находился на правом берегу реки, а Офиусса — на левом. В действительности же географ указывает, что города встретятся не на обоих берегах, а на обеих сторонах (εκατερα) — для плывущего вверх по реке. Офиусса указана не на левом берегу, а слева (αριωτερα) по борту, т. е. на правом берегу, а Никоний лежал, следовательно, на левом берегу. Таким образом, строгий, дословный перевод выглядит следующим образом: «...то на обеих сторонах встретятся города: один — Никония, а другой, слева, — Офиусса». Этот перевод находится в полном соответствии с другими письменными данными и археологическими материалами и не требует никаких дополнительных объяснений типа того, что в древности определение берегов (левый, правый) было якобы противоположным современному. Именно к такому допущению прибегают некоторые ученые, например Э. Р. Штерн (с. 58—59), П. О. Карышковский (с. 157).

Таким образом, вопрос об Офиуссе решался исследователями в зависимости от того, чьим сведениям они отдавали предпочтение и как понимали спорный отрывок из Страбона. На протяжении нескольких столетий эта проблема была одной из интереснейших загадок античной истории Причерноморья. Ознакомимся с основными мнениями ученых.

Поиски Офиуссы начались еще в позднем средневековье. Одним из первых ею заинтересовался М. Броневский. Как уже говорилось, он считал устьем Тире устье Днестра и искал Офиуссу в этом районе. К близкому мнению намного позже пришел

Ж. Гэль. Неправильно переведя отрывок из Страбона, он локализовал Офиуссу в 140 стадиях выше устья Днестра, на левом берегу реки, а Никоний — на правом.

Но эти поиски были безуспешными, так как исследователи неверно определяли устье Тиры. Позже Офиуссу искали, ориентируясь от устья Днестровского лимана.

Так, на карте Понта Эвксинского из исторического атласа А. Ортелия, составленной в 1590 г., Офиусса отождествлена с Тирой и показана на правом берегу Днестровского лимана, примерно в районе современного Белгорода-Днестровского. А на карте Южной России Г. Меркатора 1595 г. Офиусса показана несколько ниже Белгорода. Позже К. Маннерт, основываясь на неточном переводе отрывка из Страбона, поместил город на левом берегу лимана, у г. Овидиополя (с. 239).

А через некоторое время Г. Келер на своей карте указал Офиуссу-Тиру на правом берегу лимана, у села Пивденное. Сюда его привели 140 стадиев, измеренные от устья лимана.

В начале XIX в. положение дел стало несколько проясняться благодаря археологическим находкам в районе Белгород-Днестровской крепости. Здесь были открыты следы крупного античного города, а найденные монеты помогли установить его название — Тира. Так вопрос о местоположении Тиры был снят с повестки дня. Офиуссу исследователи отождествляли с Тирой и указывали соответственно там же (И. А. Стемпковский, с. 19; Э. Г. Муральт, с. 136). А противоположные сведения Валерия Флакка и Птолемея обычно считались ошибочными или просто игнорировались.

С середины столетия вопрос об Офиуссе осложнился. Одна из причин этого связана с находкой в 1846 г. на левом берегу Днестра, в 60 км выше Тиры, у села Короткое мраморной плиты с надписью, на которой, как уже говорилось, были начертаны два рескрипта римских императоров на имя тиритов.

П. В. Беккер, изучая эту надпись, рассмотрел и вопрос об Офиуссе и Тире. Пытаясь согласовать противоречивые сведения письменных источников, он пришел к мнению о том, что здесь существовало два города с именем Офиусса. Один из них, расположенный в Белгороде, был переименован в Тиру, а другой — Птолемея Офиусса — находился на левом берегу реки. Эту вторую Офиуссу Беккер поместил несколько восточнее Днестровского лимана, в долине реки Барабой: «В этой самой Барабойской долине должно, по моему мнению, искать и Офиуссу, о которой Птолемей упоминает под 56° долготы и 48° широты и которую он помещает на материке. Это урочище, совершенно отличное от Тираса, лежащего при Днестре, не может быть ничто другое, как колония, основанная на берегах Барабоя соседними греками, которые, желая сохранить вышедшее из употребления древнее название «Офиусса», дали своему поселению это имя» (с. 207).

Несколько иное объяснение предложил Ф. К. Брун. Как и другие ученые, он отождествил Офиуссу с Тирой и не сомневался, что этот город находился на месте Белгород-Днестровского. Но в отличие от П. В. Беккера, который считает, что указанный камень с надписью уже в наше время был перевезен из развалин Тиры в село Короткое «для украшения какого-нибудь сада», Брун пришел к выводу, что не камень с надписью, а сам город Офиусса-Тира в римское время был перенесен на это место. И Птолемей называет Тирой древний город, а Офиуссой — новый². Развивая эту мысль, исследователь полагает, что Страбон говорит о городе в 120 стадиях выше Офиуссы и имеет в виду этот новый, перенесенный город, упоминаемый также у Валерия Флакка³. А Плиний, заключает Брун, «имел сведения, хотя и не ясные, о существовании некогда древнейшей Офиуссы, совпадавшей с безымянным городом Страбона или Офиуссой Птолемея» (там же, с. 13).

Вызывает интерес также гипотеза К. Поймана. Он считал, что Офиусса находилась на месте Белгород-Днестровского, затем была перенесена южнее на более высокое место и переименована в Тиру. И поэтому, по его мнению. Страбон указывает два разных расстояния (140 и 120 стадиев), первое из которых взято у Эфора, а второе — у более поздних авторов (с. 358).

В то же время другие ученые считали Офиуссу самостоятельным, отдельным от Тиры городом и указывали ее несколько выше Белгорода — в районе села Пивденного (Г. Киперт, К. Шпрунер и Т. Менке) или у села Паланка (А. Форбигер).

В конце столетия Ф. А. Браун присоединился к сторонникам отождествления Офиуссы и Тиры. Анализируя сведения Страбона и Птолемея, он в принципе согласился с мнением Ф. К. Бруна о перенесении города, но не от села Короткое, а от села Маяки, куда приводят его измерения по данным Птолемея и 120 стадиев Страбона вверх от Белгорода (с. 202—204).

Но эти соображения не нашли поддержки и просуществовали недолго. Догадки П. В. Беккера о существовании двух Офиусс и домыслы Ф. К. Бруна о перенесении города на другое место были подвергнуты суровой критике Э. Р. Штерном. Он без всяких сомнений отождествил Офиуссу с Тирой и твердо локализовал этот город на месте Белгород-Днестровской крепости (с. 50—59). Проведенные им раскопки окончательно подтвердили эту локализацию. Противоречивые сведения древних авторов Штерн объяснил следующим образом. Страбон ссылкой на местных жителей просто уточнил расстояние до Офиуссы-Тиры: не 140, а 120 стадиев. А сведения Птолемея о том, что это два разных города, признаны ошибкой, которая появилась в результате сопоставления разных источников. Поэтому, подчеркивает исследователь, нет никакой необходимости строить различные догадки о существовании двух Офиусс или о перенесении города на новое место. Постепенно вывод об отождествлении Офиуссы и Тиры получил широкое признание. Его приняли К. Мюлленгоф (с. 344), Э. Минз (с. 445) и другие ученые.

Но через некоторое время этот устоявшийся вывод поставил под сомнение Ф. Билабель (с. 20—23). Он попытался решить проблему по-иному — с пересмотра сведений древних авторов. По его мнению, текст перипла Псевдо-Скилака испорчен: под «Тирой» здесь следует понимать не реку (ῥοταμός), а город (πόλις), откуда вытекает упоминание трех городов: Тиры, Никония и Офиуссы. Не дошел до нас в целостности, считает Билабель, и отрывок из Страбона, в котором не сохранилось название третьего города — Тира. Таким образом, получается, что Псевдо-Скилак, Страбон и Птолемей указывают самостоятельный, отдельный от Тиры город Офиуссу. Но этим сведениям противоречат данные Плиния и Стефана Византийского о том, что Офиусса — это лишь древнее название Тиры. Пытаясь устранить это противоречие, исследователь предположил, что Офиусса в позднее время не существовала: либо она слилась с Тирой, либо ее жители просто переселились туда.

Однако эта гипотеза не была принята. Офиуссу по-прежнему продолжали отождествлять с Тирой⁴. И все же сорок лет спустя мнение Ф. Билабеля поддержала и развила Т. Д. Златковская. По ее мнению, Офиусса находилась в 20 стадиях выше Тиры, и оба города существовали параллельно, во всяком случае до II в. до н. э., но Офиусса «была и осталась весьма малозначительным поселением, чем и объясняется отсутствие эпиграфических и нумизматических свидетельств о ней» (с. 69). Окончательное решение этого вопроса исследовательница откладывала до проведения археологических исследований в 20 стадиях выше Тиры.

Как мы видим, ученые возлагали большие надежды на археологические исследования к северу от Белгород-Днестровской крепости. Но они не дали положительных результатов. Неоднократные, тщательные разведки показали, что в этом районе нет такого древнегреческого поселения, которое можно было бы отождествить с Офиуссой.

Обобщающее мнение по проблеме Тиры и Офиуссы высказал П. О. Карышковский. Он подверг справедливой критике необоснованные исправления текстов Псевдо-Скилака и Страбона (с. 156—157). В самом деле, ведь тексты и того и другого источника хотя и лаконичны, но представляют собой законченные по смыслу предложения и не содержат внутренних противоречий. Поэтому можно смело сказать, что всякое их исправление нельзя расценивать иначе как стремление выдать желаемое за действительное. При

толковании спорного отрывка из Страбона П. О. Карышковский присоединился к мнению тех исследователей, которые считают, что ссылка на местных жителей приведена для уточнения расстояния до Офиуссы: не 140, а 120 стадиев. Ученый пришел к выводу, что Офиусса тождественна Тире. Ведь об этом прямо свидетельствуют Плиний и Стефан Византийский, которые «не оставляют места для сколько-нибудь обоснованных сомнений» (с. 151, прим. 7). Анализируя сведения Валерия Флакка, исследователь заключил, что контекст «не позволяет рассматривать это место как заслуживающее доверия указание на одновременное существование двух наделенных пунктов, Тире и Офиуссы» (с. 151, прим. 7). Аналогичные данные Птолемея он вслед за своими предшественниками считает ошибкой, вполне допустимой при компилятивном характере такого огромного, обобщающего труда (с. 159).

Таким образом, гипотеза о существовании самостоятельной Офиуссы, казалось бы, не имеет под собой никакой реальной основы и должна быть окончательно отвергнута. Но не будем спешить с таким заключением и прежде всего попытаемся разобраться в противоречивых и неясных указаниях античных писателей. Начнем с Валерия Флакка.

Поэт посвятил Нижнему Поднестровью следующие слова (VI, 84—85):

*Linquitur abruptus pelago Tyra, linquitur et mons
Ambenis et gelidis pollens Ophiusa venenis.*

В. В. Латышев перевел эти строки таким образом: «Покидается и обрытая морем Тира; покидается и гора Амбенская, и сильная холодными ядами Офиусса» (т. 2, с. 208). При переиздании «Известий древних писателей о Скифии и Кавказе» все переводы были сверены и дополнены С. П. Кондратьевым, и этот отрывок стал читаться так: «Покидается и стоящая на обрыве моря Тира, покидается и гора Амбенская, и сильная холодными ядами Офиусса» (ВДИ, 1949, № 2, с. 346). Смысл этих слов как будто вполне ясен: находящийся в низовьях Днестра покидает эту местность, где расположены города Тира и Офиусса, а также гора Амбенская. Так и понимали исследователи этот отрывок, который, казалось бы, доказывал одновременное существование этих городов. Так вот, эти сведения признаны ненадежными и не заслуживающими доверия. Однако столь категоричное обвинение античного поэта вызывает возражения.

Рассматриваемый отрывок переводился неоднократно. Причем при его переводе ученые разделились на две противоположные группы⁵. В. В. Латышев, С. П. Кондратьев, Л. Д. Дмитриев, Т. Д. Златковская считают, что здесь указана Тира-город, и, следовательно, поэт упоминает два города: Тире и Офиуссу. А Коссен де Пержеваль, П. В. Беккер, Ф. А. Струве пришли к выводу, что под «Тирой» подразумевается река, из чего следует, что речь идет только об одном городе — Офиуссе.

Причина такого расхождения связана с тем, что исследователи по-разному переводят причастие «abruptus» (от глагола «отрывать, прерывать, прекращать»), к которому относится зависимое слово «Тура». Ведь этим именем названы и река, и город. А конструкция фразы такова, что при одном значении причастия под «Тирой» можно понимать реку, а при другом — город. Как же быть?

Здесь важно отметить, что Флакк употребил слово «abruptus» еще раз, правда в женском роде: «Vasto rursus desidit hiatus abrupta revolutus aqua» (VIII, 330). Как мы видим, в этом случае дан такой же распространенный причастный оборот. Этот пример очень удачен тем, что зависимое слово «aqua» допускает только одно значение причастия «abrupta» — «прерываемая» (прерываемая ущельем вода).

А в нашем спорном отрывке, где зависимое слово представляет собой имя собственное — Тира, одноименность реки и города сыграла субъективную роль при переводе слова «abruptus». А между тем здесь еще до перевода можно было выяснить, что подразумевает поэт под «Тирой» — реку или город. Слово «abruptus» мужского рода,

следовательно, и зависимое слово «Туга» должно быть того же рода. А в латинском языке существует известная особенность: реки относятся к мужскому роду, а города — к женскому. Следовательно, у нас речь идет о реке Тире.

Теперь становится понятным, что у Флакка в обоих случаях указан водный поток, который в первом отрывке имеет собственное имя — «Туга», а во втором назван просто «аяиа». Ведь коль поэт и в той и в другой фразе использует один и тот же термин — «abruptus (a)», то вполне понятно, что его значение одинаково в обоих случаях. Таким образом, не остается никаких сомнений в том, что рассматриваемая фраза переводится как «прерываемая морем Тира»⁶.

Смысл этих слов вполне ясен, особенно если учесть, что Днестр довольно быстрая река, о течении которой Овидий, например, в своих «Письмах с Понта» пишет так: «...сюда изливаются быстрый Парфений, катящий камни Кинапс и не уступающий быстротой ни одной реке Тирас» (IV, 10, 50; ВДИ, 1949, № 1. с. 241). Примечательно, что и само название Тираς этимологизируется как «быстрая». Можно представить себе картину в устье реки, где быстрый речной поток «затухал» в необъятной морской пучине. Именно это явление хотел передать поэт словами «abruptus pelago Tura».

Таким образом, отрывок Валерия Флакка о низовьях Днестра гласит: «Покидается прерываемая морем (река) Тира, покидается и гора Амбенская, и сильная холодными ядами Офпуща». Учитывая, что античные поэты любили фигуру тройного перечисления разнородных предметов, следует отметить, что Флакк удачно построил трехчленную поэтическую фигуру в ярком контрасте: бурная река — высокая гора — город, известный холодными водами.

Итак, перевод отрывка Валерия Флакка о Нижнем Поднепровье был неточным. Из-за этой неточности строки поэта понимали как утверждение об одновременном существовании Офиуссы и Тире, что противоречит данным Плиния и Стефана Византийского, и поэтому считали ошибочными. Но эти обвинения, как выясняется, были напрасными. Поэт упоминает реку Тире и город Офиуссу.

Теперь Клавдий Птолемей остался единственным автором, указывающим одновременно оба города. Но в его огромном компилятивном труде, как уже говорилось, собраны сведения из разновременных источников. Это дает исследователям основания видеть здесь ошибку.

Попытаемся теперь разобраться в отрывке из Страбона, который не одно столетие вызывал споры. А ключ к разгадке лежит, как оказалось, опять-таки в палеогеографических изменениях. Ведь при толковании текста и отсчете расстояний надо учитывать не современную конфигурацию берегов Днестровского лимана, а географический облик района в античное время. Вспомним, что тогда река впадала прямо в море, разделяясь на два рукава, пространство между которыми занимал обширный дельтовый остров. В ранний период основное устье реки находилось у современного села Приморского, а в конце IV — начале III в. до н. э. оно переместилось примерно на 20 км к востоку, в район села Затока.

Итак, мы знаем, как выглядели берега Нижнего Поднепровья во времена древних греков, и теперь можем приступить к детальному разбору сведений Страбона. По своему содержанию этот отрывок разделяется на две части: первая — упоминание о Никонии и Офиуссе, вторая — ссылка на местных жителей (о 120 стадиях до города).

Первая часть отрывка гласит: «Если подняться по реке на 140 стадиев, то на обеих сторонах встретятся города: один — Никония, а другой, слева, — Офиусса». Смысл этих слов предельно ясен: автор сообщает, что в 140 стадиях (26 км) от устья вверх по реке расположены города Никонии и Офиусса. Необходимо выяснить, какое устье здесь имеется в виду: раннее, находившееся у села Приморского, или же позднее, затоцкое. Для этого достаточно измерить от северной окраины села Роксоланы, где, как мы увидим дальше, расположены развалины Никонии, указанные в источнике 26 км. Это расстояние приведет нас к району села Приморского, т. е. к раннему местоположению устья Тире.

Позднее устье исключается в любом случае, даже если бы мы не знали точного местонахождения Никония.

Теперь постараемся проследить курс судна, вошедшего в устье реки. Представим себе, как оно миновало башню Неоптолема, Гермонактову деревню и дошло до района села Затока. Здесь сливались рукава реки, а для плывущего вверх судна фарватер раздваивался: можно было зайти и в правый (западный) рукав, и в левый (восточный). Как же поступил в данном случае мореплаватель? Предположим, что корабль зашел в правый рукав реки. В таком случае в 140 стадиях от устья реки справа от мореплавателя будет не Никоний, куда он направлялся, а остров шириной около 5 км, слева же — район современного села Шабо, где нет древнегреческого поселения, которое можно было бы принять за Офиуссу. До Тиры от этого места еще около 10 км (60 стадиев), т. е. она удалена от устья более чем на 200 стадиев. Одним словом, выявленные несоответствия исключают мысль о том, что судно зашло в правый рукав реки, и не оставляют никаких сомнений в том, что оно поднялось дальше по левому рукаву.

Итак, пройдя 140 стадиев, корабль оказался в районе северной окраины села Роксоланы, где справа по борту действительно лежал Никоний. Слева же должна была открыться Офиусса. Отсюда напрашивается лишь одно предположение: город Офиусса находился на противоположном от Никония берегу левого рукава реки, т. е. на острове⁷.

Попытаемся теперь разобраться во второй части сообщения Страбона: «...жители побережья этой реки говорят, что если подняться на 120 стадиев, то встретится город». Как уже говорилось, одни исследователи считают, что здесь указан третий город, в котором чаще всего узнают Тиру, другие склоняются к мысли, что местные жители просто уточняют расстояние до Офиуссы, переименованной затем в Тиру. Так или иначе оба мнения сводятся к тому, что речь идет о том месте, на котором сейчас находится Белгород-Днестровская крепость.

Под этим безымянным городом действительно имеется в виду Тира. Местные жители побережья называют ее просто городом, не прибавляя всем хорошо известного названия. И это вполне понятно. Ведь Тира в период расцвета значительно превосходила по размерам и количеству жителей другие населенные пункты в этом районе. К примеру можно отметить, что и в наши дни жители, скажем, приодесских сел, собираясь в Одессу, говорят, что едут в город. Не в Одессу, а в город!

По сообщению местных жителей, расстояние от устья реки до города Тиры равно 120 стадиям. Отсюда можно заключить, что под устьем реки имеется в виду новое местоположение уже переместившегося устья, т. е. район села Затока. Таким образом, эти сведения относятся к более позднему времени, чем упоминание о Никоний и Офиуссе, где фигурировало ранее устье. И под «рекой» местные жители имеют в виду уже не левый рукав, на котором расположены Никоний и Офиусса, а правый, на коренном берегу которого лежит Тира.

Эти данные датируются, видимо, III в. до н. э. Во всяком случае они не могут быть ранее конца IV — начала III в. до н. э., т. е. времени перемещения устья реки.

Разновременность страбоновых сведений доказывается и сопоставлением стадиев. Так, в первой части отмечены 140 стадиев от устья до Никония и Офиуссы. От района села Приморского до северной окраины села Роксоланы примерно 26 км. Следовательно, в данном случае при измерении использован стадий в 185 м. Во второй части отрывка расстояние от устья до Тиры определяется в 120 стадиев. Этот отрезок пути от района Цареградского гирла до Белгород-Днестровской крепости составляет около 19 км. Следовательно, здесь имеется в виду стадий в 157 м.

Таким образом, отрывок из Страбона состоит из двух разновременных сообщений, в которых расстояния измерены от разных устьев, разными стадиями, а под «рекой» фигурируют ее разные рукава. Поэтому вторая часть отрывка по своему смыслу и содержанию никак не может быть связана с первой, и все попытки согласовать их обречены на неудачу. Ведь географ слил воедино указания, взятые из разных источников.

Этот отрывок — результат компиляции. Он наглядно иллюстрирует принцип работы Страбона, который «не перерабатывает своего материала, а его эксцерпирует или, лучше, сокращает, причем механически соединяет в одно целое выдержки из источников разных категорий»⁸. Рассматриваемый случай как нельзя лучше показывает глубину и точность общей оценки Страбоновой «Географии», которую дал М. И. Ростовцев: «Но Страбонем нельзя пользоваться механически. Он только тогда ценен и понятен, если в каждом конкретном случае сумеет дать себе отчет, кто из многочисленных источников говорит с нами в каждом данном случае»⁹. Этот важнейший для нас вывод был высказан 60 лет назад, но, к сожалению, не обращал на себя внимание исследователей.

Так что же теперь мы можем сказать об Офиуссе? Имеющиеся данные дают основания предположить, что Офиусса была отдельным самостоятельным городом и находилась на острове в дельте реки. Это подтверждается и самим ее названием, которое в переводе означает «змеиный остров». Оно аналогично названиям островов Питиусса, Питекусса, Гидрусса, Элеусса, Аргинусса и др. Происхождение их названий, а также трактовка не вызывают никаких сомнений. Вторая часть слова — «усса» — означает «остров», а первая — его личное название. Относительно Питиуссы, например, Страбон ясно сообщает: «Остров назывался также Питиуссой от названия дерева» (IX, I, 9), т. е. слово «Питиусса» означает «сосновый остров».

В древнегреческом мире известно около десяти Офиусс. И все они, разумеется, имели островное положение. Это острова: Офиусса (у Крета), Офиусса (в Пропонтиде, западнее Кизика), Офиусса — Родос, Офиусса — Тенос, Офиусса — Форментера и др. (см. RE, Нб. 35, 1939, Зр. 663—665). Почему же днестровская Офиусса должна быть исключением? Само название говорит о том, что город этот должен иметь островное положение. Ведь называть Офиуссой поселение, расположенное на коренном берегу, т. е. будущую Тиру, было бы абсолютно неправомерным и ничем неоправданным. «Змеиный остров», безусловно, должен иметь островное положение. И такой остров здесь был, и находился он именно напротив Никония.

Офиусса была, вероятно, первым греческим поселением в низовьях Тиры. А в ранний период греки чувствовали себя на новом месте не совсем уверенно. Боясь столкновений с местными кочевыми племенами, они на первых порах старались селиться на, может быть, и не совсем удобных, но безопасных местах. А остров в дельте Тиры как раз отвечал этим требованиям и был пригоден для жилья. Ведь именно здесь позднее жили тирагеты.

Когда была основана Офиусса — сказать трудно. По косвенным данным и общеисторическим соображениям можно предположить, что это событие произошло не позднее второй половины VI в до н. э. Примерно к этому времени, видимо, относится и сообщение Валерия Флакка, который упоминает в Нижнем Поднестровье только один пункт — Офиуссу. После Офиуссы во второй половине столетия на коренном берегу левого рукава появился Никоний, а вслед за ним более десятка небольших сельских поселений.

Когда положение греков упрочилось, необходимость в островном городе отпала. Примерно в V в. до н. э. жители Офиуссы решили перебраться на коренной берег. К тому времени левобережье дельты было в общем-то освоено, а правый берег оставался малозаселенным. Туда и направились островитяне. Новое место для города было выбрано на возвышенном мысу, где изгиб правого рукава образовывал удобную для гавани бухту. Здесь, возможно, уже существовало небольшое поселение. Так как название Офиусса уже не соответствовало новому местоположению города, то его переименовали в Тиру. Греки, как известно, часто давали городу название реки, на которой он находился, например Истр, Борисфен, Фасис и др. А на острове вместо Офиуссы могло остаться небольшое поселение. Разумеется, предлагаемая гипотеза еще требует дальнейших исследований и дополнительной аргументации. Но и на сегодняшнем этапе разработки она представляется вполне обоснованной и находит признание исследователей и дальнейшее развитие.

Так, Ю. Г. Виноградов полностью принимает гипотезу о существовании Офиуссы на дельтовом острове и, проводя аналогию с Березанским поселением, служившим эмпорием Ольвийского государства, высказывает мысль о том, что «и Офиусса со временем могла превратиться в эмпорий (хотя и недолговечный) Тирасского полиса» (Полис..., с. 374). В. П. Яйленко также предполагает, правда очень осторожно, что при освоении Нижнего Поднепровья колонисты основали сначала Офиуссу, а затем перебрались в Тиру¹⁰.

Изложенная гипотеза не встречает возражений и при общем рассмотрении письменных и археологических данных.

Сведения древних авторов располагаются в хронологическом порядке, надо полагать, следующим образом. Первый населенный пункт в этом районе, Офиусса, указан источником Валерия Флакка. Псевдо-Скилак отмечает уже два города — Никоний и Офиуссу. Источник первой части отрывка из Страбона знает также Никоний и Офиуссу. Из его данных следует, что эти города расположены на левом рукаве реки: Никоний — на коренном берегу, а Офиусса — напротив, т. е. на дельтовом острове. Источник второй части отрывка из Страбона сообщает только о Тире, которую называет просто городом. Псевдо-Скимн, Мела, Плиний, Стефан Византийский также упоминают только Тиру, причем два последних добавляют, что город раньше назывался Офиуссой.

Данные Плиния и Стефана Византийского не противоречат нашей гипотезе. В самом деле, если население Офиуссы перебралось на коренной берег и на новом месте продолжала существовать та же городская община, то эти события следует рассматривать как перенесение Офиуссы на новое место и переименование ее, но не как основание нового города. Поэтому сообщение о том, что город Тира раньше назывался Офиуссой, по сути правильно. Просто оно нуждается в небольшой, но весьма существенной поправке в том, что город в то время находился в другом месте, на острове. Плиний, видимо, располагал какими-то смутными сведениями о перемещении города и поэтому написал, что Тира находилась на том месте, где, как *говорят*, прежде была Офиусса. Как мы видим, автор не был уверен в том, что Тира расположена на том же месте, где и Офиусса. Не так категорично звучит это место и у Стефана Византийского. Автор сообщает буквально следующее: «Тира — город и река при Эвксинском Понте... назывался Офиуссой». В. В. Латышев счел необходимым дополнить это место: «...город назывался еще Офиуссой» (ПОКТИКА, Спб., 1909, с. 141). Эта конъектура, разумеется, произвольна. Если строго придерживаться текста, следует признать, что, указывая город Тиру, Стефан связывает с ним название Офиусса, но прямо не отождествляет их. Рукопись в этом месте, по всей вероятности, испорчена, и точно восстановить ее не представляется возможным. Но даже при дополнении В. В. Латышева из этого указания не следует, что Офиусса должна находиться на месте Тиры.

А Клавдий Птолемей прямо указывает на Офиуссу и Тиру как на два отдельных, самостоятельных города. Его мнение некоторые исследователи считают ошибочными. Но для этого у нас нет никаких оснований. Ведь не разделил же географ Ольвию, называвшуюся также Борисфеном, на два разных города, а только добавил ее второе название: «Ольвия или Борисфен». Почему же он должен был ошибиться с Офиуссой? Она указана между Тирой и Никонием, что вполне согласуется с палеогеографической реконструкцией и предлагаемой ее локализацией. Схематически все три города отмечены в общем-то довольно точно, хотя в абсолютных цифрах имеются, как уже говорилось, неизбежные при таких сложных расчетах расхождения. Одним словом, у нас нет никаких объективных причин и необходимости приписывать Птолемею столь существенную ошибку. Он основывался, надо полагать, на не дошедших до нас источниках, ясно указывающих Офиуссу и Тиру как два самостоятельных, отдельных друг от друга города.

Таким образом, гипотеза об островной Офиуссе не только полностью согласуется со сведениями древних авторов, но и объясняет их кажущиеся противоречия. При этом

исчезает необходимость одни данные признавать достоверными, а другие — ошибочными. Выясняется, что все источники заслуживают доверия.

Предлагаемая гипотеза помогает решить проблему, связанную с вопросом о времени основания Тире. Одни исследователи относили это событие к VII в. до н. э., другие — к VI в., третьи — к V в.¹¹ В настоящее время принято считать, что город основан в VI в. до н. э. Ученые исходят из общепринятого положения, что позже Милет не мог выводить колонии, так как в 494 г. до н. э. был разгромлен персами за участие в ионийском восстании. Такое рассуждение вполне логично. Но дело в том, что самые ранние слои Тире датируются лишь V в. до н. э.¹²

Ученые считают, что открытие ранних сооружений — дело времени. Но эти давние надежды не оправдываются. Раскопки Тире ведутся уже не один десяток лет, а доказательств существования города в более ранний период до сих пор нет. Но все же принято считать, что он основан именно в VI в. до н. э., так как более поздняя датировка противоречит истории Милета.

Если принять гипотезу о существовании Офиуссы на дельтовом острове, проблема снимается. В этом случае Тира возникла действительно в V в. до н. э. Но ее возникновение не связано с Милетом. Тире основали милетяне, приплывшие сюда не из далекого Милета, а из соседней Офиуссы.

¹ Литературу вопроса см.: *Агбунов М. В.* Заметки по античной географии..., с. 129.

² *Брун Ф. К.* О местоположении Тираса.— ЗООИД, т. 3, 1853, с. 53.

³ *Брун Ф. К.* Черноморье, ч. I, с. 12.

⁴ *Herrmann A.* Nikonia.— RE, Нб. 33, 1936, Sp. 509; *Diehl E.* Ophiussa. — RE, Нб. 35, 1939, Sp. 663; *idem.* Tyras.— RE, Нб. 14, 1938, Sp. 1852.

⁵ Подробно см.: *Агбунов М. В.* Заметки по античной географии..., с. 125.

⁶ Там же, с. 128.

⁷ Там же, с. 135.

⁸ *Ростовцев М. И.* Страбон как источник для истории Боспора.— Сборник в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1914, с. 370, прим. I.

⁹ *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор, с. 42.

¹⁰ *Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII — III вв. до н. э. М., 1982, с. 274.

¹¹ См., например: *Фурманская А. И.* Античный город Тира.— Античный город. М., 1963, с. 41.

¹² *Клейман И. Б.* Стратиграфия культурного слоя городища Тире-Белгорода.— В кн.: Античная Тира и средневековый Белгород. Киев, 1979, с. 74—75.

НИКОНИЙ: ПОИСКИ И РАСКОПКИ

Судьба этого древнегреческого города сложилась необычно. Такой же необычной была и история его поисков. Ни один другой город Причерноморья, пожалуй, не вызывал столь острых и продолжительных дискуссий, связанных с его локализацией. Основная причина споров заключается в том, что античные авторы по-разному определяют его местоположение.

Впервые этот город упомянут в перипле Псевдо-Скилака: «За Фракией живет народ скифы, а в их земле следующие эллинские города: река Тирис, город Никоний, город Офиусса» (§ 68). Из этого краткого указания ясно, что Никоний находился где-то у реки Тире. Более конкретные сведения приводит Страбон. По его данным, город находился, как мы уже знаем, на левом берегу реки, в 140 стадиях выше ее устья. Анонимный автор кратко сообщает, что «от местечка Никония до судоходной реки Тире 30 стадиев» (§ 87). А Птолемей помещает этот пункт примерно в 250 стадиях выше устья. Расхождение источников, как мы видим, огромное. Три конкретных указания — и три разных цифры: 140, 30, 250 стадиев. Какая же из них правильная? И в чем причина таких больших расхождений?

Ответ на эти вопросы пришел не сразу. Основываясь на таких противоречивых сведениях, исследователи долго искали Никоний в самых различных местах. Поиски осложнялись еще и тем, что в первое время было неясно, какой район считать устьем Тиры. Поэтому одни ученые отсчитывали расстояние от устья реки, а другие — от устья лимана. В результате получилось так, что город искали практически на всем побережье лимана от устья реки до самого моря.

Ранний период поисков характеризуется накоплением различных точек зрения. И. Стукий поместил Никоний несколько южнее Овидиополя, М. Броневский — в устье Днестра, Г. Меркатор — также к югу от Овидиополя, Ж. Ковенс и К. Мортъе — на левом берегу устья лимана.

Затем этот вопрос стал рассматриваться подробнее. К. Маннерт, основываясь на неправильном переводе отрывка из Страбона, пришел к выводу, что Никоний находился на правом берегу Тиры, а не на левом. Сопоставляя сведения Страбона и Анонимного автора, он заключил, что данные перипла уточняют расстояние, указанное географом, и поместил город на правом берегу Днестровского лимана, в 30 стадиях выше устья (с. 240).

Так же неверно перевел слова Страбона и Ж. Гэль. Он отсчитал от современного устья Днестра указанные географом 140 стадиев и локализовал Никоний на правом берегу реки, севернее села Олонешты (т. 1, карта). А позже на карте, составленной по данным перипла, он поместил город на берегу моря в районе устья реки Барабой (т. 3, карта).

Г. Келер отсчитал 140 стадиев Страбона от устья лимана и локализовал Никоний на своей карте на левом берегу лимана, у села Надлиманское. В том же 1826 г. И. А. Стемповский пришел к выводу, что город находился на месте Овидиополя (с. 23 — 25). Здесь, в районе турецкой крепости, были найдены следы античного поселения, которое исследователь связывал именно с Няконием. Эти находки послужили важным аргументом для указанной локализации. Позже к ней присоединились многие исследователи: Н. Н. Мурзакевич, Э. Г. Муральт, Г. Киперт, З. А. Аркас, К. Мюллер, К. Шпрунер, Т. Менке и др.

В 1841 г. Ф. Линднер возродил почти через три столетия мнение М. Броневского и поместил локализуемый пункт в устье Днестра (с. 197).

Рис. 11. Поиски Никония:

- 1) И. Стуки, Г. Меркатор, К. Нойман. Э. Минз;
- 2) М. Броневский, Ф. Линднер;
- 3) Ж. Ковенс и К. Мертъе, Г. Шоталь;
- 4) К. Маннерт;
- 5) Ж. Гэль;
- 6) Ж. Гэль,
Л. Вивьен де Сен-Мартин;
- 7) Г. Келер;

8) И. А. Стемповский, Н. Н. Мурзакевич, Э. Г. Муральт, Г. Киперт, А. Аркас, К. Мюллер, К. Шпрунер и Т. Менке, Ф. Биладель. А. Геррманн, Л. А. Ельницкий и др.;

9) П. В. Беккер, А. А. Сибирский, А. С. Уваров, Ф. К. Круп, Ф. А. Браун, В. И. Гошкевич, И. В. Фабрициус, П. О. Карышковский и др.;

10) Г. Шоталь;

11) М. С. Сеницын

В середине XIX в. П. В. Беккер выдвинул новую точку зрения. В отличие от своих предшественников он как и при поисках башни Неоптолема, не стал отдавать предпочтение одному из источников, а попытался согласовать их противоречивые данные. По его мнению, причина расхождения между сведениями Страбона и Анонимного автора заключается в том, что они принимали за точку отсчета два разных района: первый — район Будаковского лимана, а второй — левый берег устья Днестровского лимана. Оба расстояния (140 и 30 стадиев) привели исследователя к северной окраине современного села Роксоланы. Здесь он действительно нашел следы античного города, который и отождествил с Никонием (с. 174—182). При этом П. В. Беккер подробно проанализировал и убедительно отверг локализацию этого города в Овидиополе. Обстоятельно аргументированные, убедительные выводы ученого привлекли к себе внимание, и к его отождествлению присоединились А. А. Сибирский (с. 38), А. С. Уваров (с. 150), Ф. К. Брун (Черноморье, ч. I, с. 163) и другие ученые. К. Нойман полагал, что указанные в перипле 30 стадиев до Никония следует измерять не от реки, а от города Тире. И соответствующие расчеты привели к выводу, что Никоний находился несколько южнее Овидиополя (с. 359). Позднее к такому же мнению пришел и Э. Минз (с. 14).

В 1860 г. Г. Шоталь выступил с новой, принципиально иной точкой зрения. Он обратил внимание на небольшое различие в написании названия этого пункта и пришел к выводу, что здесь существовало два разных города. Один из них, Никония (Νικωνία) Страбона, находился, по его мнению, на правом берегу устья Днестра, а другой, Никоний (Νικωνιον), — на левом берегу устья лимана (карта). Но эта гипотеза, основанная на богатой фантазии автора, не получила признания. Расхождения в названии настолько незначительны, не дают ни малейшего основания видеть здесь два разных города.

Несколько позже Л. Вивьен де Сен-Мартин вслед за Ж. Гэлем указал Никоний на берегу моря, в районе реки Барабой¹.

Так к концу XIX в. выкристаллизовались две основные локализации Никония: 1) у села Роксоланы, 2) на месте Овидиополя. Между ними и распределялись мнения исследователей в ходе оживленной дискуссии, которая продолжалась вплоть до середины нашего столетия. Одни ученые отождествляли Никоний с Роксоланским городищем (Ф. А. Браун, В. И. Гошкевич, И. В. Фабрициус), другие указывали его в Овидиополе, (Ф. Биладель, А. Геррманн, Л. А. Ельницкий).

Еще одну точку зрения высказал М. С. Сеницын. Используя неправильный перевод отрывка из Страбона, вслед за К. Маннертом и Ж. Гэлем «перенес» Никоний на правый берег Днестровского лимана и отождествил его с городищем у села Пивденное (с. 23). А Роксоланское городище исследователь считал Офиуссой.

На этом длительная и оживленная дискуссия в общем-то закончилась. Как мы видим, большая группа ученых еще с середины XIX в. отождествляла Никоний с городищем у села Роксоланы. Но другие ученые были против этого отождествления, так как местоположение этого городища не соответствует данным Страбона и Анонимного автора. Так вопрос о локализации Никония еще некоторое время оставался открытым.

В 60-е годы к этой проблеме обратился П. О. Карышковский. Как уже отмечалось, он попытался объяснить расхождения в источниках тем, что они измеряли расстояния от разных точек широкого устья Днестровского лимана. По его мнению, источник Страбона

считал устьем Тире юго-западную оконечность лимана, откуда и следует отсчитывать указанные 140 стадиев (с. 159). Анализируя сведения Анонимного автора, П. О. Карышковский вслед за своими предшественниками считает, что здесь, как и в сообщении о башне Неоптолема, вместо города Тире ошибочно указана река, и, следовательно, упомянутые 30 стадиев «представляют расстояние от Никония не до берега реки, а до того же города, т. е. ширину лимана» (с. 158). Измерения в обоих случаях приводят к Роксоланскому городищу. Следовательно, считает ученый, именно здесь был Никоний (с. 162).

Однако и после статьи П. О. Карышковского некоторое время исследователи проявляли чрезмерную осторожность и продолжали называть этот пункт просто городищем у села Роксоланы. Лишь в последние годы его стали прямо называть Никонием. Но и сейчас еще не рассеялись сомнения относительно правильности такого отождествления. И надо заметить, что сомнения эти в общем-то вполне законны. Ведь, строго говоря, местоположение Роксоланского городища не соответствует указаниям древних авторов. Расстояние до него от Цареградского гирла, устья современного лимана, почти втрое больше указанного Страбоном. Объяснения же П. В. Беккера и П. О. Карышковского о том, что 140 стадиев Страбона измерены не от современного устья, а от юго-западной оконечности лимана, основанные на логических умозаключениях, а не на фактах, не могли до конца убедить исследователей. Ведь таким образом можно «подогнать» любое необходимое расстояние в пределах длины извилистого берега от Затоки до Приморского. Кроме того, никому из ученых не удалось достаточно убедительно объяснить сообщение Анонимного автора о том, что «от местечка Никония до судоходной реки Тире 30 стадиев».

Одни исследователи считали, что здесь имеется в виду расстояние от Никония до устья Тире (К. Маннерт, И. А. Стемповский, Ф. К. Брун, П. В. Беккер, З. А. Аркас, К. Мюллер, А. С. Уваров, А. Геррманн). При чем одна часть из них подразумевала устье реки, а другая — устье лимана. Другие ученые пришли к выводу, что текст перипла в этом месте испорчен: вместо «река Тира» должно стоять «город Тира», а отсюда следует, что в источнике отмечено расстояние между двумя городами, т. е. ширина лимана (К. Нойман, Ф. А. Браун, Э. Диль, П. О. Карышковский и др.). Оба вывода выглядят вполне правдоподобно. Но согласиться с ними нельзя, так как и то и другое расстояние почти вдвое превышает приведенную в перипле цифру. Как же тут быть?

И здесь на выручку вновь пришла палеогеографическая реконструкция. Сопоставление письменных источников с реконструкцией показало, что у Страбона в сообщении о Никонии под устьем Тире указано раннее устье реки, находившееся у села Приморского. Следовательно, отсюда и измерены известные 140 стадиев. Это расстояние равно — в зависимости от того, какой здесь использован стадий (157 м или 185 м), — 22—26 км. Оно приводит нас именно к Роксоланам, у северной окраины которых и расположено городище. Расстояние до него составляет 26 км. Таким образом, местоположение городища полностью соответствует сведениям Страбона. А сообщение Анонимного автора о 30 стадиях от Никония до судоходной реки Тире, как мы увидим дальше, не имеет никакого отношения к расстоянию до устья реки. Эта цифра измеряет совсем другой отрезок пути.

Теперь попытаемся объяснить, почему Птолемей «увеличил» расстояние от устья реки до Никония на 110 стадиев. Обычно это объясняют неточностью птолемеевой градусной сетки, неизбежными искажениями при переводе линейных мер в координаты и обратном пересчете. Такое объяснение вполне убедительно. Но при этом возможно еще одно объяснение. Дело в том, что указанные 110 стадиев примерно соответствуют расстоянию между старым и новым местоположением основного устья Тире. А Птолемей, как выясняется, имел в своем распоряжении разновременные сведения. Расстояния до одних пунктов были измерены от устья у села Приморского, а до других — от устья у села Затока. А в его описании указано только одно устье Тире. Под его

координатами географ отметил, как выяснилось, устье у Приморского². Это исходная точка, к которой привязаны все пункты этого района. Птолемей, скорее всего, знал о существовании двух разных устьев реки, так как указывает не устье, а «устья реки Тирь» (III, 10, 7). Однако все объекты он привязал к устью у села Приморского. Так, указывая город Тиру и Гермонактову деревню, географ без всякой поправки перевел линейные измерения в координаты, в результате чего эти пункты «сместились» к западу примерно на 20 км, т. е. на расстояние между устьями. А относительно Никония и Офиуссы он, взяв данные о расстоянии до них от устья у Приморского, ошибочно приплюсовал сюда еще и разницу между устьями и получил примерно 250 и 200 стадиев. Поэтому Днестро-Дунайское междуречье оказалось «сжатым», а Нижнее Поднестровье, наоборот, «растянутым».

Как мы видим, из-за неясностей в сведениях античных географов поиски Никония продолжались почти четыре столетия. Однако в конце концов общепринятым стало отождествление Никония с Роксоланским городищем. И сомневаться в этом нет никаких оснований.

Городище это известно еще с начала прошлого века. В те времена на его территории были крестьянские наделы. При обработке земли здесь постоянно разрушали остатки стен, домов и других сооружений. Старожилы помнили, как сообщает П. В. Беккер, и развалины оборонительной башни. Вместе с камнями из земли извлекали обломки амфор, чернолаковых и лепных сосудов, монеты, различные предметы быта, украшения. Под впечатлением этих находок в селе родилась легенда о существовании здесь турецкой крепости Суклея и зарытых в ней несметных сокровищах. В поисках этих драгоценностей местные жители стали раскапывать развалины и самым хищническим образом разрушать городище. Однако, кроме камней, черепков и пустых сосудов, здесь ничего не находили.

В середине XIX в. городище обследовали П. В. Беккер и А. С. Уваров, которые отождествили его с Никонием. Уваров составил план городища и некрополя. Некрополь находился к востоку от города на высоком степном плато и состоял из курганного и грунтового могильника. В конце столетия кладоискатели стали хищнически раскапывать и захоронения. Остановить это варварское разрушение памятника и разбазаривание находок, которые охотно покупали одесские любители древностей, было невозможно, так как его территория находилась в частных земельных владениях. Ученым не оставалось ничего другого, как по возможности приобретать те или иные ценные находки. Так, В. И. Гошкевичем было куплено несколько монет и некоторые другие предметы. В дореволюционное время он дважды обследовал Никоний, снял его план и отметил, что прибрежная часть его интенсивно разрушается лиманом. С тех пор город был надолго забыт. В 1957 г. одесские археологи начали систематические раскопки городища. Результаты многолетних кропотливых исследований дают возможность восстановить общую картину исторического развития города, выделить его основные этапы, охарактеризовать материальную и духовную культуру никонийцев³.

Никоний возник, видимо, в последней трети VI в. до н. э. К этому времени на острове в дельте реки уже существовала Офиусса. Отношения с местными племенами были дружественными, обстановка в округе спокойной, и вновь прибывшие переселенцы решили обосноваться не на острове, подобно офиуссам, а уже на коренном берегу. Напротив Офиуссы было выбрано удобное, возвышенное место, отделенное с юга и севера глубокими балками, а с востока, со стороны степи, — ложбиной. Рукав реки в этом месте делал небольшой изгиб и образовывал удобную для гавани бухту. А вокруг раскинулись плодородные земли. Новый город был назван Никонием в честь богини победы Ники.

На новом месте греки занялись привычным трудом: земледелием, скотоводством, рыболовством, охотой, различными ремеслами. Город быстро наладил торговые связи с

различными средиземноморскими центрами и местными племенами. В ранний период Никоний занимал небольшую прибрежную часть плато. Возможно, он состоял из верхнего и нижнего города. Внизу, вокруг гавани располагались портовые сооружения, складские помещения и т. п. А Выше раскинулась основная территория города. Здесь же были общественные, административные здания, а также культовые сооружения. Первоначально это был небольшой поселок, застроенный землянками и полуземлянками. Значительных каменных строений тогда еще не было. Вокруг него на левом коренном берегу возникла целая цепь таких же небольших сельских поселений, жители которых стали выращивать хлеб на продажу.

А теперь остановимся на одном интересном обстоятельстве. Все известные в Нижнем Поднестровье поселения VI в. до н. э.— а их насчитывается более десятка — расположены на левом коренном берегу⁴. А на правобережье неизвестно ни одного населенного пункта этого времени. Естественно, возникает вопрос, почему греки предпочитали левый берег и не селились на правом, где были такие же плодородные земли и такие же возвышенные участки коренного берега, на которых они обычно обосновывались. Военная и политическая обстановка на обоих берегах была одинаковой: эта территория вплоть до Дуная принадлежала Скифии, оседлого населения здесь не было. Так что скифы едва ли могли повлиять на процесс расселения греков в Нижнем Поднестровье. В чем же причина?

Ответить на этот вопрос помогла опять-таки палеогеография. Как мы уже знаем, Тира в своем нижнем течении разделялась на два рукава. Правый рукав, как видно из геологического разреза, был основным рукавом реки. И течение здесь было доврльно сильным. Об этом говорит и само название реки, которое этимологизируется как «быстрая», и слова Овидия, который упоминает «не уступающий быстротой ни одной реке Тирас». Надо думать, сильное течение в правом рукаве реки затрудняло плавание кораблей, и поэтому греки предпочитали селиться в первую очередь на берегу куда более спокойного левого рукава; Условия судоходства здесь были лучше, и суда мргли сравнительно легко подниматься вверх против течения. Таким образом, после дельтового острова греками в первую очередь был освоен коренной берег левого рукава реки, где условия судоходства были лучше. И только после этого в V в. до н. э. греческие переселенцы стали осваивать правобережье.

Вернемся, однако, к Никонию. Выгодное географическое положение послужило его быстрому экономическому развитию. В V в. до н. э. город разросся, установил тесные торговые связи с крупными центрами древнегреческого мира: Хиосом, Фасосом, Самосом. Лесбосом, Гераклеей и с соседними городами — Истрией и Ольвией. Крепли также связи с местным населением. Никоний стал значительным городским центром Нижнего Поднестровья и прочно занял ведущее положение в округе.

Со второй половины V в. до н. э. начинается расцвет Никония. Землянки и полуземлянки сменяются каменными домами, застройка идет по разработанной планировке. Однако к этому времени отношения с местным населением, видимо, ухудшились, и никонийцы позаботились о крепостных сооружениях: в восточной части города, в ложбине со стороны степи, был вырыт глубокий ров и возведена оборонительная стена. Но эти меры не спасли Никоний. Примерно в середине IV в. до н. э. он был взят штурмом. Это нападение связывают с движением скифских войск под руководством Атея. Видимо, греки и скифы быстро пришли к мирному соглашению, и это спасло город от полного разрушения. Нанесенный урон был незначительным, и Никоний быстро оправился от нападения, жизнь в нем нормализовалась. Вскоре наступил период наивысшего расцвета. Процветали торговля, ремесла, строились большие общественные здания. Город начал выпуск своей монеты.

Но процветал Никоний недолго. Уже во второй половине IV столетия его экономическое развитие приостановилось и постепенно сменилось кризисом. Упадок проявился прежде всего в торговле.

Синопа еще в период расцвета сократила ввоз своих товаров в Никоний и одновременно увеличила объем импорта в соседнюю Тиру. А в середине IV в. до н. э. произошла аналогичная переориентация Фасоса. Ввоз его продукции в Никоний уменьшился, а в Тиру — соответственно увеличился. Через несколько десятилетий сократился импорт в Никоний гераклеискх товаров. Экономика города была подорвана, наступил глубокий кризис. А соседняя Тира между тем значительно расширила свои торговые связи, укрепила экономику и вступила в период расцвета. К середине IV в. до н. э. она начала выпуск своей монеты и заняла ведущее положение в округе. Так приоритет от Никония перешел к Тире.

А кризис Никония углублялся. В III в. до н. э. прекратились его торговые связи со всеми крупными центрами: Фасосом, Синопой, Херсонесом. Сюда вообще перестали заходить заморские корабли. С потерей торговых связей город лишился, надо полагать, экономической и политической поддержки античных центров и очутился в полной изоляции. Он перестал быть центром транзитной торговли и потерял связи с местными племенами. Так Никоний из цветущего города превратился в небольшой поселок. Показательно, что в перипле Анонимного автора он назван уже не городом (πόλις), а местечком (χωριον).

В конце столетия Никоний был разрушен, как считают исследователи, галатами. Были сожжены многие дома, снесены укрепления. Разрушения были настолько тяжелыми, что город уже не мог оправиться от них. Жизнь в нем постепенно замирала и вскоре прекратилась совсем. Возродилась она уже в римское время. А соседняя Тира просуществовала еще два столетия. И кризис ее связан с общим кризисом древнегреческого мира.

Что же случилось с Никонием? Дело здесь, конечно, не в конкуренции между Никонием и Тирой. Оба города могли получать любое необходимое им количество товаров. Однако торговая деятельность Никония постепенно уменьшалась, тогда как торговля Тиры расширялась.

Долгое время размышления над этим вопросом не давали мало-мальски вразумительного ответа. В этой связи привлекли к себе внимание слова Анонимного автора о том, что «от местечка Никония до судоходной реки Тиры 30 стадиев», т. е. около 5 км. Это сообщение, как уже говорилось, много десятков лет не давало покоя ученым. Одни исследователи видели здесь расстояние до устья реки Тиры, другие — до города Тиры. Но оба объяснения оказались неприемлемыми. Как же тут быть? Ведь при ином толковании получается, что Никоний должен находиться не на реке Тире, а в 30 стадиях восточнее.

Пытаясь найти выход из тупика, при анализе текста задумываешься над тем, почему автор перипла говорит о *судоходной* реке Тире. Что он этим хотел сказать? Теперь, когда мы знаем, что в античное время на месте современного лимана была дельта реки из двух рукавов, к каждому слову источника следует относиться особенно внимательно. При всей своей лаконичности текст перипла очень емкий.

Что же в данном случае дает нам палеогеографическая реконструкция? Итак, Тира в своем нижнем течении разделялась на два рукава, из которых основным был правый. Геологические разрезы дна лимая, т. е. бывшей дельты, показывают, что левый рукав реки, на котором находился Никоний, был примерно на 2—3 м мелководнее правого. А при изменении режима стока он мог быть еще мелководнее. В дельтах рек перераспределение стока в рукавах — довольно обычное явление. Так, для Дуная, сравнивая описания дельты древними авторами, можно проследить ее эволюцию: исчезновение одних рукавов и появление других, заиливание старых и переуглубление новых. Ранние источники отмечают пять рукавов реки, а более поздние — шесть-семь⁶. Подмечена общая тенденция — перемещение основного русла с юга на север. Происходит это в результате отмирания южных рукавов и появления новых, северных. В античное время, например, основным рукавом был ныне не существующий Священный рукав, в

средние века — Георгиевский, до конца XIX в. — Сулинский, а сейчас — Килийский, через который проходит 70% дунайского стока. На этом примере легче представить, как в результате изменения режима стока в дельте Тиры ее левый рукав постепенно обмелел и к III в. до н. э. стал несудоходным. Теперь становится понятным, что 30 стадиев перипла — это расстояние от Никония не до устья реки, как считали одни исследователи, и не до города Тиры, как полагали другие, а до судоходной реки Тиры, т. е. до ее правого рукава⁷.

Таким образом, примерно в III в. до н. э. левый рукав дельты Тиры обмелел и сделался несудоходным. Это стало одной из главных причин упадка Никония⁸. Дальнейшие исследования откроют нам новые страницы истории этого города.

¹ *Vivien de Saint-Marten*. Atlas dresse pour l'histoire de la Geographie et des decouvertes Gegraphiques. P., 1874, pl. IV.

² *Агбунов М. В.* Заметки по античной географии..., с. 123.

³ *Загинайло А. Г.* Несколько строительных комплексов древнего Никония IV в. до н. э.— В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Киев, 1975, с. 114—115; *Секерская Н. М.* Результаты раскопок в западной части Никония.— КСИА, вып. 156, 1978. с. 27—32; *Агбунов М. В.* Давньогрецький Ніконій.— Археологія, № 32, 1979, с. 13—19.

⁴ *Охотников С. Б.* Поселения VI—V вв. до н. э. в Нижнем Поднестровье.— В кн.: Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР. Киев, 1980, с. 84—96.

⁵ Подробно о динамике торговых связей с указанием соответствующей литературы см.: *Агбунов М. В.* Давньогрецький Ніконій, с. 16—18.

⁶ См.: *Агбунов М. В.* Сопоставление древних устьев Дуная, упоминаемых античными авторами.— В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978, с. 249—254.

⁷ *Агбунов М. В.* К вопросу о локализации..., с. 121.

⁸ *Агбунов М. В.* Давньогрецький Ніконій, с. 18.

ОСТРОВ БОРИСФЕН (БОРИСФЕНИДА)

Ознакомив нас с низовьями Тиры, Страбон пишет далее: «Затем следует река Борисфен, судоходная на протяжении 600 стадиев, и неподалеку от нее другая река Гипанис и остров перед устьем Борисфена с гаванью» (VII, 3, 17; ВДИ, 1947, № 4, с. 200). Именно так перевел слова Страбона С. В. Мирошников в известном сборнике В. В. Латышева. При переиздании указанного свода источников в «Вестнике древней истории» процитированный перевод остался без изменений. Так же перевели эту фразу Г. Вероненс и Г. Трифернат, К. Цшукке, дю-Тейль и Корэ, Хр. Гроскурд, А. Форбигер, К. Мюллер, В. Юргевич и А. Маркопуло, Ф. Г. Мищенко, Г. Джонс, Л. А. Ельницкий, Г. А. Стратановский и многие другие исследователи¹.

Согласно такому пониманию текста, Страбон сообщает, что Борисфен судоходен на 600 стадиев, т. е. примерно на 111 км, если считать стадий, равным 185 м. А в действительности длина судоходной части Днепра превышает эту цифру во много раз. Такое расхождение бросает тень на репутацию Страбона и вызывает недоверие к другим его сведениям.

Разница настолько значительна, что ее трудно объяснить плохим знанием течения Борисфена. Здесь можно было бы ошибиться на какую-то часть общего расстояния, пусть даже на половину, но не в несколько раз. При этом указание источника четкое и категоричное. Поэтому размышления над этим несоответствием привели к мысли о необходимости проверить точность перевода.

Обратимся к тексту. Страбон сообщает буквально следующее: «Ἐἵτα Βορυσθένης πτοταμός τελευτός εφ' ἐξακόσιους σταδίους». Эта фраза представляет собой простое повествовательное предложение. Исследователи полагают, что слова τελευτός εφ' ἐξακόσιους σταδίους — целое выражение, которое переводят как «судоходная на протяжении 600 стадиев». На первый взгляд такая разбивка предложения и вытекающий

отсюда перевод вполне правильны. Но при более близком ознакомлении перевод вызывает возражения. Дело в том, что слово ἐφ' — в данном случае предлог винительного падежа — имеет несколько значений. Он может отвечать: 1) на вопрос где; 2) на вопрос куда; 3) на протяжении, через, по. И от того, какое значение предлога избрано, зависят разбивка предложения по составу и его перевод. Ученые обычно выбирают значение «на протяжении» и получают традиционный перевод. Но если взять первое или второе значение, то слова ἐφ' ἐξακόσιους σταδίων следует отнести к слову εἶτα. В результате получается принципиально иной перевод: «Затем, в 600 стадиях судоходная река Борисфен».

Итак, перевод отрывка зависит от правильного выбора значения предлога ἐφ'. При одном значении 600 стадиев определяют длину судоходной части Борисфена, а при другом — указывают расстояние между Тирой и Борисфеном. При первом переводе данные Страбона вступают в резкое противоречие с действительными расстояниями, при втором — полностью согласуются с ними. По-видимому, традиционный перевод является неточным. Для проверки этого предположения необходимо обратиться к тексту «Географии».

Знакомясь с терминологией Страбона, мы замечаем, что он четко разделяет употребление слова «судоходный» с помощью двух синонимов. Если географ просто отмечает, что та или иная река судоходна, то применяет прилагательное τλωτός. Именно этот термин использован, например, в таких выражениях: «судоходная река Тира» (VII, 3, 15), «судоходная река Пирам» (XII, 2, 4), «две судоходные реки — Акирис и Сирус» (VI, 1, 14), «судоходные реки» (VII, 5, 2) и др. Если же Страбон определяет длину судоходной части реки или степень ее судоходности, то использует другой термин — производный от глагола ἀναττλέω. Такой термин фигурирует, к примеру, в следующих фразах: «Река судоходна почти на 1200 стадиев от моря до Кордубы и местностей, лежащих немного выше... Далее до Гиспалия река судоходна для значительных по величине грузовых кораблей на протяжении 500 стадиев без малого, а для меньших по величине грузовых кораблей она судоходна до городов, лежащих выше течения вплоть до Илипа» (III, 2, 3); «Патавий доступен для судов на протяжении 250 стадиев от большой гавани вверх по реке» (V, 1, 7); «На этом пути встречается река, судоходная для грузовых судов вверх вплоть до области далматов и либурнского города Скардона» (VII, 5, 4); «...река Дрилон, судоходная в верхнем течении, к востоку вплоть до Дарданской области» (VII, 5, 7). Количество тех и других примеров легко можно умножить.

Таким образом, эта закономерность в стиле Страбона показывает, что в данном случае географ просто называет Борисфен судоходной рекой, а не указывает длину его судоходной части. В этом предложении к подлежащему Βορυσθένης τλωτός относится только нераспространенное определение τλωτός. А выражение ἐφ' ἐξακόσιους σταδίων относится к слову εἶτα. Такое построение предложения с разрывом составных частей обстоятельства места характерно для Страбона. Примеры такого рода встречаются у него особенно часто при кратком, лаконичном описании местности, например Западного Причерноморья (VII, 6, 1). Вследствие подобной манеры изложения в предложении о Борисфене сложилась такая расстановка слов, в результате которой появилась неправильная разбивка предложения по составу, из чего вытекает неточный перевод.

Итак, отрывок из Страбона переводится, а вернее сказать, интерпретируется следующим образом: «Затем, в 600 стадиях судоходная река Борисфен». Именно так перевели это место еще И. Казобон и А. Пенцель². Но в начале XIX в. К. Маннерт выступил против такого понимания текста и присоединился к традиционному переводу (с. 252). Несколько десятилетий спустя К. Нойман раскритиковал возражения К. Маннерта и настаивал на переводе, который здесь обосновывается (с. 352, прим. 2). Но эти важные выводы ученых остались, к сожалению, без внимания. В результате общепринятым стал неточный перевод, согласно которому Страбон якобы определил судоходную часть Борисфена в 600 стадиев. В действительности же географ указывает расстояние между

устьями Тиря и Борисфена. Эта цифра вполне соответствует действительному расстоянию между реками и согласуется с данными других источников, например Анонимного автора.

Здесь же Страбон упоминает и «остров перед устьем Борисфена с гаванью». А составитель хрестоматии из «Географии» Страбона указывает, что этот остров также назывался Борисфеном (см. ВДИ, 1947, № 4, с. 243). Клавдий Птолемей отмечает здесь остров Борисфениду (Ш, 10, 8; ВДИ, 1948, № 2, с. 243). Безусловно, речь идет об одном и том же острове. Что же это за остров? Казалось бы, вопрос простой и никаких особых сложностей вызывать не должен. Устьем Борисфена греки считали устье Днепро-Бугского лимана. А неподалеку от него расположен небольшой остров под названием Березань. Других островов здесь нет. Выходит, что Страбон и Птолемей указывают именно Березань. Долгое время так и считалось. Тем более что на Березани открыто самое раннее в Северном Причерноморье греческое поселение, которое, естественно, имело и гавань. Как говорится, налицо полное соответствие сведениям Страбона.

Но со временем выяснилось, что в античный период район Березани был не островом, а полуостровом. Встает вопрос, о каком же острове идет речь у Страбона и Птолемея. Ведь их сообщения предельно ясные и не вызывают сомнений. Оказалось, что здесь был еще один, ныне не существующий остров.

Тот, кто бывал в районе Днепровского лимана, вероятно, знает, что такое нижнеднепровские пески. Эти обширные песчаные массивы на левобережье Нижнего Днепра и Днепровского лимана вытянулись на многие десятки километров и завершаются вблизи Очакова Кинбурнским полуостровом, который омывается с одной стороны лиманом, а с другой — морем. Этот малозаселенный район, покрытый дюнами и периодически высыхаемыми солеными озерцами, малопригоден для жилья. Здесь нет ни плодородных земель, ни высоких обрывистых берегов, на которых предпочитали селиться греки. Поэтому археологи и не искали здесь древнегреческих поселений.

Но вот более десяти лет назад работники лесничества обнаружили в дюнах недалеко от села Ивановка, на берегу Ягорлыцкого залива, обломки амфор, черно-лаковой и лепной посуды, бронзовые наконечники стрел, свинцовые изделия, стеклянные бусы и другие предметы. Археологические исследования под руководством А. С. Островерхова показали, что здесь в VI в. до н. э. существовал древнегреческий ремесленно-производственный центр³. Тут были развиты железоделательное, бронзолитейное, стекловаренное и другие производства, которые изготавливали свою продукцию (оружие, предметы быта, украшения и т. п.) для продажи в Скифию.

Изучение Ягорлыцкого поселения выдвинуло перед учеными ряд новых проблем. В первую очередь необходимо было выяснить, почему греки поселились в этих песках, в местности, неудобной для жилья. Что привлекло их сюда? Ответ оказался неожиданным — природные богатства этого места. Именно здесь сосредоточены большие запасы гематитовых песков, которые содержат высокий процент железной руды и служили в древности сырьем для получения железа⁴. Такой способ добычи металла описывает в своем произведении «О чудесных слухах» автор, известный нам под условным именем Псевдо-Аристотель: «Рассказывают о совершенно особом происхождении железа халибского и амисского: оно образуется, по рассказам, из песка, несомую реками; песок этот, по одним рассказам, просто промывают и плавят на огне, а по другим — образовавшийся от промывки осадок несколько раз еще промывают и потом плавят, прибавляя так называемый огнеупорный камень, коего много в той стране; этот род железа гораздо лучше прочих, и если бы оно плавилось не в одной печи, то, кажется, ничем не отличалось, бы от серебра. Только одно это железо, по рассказам, не подвергается ржавчине; но добывается оно в незначительном количестве» (II, 48; ВДИ, 1947, № 2, с. 327). Кинбурнский район богат также кварцевыми песками, которые являются сырьем для стекловаренного производства. Кроме того, здесь есть и необхо-

димая для стеклоделия натуральная сода. Так была открыта на Ягорлыцком поселении одна из первых в Европе стеклоделательных мастерских.

Ягорлыцкие ремесленники не испытывали недостатка и в топливе. В то время низовья реки и лимана были покрыты пойменными лесами. Древние авторы называют эту местность лесной страной — Гилеей. Как повествует древнегреческий миф о происхождении скифов, их прародителями в этом краю были Геракл и Скифская змееногая богиня. Геродот (IV, 8—10) пишет, что Геракл, разыскивая похищенных по божественному предопределению коней из своей колесницы, прибыл в Гилею и встретил здесь в пещере полуженщину-полузмею. От Геракла у нее родились три сына: Агафирс, Гелон и Скиф. Геракл оставил им свой лук и пояс с золотой чашей с таким условием, что владеть этой страной будет тот из сыновей, кто сумеет натянуть его лук и опоясаться его поясом. Справился с отцовским наказом только Скиф. От него и произошли цари скифов. Здесь же, в Гилее, как сообщает Геродот (IV, 76), скифский царевич Анахарсис, один из семи мудрецов древнего мира, совершил обряд в честь Матери богов и за эту приверженность к греческим обычаям был убит своим братом, царем Савлием.

Постараемся теперь выяснить, как выглядел в древности район Ягорлыцкого поселения. Как мы не раз уже говорили, за прошедшие 2—2,5 тыс. лет в Причерноморье произошли довольно значительные изменения в географическом облике побережья. Это коснулось и района Кинбурнской косы.

Ягорлыцкое поселение расположено на берегу Ягорлыцкого залива, мелководной лагуны глубиной в 2—3 м⁵. А толщина морских осадков достигает в среднем 2 м. Если к этой цифре прибавить глубину залива, то получим, что дно лагуны к моменту ее образования находилось на 4—5 м ниже современного уровня моря. А в античный период уровень Черного моря был ниже этой отметки. Следовательно, Ягорлыцкого залива в его теперешних очертаниях в то время не существовало. Это пространство представляло собой, видимо, периодически заливаемую водой низину. А в районе острова современного Долгого находились верховья Пра-Ягорлыцкого залива, который врезался в сушу совсем незначительно.

Как мы видим, море было довольно далеко от Ягорлыцкого поселения. Но и от Днепровского лимана оно отделено Кинбурнским полуостровом, ширина которого в этом самом узком месте — 7—8 км. Выходит, поселение не имело судходных подступов и было изолировано от других населенных пунктов. Но такое размещение поселка противоречит греческой традиции. Поселения древних греков всегда находились прямо на берегах моря, лиманов, рек, заливов. Кроме того, такой сравнительно крупный торговоремесленный центр не мог существовать без гавани. И она, бесспорно, была здесь. О ее существовании говорят и находки камней средиземноморского происхождения, которые попали сюда как балласт с греческих кораблей⁶. Все это заставило обратиться к геологической истории дельты Днепра.

Дельта Днепра в более ранние геологические периоды имела совсем иную конфигурацию⁷. Она начиналась в районе села Старая Збурьевка, где разделялась на несколько рукавов, которые выходили к району современной Тендровской косы. Со временем дельта переместилась в широтном направлении и постепенно приняла ориентировку, которую сейчас повторяет Днепровский лиман. Он представляет собой не что иное, как затопленную морем дельту. А между старым и новым местоположениями дельты речные наносы образовали водораздел, который положил начало формированию Кинбурнского полуострова.

Однако от старой дельты осталось несколько рукавов, которые продолжали течь по старой долине через косу. Один из таких рукавов существовал еще в XVI—XVII вв. под названием «Запорожская протока»⁸. Он протекал от села Рыбальче через Аджигольское озеро мимо села Ивановка к Ягорлыцкому заливу. Через этот рукав запорожцы, избегая встреч с турецкими галерами, которые сторожили выход в Черное море у Очакова, переволакивали свои челны и выходили в море через Ягорлыцкий залив. «Запорожская

протока» существовала и до недавнего времени в виде Ивановской старицы. И сейчас еще ее уровень не намного выше морского, поэтому еще в начале нашего века при восточном ветре вода из залива заходила в старицу. Но со временем в ее устье образовались коса и несколько песчаных островков. Они преградили доступ воде, и старица высохла.

А на дне Ягорлыцкого залива прослеживается затопленная морем часть днепровского рукава. Он представляет собой неглубокую, еще не полностью занесенную песком ложбину. А в нескольких километрах западнее Ягорлыцкого поселения видны следы еще одного рукава Днепра, протекавшего здесь в древности. На Кинбурнской косе от бывшего этого рукава остается еще цепочка крохотных озерцов. Затопленную его часть можно проследить на дне залива в виде неглубокой ложбины, которая выходит в море западнее острова Долгий.

С повышением уровня моря самая низменная часть Кинбурнского полуострова была подтоплена. В результате образовался современный Ягорлыцкий залив, поглотивший нижнюю часть днепровских рукавов.

Таким образом, выясняется, что в древности через Кинбурнскую косу протекали два днепровских рукава, впадавших в Пра-Ягорлыцкий залив. Теперь становится понятным, почему Клавдий Птолемей (III, 5, 2; ВДИ, 1948, № 2, с. 233) и Руфий Авиен (§ 720; ВДИ, 1949, № 4, с. 240) говорят не об *устье*, а об *устьях* Борисфена. Понятно также, почему летописец Нестор в «Повести временных лет» сообщает о том, что Днепр впадает в море «трема жерелы», т. е. устьями⁹. Это сообщение долгое время считалось непонятным и даже ошибочным. Однако полученная палеогеографическая реконструкция полностью подтверждает указание Нестора.

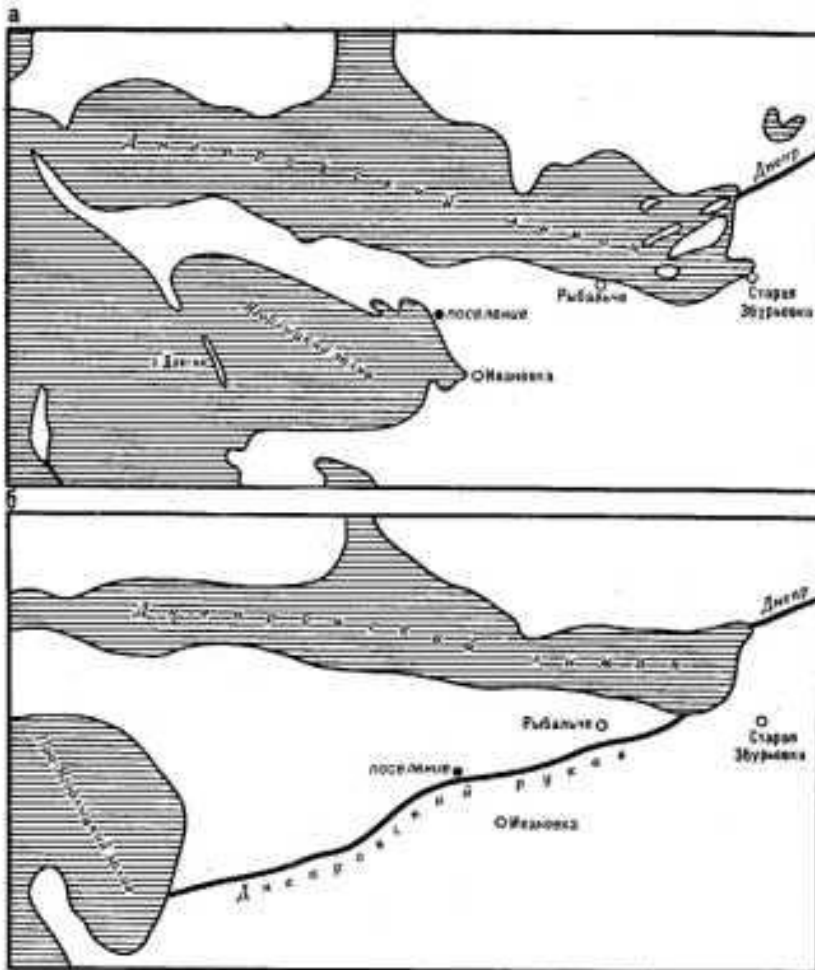

Рис. 12. Палеогеографическая реконструкция района острова Борисфен. Схема района: а) в настоящее время; б) в античный период

А составитель хрестоматии из «Географии» Страбона не просто указывает устья Борисфена, но и определенным образом связывает местоположение острова с устьями: «Устья реки Борисфена и остров Борисфен лежат в углу Тамиракского залива» (ВДИ, 1947, № 4, с. 243). Это указание наталкивает на мысль о том, что остров Борисфен и по своему местоположению, и по своему происхождению связан с устьями реки.

Подведем итоги. Благодаря палеогеографической реконструкции мы выяснили, что в древности через Кинбурнский полуостров протекали два рукава Днепра и образовывали два острова. С одной стороны их омывало море, с другой — лиман, а рукава реки отделяли от материка. Эти острова изображены на многих средневековых морских компасных картах, так называемых портоланах (см. атласы А. Норденшельда, В. Кордта, рис. 49—50). Правда, на некоторых картах здесь показан только один огромный остров. Видимо, в данном случае картографы указывали только восточный рукав, "Запорожскую протоку", а второй, менее значительный рукав не учитывали.

Вернемся, однако, к Страбону. Географ указывает «остров перед устьем Борисфена с гаванью». Теперь, зная, как выглядел этот район в древнегреческий период, можно наконец установить, о каком острове идет речь у Страбона и Птолемея. Имеющиеся данные говорят о западной части современного Кинбурнского полуострова. В древности она была отделена от материка и представляла собой обширный остров, на котором и было основано Ягорлыцкое поселение. Днепровский рукав, на котором лежало это поселение, был судоходным и связывал этот ремесленно-производственный центр как с морем, так и с Днепро-Бугским лиманом.

Следует подчеркнуть, что существование этого острова предполагал еще В. В. Латышев. Почти сто лет назад он высказал мысль о том, что Страбон, указывая перед устьем Борисфена остров с гаванью, имел в виду не Березань, а часть Кинбурнского полуострова (ПОНТИКА, с. 297). В те годы еще не было геологических данных о том, что Березань в античный период была не островом, а полуостровом, и о том, что через Кинбурнский полуостров протекал днепровский рукав; еще не было известно и Ягорлыцкое поселение. Теперь же имеющиеся данные полностью подтверждают высказанное В. В. Латышевым предположение.

Рассмотрим теперь еще один интересный вопрос. Плиний Старший при описании северо-западного побережья Понта Эвксинского указывает также расположенные здесь острова. Особый интерес вызывает такое его сообщение: «Перед Борисфеном есть остров Ахилла, который называют еще Левка и Макарон. Этот остров, по современным показаниям, лежит в 140 милях от Борисфена, в 120 милях от Тиры и в 50 милях от острова Певка. Окружность его около 10 миль» (IV, 93). Из этих сведений следует, что остров Змеиный, называвшийся в древности островом Левка, т. е. Белым и островом Ахилла, имел еще и третье название — Макарон, т. е. остров Блаженных. Но в определении его местоположения имеются два несоответствия: 1) расстояние от устья Тиры до Змеиного равно не 120 милям (178 км), а всего лишь 75 км, т. е. в два с лишним раза меньше; 2) окружность острова составляет не 10 миль (15 км), а около 3 км, т. е. меньше примерно в пять раз. Несответствия, как мы видим, слишком значительны. Это заставляет детальнее рассмотреть сообщение Плиния.

Следует сразу же напомнить, что Плиний упоминает остров Ахилла дважды. Сначала он указан при описании низовьев Борисфена: «А в 120 милях от Тиры река Борисфен, а также имеющие то же название озеро, племя и город, отстоящий от моря на 15 миль, в древности носивший имя Ольвиополис и Милитополис. Назад по берегу — Ахейская гавань, затем Ахиллов остров, знаменитый могилой этого мужа, а на расстоянии 125 миль от острова — полуостров, протянутый в форме меча в поперечном направлении и по причине упражнений Ахилла названный Ахилловым Дромом; длина его, как сообщает Агриппа, 80 миль. Все это пространство занимают скифы-сарды и сираки. Затем лесная область, которая дала название «Гилейское» < примыкающему к ней морю» (IV, 83). Даже беглое знакомство с отрывком

позволяет подметить, что собранные в нем сведения явно противоречивы. Разберем • их подробнее.

Отрывок и по своему месту, и по содержанию посвящен району Днепро-Бугского лимана. Ахиллов остров, с одной стороны, указан в непосредственной близости от Ольвии, а с другой — отдален от Тендровской косы на 125 миль (185 км). Создается впечатление, что здесь смешаны сведения о двух разных островах: об острове у устья Борисфена и о Змеином. Еще Г. Келер пришел к выводу, что группа писателей подразумевает под этим островом не Змеиный, в расположенную близ устья Днепровского лимана Березань (с. 632 ел.). Но этот вывод был подвергнут критике со стороны В. В. Латышева, который категорично подчеркнул, что «везде, где древние говорят об Ахилловом острове, следует разуметь остров Белый, нынешний Змеиный»¹⁰. Позже И. И. Толстой согласился с мнением В. В. Латышева, но при этом все же разделил письменные источники на две группы. К первой отнесены писатели, правильно определяющие местоположение острова: Псевдо-Скилак, Псевдо-Скимн, Арриан, Анонимный автор, Максим Тирский, Страбон. Вторую группу составляют Мела, Дионисий Перизетт, Авиен, Присциан, Солин, Птолемей, которые «помещают Левку гораздо севернее, почти у самого устья Днестра».

Анализируя эти данные, исследователь пишет: «Что именно послужило причиной того заблуждения, в какое впадают все писатели второй группы, помещающие Левку слишком далеко на север, перед самым устьем Борисфена, сказать затруднительно»¹¹. А рассматриваемые сведения Плиния он признает смешанными: «Плиний помещает Левку перед Борисфеном, но расстояния, определяемые им от Левки до Борисфена, Тиры и Певки, весьма близко подходят к указаниям писателей первой группы» (там же).

М. И. Ростовцев в рецензии на книгу И. И. Толстого присоединился к мнению Г. Келера и заключил, что «Плиний слил в одно целое» указания о двух разных островах: Змеином и Березани: «Выходит так, что в римское время имелись два острова, посвященные Ахиллу, с его культом и храмом, один против устья Дуная, другой против устья Борисфена. Что это и фактически было так, показывают находки посвящений Ахиллу на Березани, определенно свидетельствующие о его культе и, вероятно, храме, во всяком случае святилище»¹².

К такому же однозначному выводу пришел и П. О. Карышковский, отметивший, что «Плиний сливает посвященные Ахиллу острова (совр. Березань и Змеиный) и соответственно приводит не согласуемые между собой сведения о расстоянии «Ахиллова острова» от разных пунктов побережья» (с. 150, прим. 6)

М. В. Скржинская также высказала близкое к этому суждение о том, что Плиний слил воедино сведения авторов, которые правильно определяли местоположение Змеинового, и тех, кто «ошибочно помещал остров Ахилла недалеко от Борисфена, очевидно путая его с Березанью» (Северное Причерноморье..., с. 28). Но этот вывод исследовательница распространяет только на сведения в § 83. Далее она пишет: «Сначала Плиний назвал этот остров в непосредственной близости от Борисфена (IV, 83). Затем, пользуясь достаточно верными современными его показаниями, удалил его от Борисфена на 140 миль, от Тиры—на 120 миль, а от Певки — на 50 миль (IV, 93)»,—и тут же в примечании добавляет, что остров Змеиный лежит «на расстоянии 45 км к западу от Килийского устья Дуная, в 130 км от устья Днестра и в 250 км от впадения Днестра».

Попытаемся подробнее рассмотреть сведения Плиния в § 93. Здесь он помещает остров «перед Борисфеном... в 140 милях от Борисфена». Возникает вопрос, не слишком ли велико расстояние в 140 миль (207 км) для того, чтобы считать, что этот же остров расположен «перед Борисфеном». Явная несогласованность этих указаний наводит на мысль, что здесь также совмещены данные о двух разных островах: один из них находится «перед Борисфеном», а другой — «в 140 милях от Борисфена».

Теперь рассмотрим конкретные цифры. Итак, указанный Плинием остров лежит в 140 милях (207 км) от Борисфена. М. В. Скржинская почему-то измеряет расстояние не от

устья Днепро-Бугского лимана, которое, все древние авторы считают устьем Борисфена, а от современного устья Днепра. В результате вместо указанных Плинием 207 км она получает 250 км. А при общепринятом измерении от устья лимана данные источника подтверждаются. Здесь, бесспорно, имеется в виду расстояние от устья Борисфена до Змеинового. Таким образом, это измерение соответствует действительности. Но такого нельзя сказать о 120 милях, измеренных от устья Тиры.

Сначала несколько слов о самом устье. Как уже говорилось, в античное время на месте Днестровского лимана находилась дельта реки из двух рукавов, между которыми был обширный остров, упомянутый Плинием. Река впадала непосредственно в море, причем в ранний период основное ее устье было расположено у села Приморское, а позднее переместилось в район села Затока. М. В. Скржинская принимает изложенную реконструкцию и отождествление указанного Плинием острова тирагетов с островом в дельте. Но при этом она почему-то измеряет расстояние до Змеинового от современного устья Днестра, включая сюда всю длину лимана, т. е. бывшего острова. Однако такое измерение противоречит в первую очередь Плинию, который упоминает остров тирагетов. Следовательно, расстояние необходимо отсчитывать от низовьев лимана. Но указанные Плинием 178 км, как уже говорилось, в два с лишним раза превышают расстояние от устья Тиры до Змеинового. Если вести отсчет от села Затока, то получим 75 км, а от села Приморского и того меньше. Попутно можно заметить, что указанное измерение М. В. Скржинской от современного устья Днестра тоже не спасает положения. Даже этот заведомо неверный расчет дает лишь 130 км, почти на 50 км меньше, чем у Плиния. А сомневаться в достоверности его сообщения нет никаких оснований, особенно если учесть, что измерение от устья Борисфена соответствует действительному. Таким образом, приходится констатировать, что указанные в источнике 178 км от устья Тиры до упоминаемого острова неприложимы к расстоянию до Змеинового. Как же воспринимать этот факт? Искать какую-то ошибку или считать, что указанная цифра определяет расстояние от устья Тиры не до Змеинового, а до другого острова, расположенного близ Борисфена? Оставим этот вопрос пока открытым и рассмотрим остальные измерения.

Далее Плиний сообщает, что расстояние от описываемого острова Ахилла до острова Певка равно 50 милям (74 км). Остров Певка находился, как уже говорилось, в южной части дельты Истра. Указанные 74 км соответствуют расстоянию от этого острова до Змеинового.

Рассмотрим теперь вопрос об окружности острова. По данным Плиния, она равна 10 милям (15 км). Но Змеинный — крохотный островок. Его окружность не достигает даже 3 км. Здесь можно было бы предположить, что за прошедшие 2 тыс. лет море уничтожило значительную часть острова, и поэтому, мол, современные измерения расходятся с древними. Но такое предположение не может быть принято, так как Павсаний в «Описании Эллады» (III, 19, 11; ВДИ, 1948, № 2, с. 229) сообщает, что окружность Ахиллова острова, называемого Белым, равна 20 стадиям, т. е. примерно 3,5 км. Следовательно, за прошедший период море уничтожило незначительную часть острова. Поэтому остается признать, что окружность Змеинового не соответствует указанной Плинием цифре.

Итак, выясняется, что остров Змеинный лишь частично подходит под описание Плиния. Он действительно находится в 140 милях от Борисфена и в 50 милях от Певки. Но его местоположение относительно устья Тиры и окружность не соответствуют данным источника. Кроме того, при таком подробном описании побережья о Змеином никак нельзя сказать, что он находится «перед Борисфеном». Ориентиром здесь является, как правило, дельта Истра. Например, Псевдо-Скимн указывает его «прямо против Певки» (§ 785—796), Арриан — «почти против Голого устья» (§ 32), Павсаний — «против устьев Истра» (III, 19, 11), Максим Тирский — «прямо против Истра» (Речь XV; ВДИ, 1948, № 2, с. 278) и т. д. Следовательно, здесь не остается ничего другого, как присоединиться к

мнению исследователей о том, что в этом отрывке слиты воедино сведения о двух разных островах: Змеином и острове у Борисфена. Иное объяснение найти невозможно.

Таким образом, если принять вывод о двух разных островах, следует согласиться с тем, что второй остров находился «перед Борисфеном... в 120 милях от Тиры. Окружность его около 10 миль». В этой связи нельзя не обратить внимание на сообщение Плиния о том, что «в 120 милях от Тиры река Борисфен» (IV, 82). Здесь в обоих случаях фигурирует расстояние в 120 миль от Тиры. Несомненно, речь идет об одном и том же маршруте — к Борисфену. Именно здесь и следует искать указанный Плинием остров. Ранее исследователи считали возможным отождествить его с Березанью. Тогда это был закономерный и вполне объяснимый вывод. Но позже выяснилось, что Березань в античное время была не островом, а полуостровом. Встает вопрос, о каком же острове говорит Плиний. Комплексное изучение имеющихся данных показывает, что речь идет о дельтовом острове, расположенном между основным устьем Борисфена и одним из его рукавов, т. е. об одном из островов, существовавших на месте современного Кинбурнского полуострова между рукавами Борисфена. Именно здесь в 1885 г. были найдены следы жертвенника и посвященная Ахиллу надпись (IOSPE, I², № 327). Этот остров, судя по сведениям древних авторов, как и Левка, был посвящен Ахиллу.

Существование в северо-западной части Понта Эвксинского двух посвященных Ахиллу островов ввело в заблуждение не только Плиния, но и многих других авторов. В результате они также указывают здесь один Ахиллов остров и приводят путанные сведения о его местоположении. Рассмотрим некоторые из них.

Так, например, Дионисий Перизетт дает нам следующее описание: «По левой стороне Эвксина против Борисфена лежит в море знаменитый остров героев; называют его Белым, так как водящиеся здесь птицы — белого цвета. Здесь, говорит предание, блуждают по пустынным долинам души Ахилла и других героев. Такая награда дана Зевсом героям за доблесть: ибо доблесть получила вечную славу» (§ 541—548; ВДИ, 1948, № 1, с. 239). В этом отрывке обращают на себя внимание слова о том, что души героев блуждают по пустынным долинам. Ведь на крохотном Змеином никаких долин нет и никогда не было. Следовательно, здесь речь идет о другом острове, который лежит «против Борисфена», где до сих пор сохранились еще не полностью занесенные песком долины — следы протекавших тут в древности рукавов реки.

Чрезвычайно интересные сведения приводит Филострат-младший в своем «Рассказе о героях». По его сведениям, остров Ахилла — «один из понтийских островов, лежащий ближе к негостеприимной стороне, которая для въезжающих в устье Понта приходится слева; в длину он имеет 30 стадиев, а в ширину не больше четырех; на нем растут тополя и вязы, вокруг храма в порядке, а остальные как попало; храм построен со стороны Меотийского озера (которое впадает в Понт и равно ему по величине) ... Посейдон, приняв в соображение огромное протяжение Понта и то обстоятельство, что вследствие отсутствия островов для мореплавателей нет пристанища, поднял упомянутый мной Белый остров, предназначив его Ахиллу и Елене для жительства, а морякам для стоянки на море. Владычествуя над всей влажной стихией и заметив, что реки Термодонт, Борисфен и Истр изливаются в море неудержимыми и вечно текущими потоками, Посейдон запрудил ил, который несут реки из Скифии в море, и образовал упомянутый остров, прочно утвердив его в глубине Понта» (XIX, 16; ВДИ, 1948, № 2, с. 301).

В этом отрывке обращает на себя особое внимание, во-первых, величина острова. Его окружность равна примерно 70 стадиям. А окружность Змеинового составляла, как указывает Павсаний, лишь 20 стадиев. Следовательно, эти размеры относятся к днепровскому острову. Важно подчеркнуть, что приведенные 70 стадиев почти совпадают с 10 милями Плиния. Обе цифры, безусловно, относятся к одному и тому же острову.

Во-вторых, важное для нас значение имеет указание о том, что расположенный на острове «храм построен со стороны Меотийского озера», т. е. Азовского моря. Если бы речь здесь шла о храме на Змеином, никому и в голову не пришло бы определять его

местоположение относительно Азовского моря. Такой ориентир абсолютно ничего не дает. А главное, тот храм находился в юго-западной части острова, т. е. как раз в противоположном направлении¹³. А вот район устья Борисфена античные авторы при общем географическом ориентировании связывают с Меотидой. Так, к примеру, Страбон сообщает: «Вся эта страна очень холодна вплоть до мест, лежащих между Борисфеном и устьем Меотиды; из самых приморских местностей холодным климатом отличаются самые северные, именно устье Меотиды и еще более устье Борисфена» (VII, 3, 18). И далее Страбон подробно описывает местности, лежащие между отмеченными ориентирами. А Плиний, ознакомив нас с районом Борисфена, пишет далее: «Омывая огромные пространства, где обитают многие народы, море идет большим заливом, не достигая пяти миль до Меотиды» (IV, 84). Эти и другие данные наглядно показывают, что античные географы ясно представляли себе, в каком направлении от Борисфена лежит Меотида, и при надобности указывали этот ориентир. Так и поступил Филострат, уточняя, в какой части днепровского острова расположен храм Ахилла.

В-третьих, Филострат приводит два противоречащих друг другу объяснения относительно происхождения острова Ахилла. Сначала он отмечает, что Посейдон «поднял остров Белый», а затем рассказывает, как тот «запрудил ил, который несут реки из Скифии в море, и образовал упомянутый остров». Остров Змеиный, как известно, тектонического Происхождения, и поэтому первую версию можно отнести к нему. А днепровский остров представляет собой аллювиальные наносы реки, и его происхождение соответствует второму объяснению Филострата.

Таким образом, имеющиеся данные показывают, что в античное время в дельте Борисфена на месте современного Кинбурнского полуострова существовал обширный остров, разделенный протоками на несколько более мелких островов. Составитель хрестоматии из «Географии» Страбона называет этот остров Борисфеном, Клавдий Птолемей — Борисфенидой. На карте из атласа Ортелия он назван: «Вогузгъепез тзгна». Остров был посвящен Ахиллу, и поэтому многие авторы путали его с другим Ахилловым островом, современным Змеиным, и указывали один «смешанный» остров.

¹ Подробно см.: *Азбунов М. В.* Материалы по античной географии Причерноморья.— ВДИ, 1983, № 4, с. 116—118.

² *Strabonis, rerum Geographicarum, I. Casaubonus rec.*, 1587, p. 212; *Des Strabo allgemeine Erbeschreibung, ubersetzt von A. Penzel*, Bd. 2. Lemgow, 1775, S. 920.

³ *Островец А. С.* Экономические связи Ольвии, Березани и Ягорлыцкого поселения со Скифией. Автореф. канд. дисс. Киев, 1978, с. 8—14.

⁴ *Островец А. С.* К вопросу о сырьевой базе античного ремесленного производства в районе Днепровского и Бугского лиманов.— ВДИ, 1979, № 3, с. 115—126.

⁵ Подробно о палеогеографической реконструкции см.: *Азбунов М. В.* Материалы по античной географии...— ВДИ, 1981, № 1, с. 126—129.

⁶ *Островец А. С.* К вопросу о сырьевой базе..., с. 125.

⁷ *Горецкий Г. И.* Аллювиальная летопись великого Пра-Днепра. М., 1970, с. 419, 421.

⁸ См., например: *Двойченко П. А.* Гидрогеологический очерк Северной Таврии.— Труды Южной областной мелиоративной организации, вып. 15. Одесса, 1930, с. 43.

⁹ *Шахматов А. А.* Повесть временных лет, т. I. Пг., 1916, с. 7.

¹⁰ *Латышев В. В.* Исследования о истории и государственном строе города Ольвии. Спб., 1887, с. 61.

¹¹ *Толстой И. И.* Остров Белый и Таврика на Эвксинском Понте. Пг., 1918, с. 26.

¹² *Ростовцев М. И.* Новая книга о Белом острове и Таврике.— Известия Археологической комиссии, вып. 65, 1918, с. 187.

¹³ *Пятышева Н. В.* Археологическое обследование острова Левки (о. Змеиный) осенью 1964 г.— Труды Государственного исторического музея, вып. 40, 1966, с. 61; см. план острова.

ГДЕ БЫЛ ГОРОД ОДЕССА?

В перипле Арриана после упоминания об Ольвии отмечено следующее: «От Борисфена 60 стадиев до небольшого, необитаемого и безымянного острова, а отсюда 80 до Одесса; в Одессе стоянка для кораблей» (§31; ВДИ, 1948, № 1, с. 273). Эти же данные повторяет перипл Анонимного автора (§ 87; ВДИ, 1948, № 4, с. 236). По данным Плиния, к востоку от реки Тиры «живут асиаки, соименные с рекой Асиаком; за ними кробигги, река Рода, залив Саггарийский, гавань Ордеcss» (IV, 82). Клавдий Птолемей также кратко указывает, что «выше реки Аксиака Ордеcss» (III, 5, 14; ВДИ, 1948, № 2, с. 239). Из этих сведений ясно, что в 140 стадиях западнее устья Борисфена, примерно в районе Тилигульского лимана, который в древности назывался Аксиаком или Асиаком, находился античный город Одесс, или Ордеcss.

Итак, город Одесс. Как известно, в 1794 г. на месте турецкого укрепления Хаджибей был основан новый русский город и порт Одесса. Имя свое город получил в память об античном Одессе. В те годы еще не было известно, где точно находился древний Одесс, и некоторое время считалось, что новый город Одесса вырос на месте античного. Но затем выяснилось, что это не так.

Здесь следует заметить, что по недоразумению бытует мнение о том, что античный Одесс был расположен на месте современного болгарского города Варна. Однако это не совсем так. На Понте Эвксинском было два античных города, носивших имя Одесс. Один из них действительно находился на месте Варны, а второй... Вот где второй — оставалось загадкой.

В первой половине XIX в. вопрос о локализации Одесса привлекал к себе внимание многих исследователей¹. Большинство ученых считало, что город стоял на левом берегу устья Тилигульского лимана. Но, когда здесь были проведены археологические разведки, к удивлению многих, оказалось, что никаких следов античного города здесь нет. Несмотря на это, ученые продолжали настаивать на своей точке зрения, хотя не могли привести никаких доказательств.

Другие исследователи искали Одесс несколько восточнее, на берегу небольшого морского залива Кара-баш. Здесь в 1836, 1839 и 1863 гг. были найдены три мраморные плиты с посвящениями Ахиллу. Эти находки стали рассматриваться как доказательство этой точки зрения.

Высказывались и иные соображения. Так, К. Маннерт, П. Кеппен, Ф. Кюльб и Ф. Линднер считали, что Одесс находился на Березанском лимане. Дело в том, что указанный перед Одессой островок Арриана и Анонимного автора должен лежать напротив Березанского лимана. Встает вопрос, куда следует отсчитывать указанные 80 стадиев до Одесса: далее на запад вдоль побережья моря или же к Березанскому лиману. В первом случае Одесс следует искать у левого берега устья Тилигульского лимана, а во втором — на побережье Березанского лимана.

Выяснить это можно следующими расчетами. По данным Анонимного автора, от Одесса до Никония 640 стадиев, т. е. чуть более 100 км. Отсчитав это расстояние от северной окраины села Роксоланы, где лежат развалины Никония, мы придем именно к левому берегу устья Тилигульского лимана. Следовательно, античный мореплаватель, пройдя мимо острова, направился далее на запад, к Тилигулу. Ясно, что искать Одесс на побережье Березанского лимана бессмысленно.

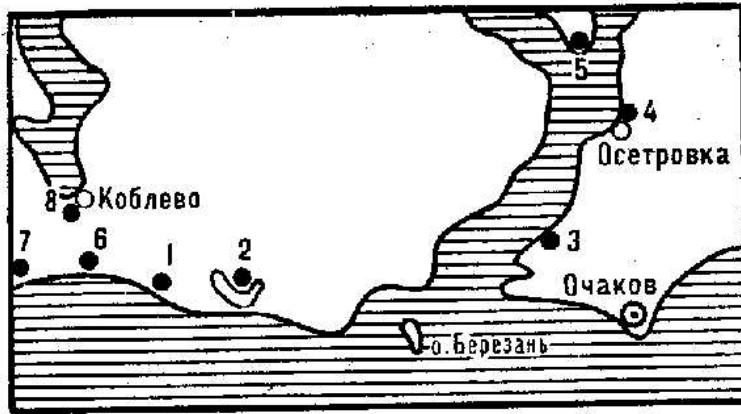

Рис. 13. Поиски города Одесс:

1) И. Стукий, И. М. Муравьев-Апостол, Г. Келер, И. А. Скальковский, Э. Г. Муральт, Г. Киперт, П. В. Беккер, З. А. Аркас, К. Нойман, А. С. Уваров, Г. Шоталь, К. Шпрунер и Т. Менке, Ф. К. Брун, Ф. А. Браун, В. В. Латышев, Э. Минз, М. Кислинг и др.;

2) Ж. Данвиль. Ж. Гэль, К. Мюллер, С. Д. Пападимитриу;

3) К. Маннерт, П. И. Кеппен, Ф. Кюльб, Ф. Линднер;

4) П. В. Беккер;

5) В. И. Гошкевич;

6) Э. Диль;

7) Э. А. Сымонович;

8) М. С. Синицын

В середине XIX в. довольно оригинальную точку зрения высказал П. В. Беккер. По его мнению, Одесс Арриана и Анонимного автора и Ордесс Плиния и Птолемея — два разных города (с. 200 сл.). Одесс он помещал вслед за другими учеными у левого берега устья Тилигульского лимана, а Ордесс отождествлял с городищем на берегу Березанского лимана, у села Осетровка. К такому выводу П. В. Беккер пришел, исходя из того, что, по его подсчетам, расстояние между Борисфеном и Тирой у Плиния на 20 миль больше, чем у Анонимного автора. Это дало ему основания считать, что Ордесс отличен от Одесса и расположен в стороне от курса на таком отдалении, чтобы при заходе судна в эту гавань общее расстояние увеличилось на указанные 20 миль. Соответствующие расчеты и привели его к городищу у села Осетровка. Рассматривая эту точку зрения, следует сказать, что при всей своей кажущейся стройности и логичности она бездоказательна и не выдерживает никакой критики. Если между данными Плиния и Анонимного автора и есть какая-то разница в расстоянии от Борисфена до Тире, то это еще не дает ни малейшего основания видеть здесь два разных города. Для такого большого отрезка пути из-за сильной изрезанности береговой линии неизбежны определенные расхождения в реально пройденном расстоянии двумя разными мореплавателями. При этом не следует забывать о том, что мореплаватели могли пользоваться разными стадиями и что пересчет одной из полученных цифр в мили также может привести к искажению результата. Кроме того, разница в написании (Одесс и Ордесс) настолько минимальна, что ее вполне можно объяснить опiskой одного из поздних переписчиков. Да и простая логика исключает мысль о том, что в непосредственной близости могли существовать два по сути дела одноименных города. Таким образом, остается признать, что догадка о раздельном существовании Одесса и Ордесса не имеет под собой никаких серьезных оснований.

Во второй половине XIX—начале XX в. исследователи, как и прежде, искали Одесс в устье левого берега Тилигульского лимана. Казалось бы, вопрос решен окончательно.

Но в 1909 г. В. И. Гошкевич возродил предположение о том, что Одесс находился на Березан-ском лимане (Записка..., с. 182). В связи с этим Одесское общество истории и древностей поручило С. Д. Пападимитриу специально заняться этим вопросом. В результате проведенных исследований он пришел к выводу, что «следует искать Одессу вокруг большой балки после Карабаша, т. е. не по берегам моря, а на самом материке, так что с течением столетий древняя Одесса отделилась от моря, а ее бухта представляет собой в настоящее время не более и не менее, как простую балку»². Но В. И. Гошкевич решительно отстаивал свою точку зрения. Три года спустя в «Записках» общества появилась его статья «Где был древний Одесс?». В ней он аргументировал отождествление этого города с городищем на мысу между Сасыцким и Березанским лиманами³. Как и П. В. Бек-кер, он считал, что указанные Аррианом и Анонимным автором 80 стадиев от безымянного островка до Одесса следует отсчитывать не вдоль морского побережья, а к акватории Березанского лимана. Такое измерение и привело исследователя к указанному мысу. Но в этом же томе «Записок» вслед за указанной работой была помещена новая статья С. Д. Пападимитриу, посвященная опровержению выводов В. И. Гошкевича⁴. С этой убедительной критикой нельзя не согласиться, особенно если учесть, что измерение расстояния от Никония до Одесса приводит, как мы видели, именно к левому берегу устья Тилигульского лимана. Традиционная локализация Одесса была восстановлена. И в энциклопедической статье Э. Диля город был помещен именно на левом берегу устья Тилигульского лимана. Казалось бы, все встало на свои места, и на этот раз окончательно.

Но в 50-е годы нашего столетия вопрос о местоположении Одесса вновь встал на повестку дня. Э. А. Сымонович отождествил с этим городом открытое им на правом берегу устья Тилигульского лимана Кошарское городище⁵. Но через десять лет он отказался от этого, ссылаясь на то, что «время существования Кошарского городища не совпадает со временем жизни авторов I—II веков нашей эры, которые упоминают наименование Одесс»⁶.

Еще одну точку зрения выдвинул М. С. Синицын. Он поместил Одесс на левом берегу Тилигульского лимана выше его устья, «на территории с. Коблево, где существовало неукрепленное поселение как в скифское, сарматское, так и в раннеславянское время» (с. 14).

На этом, собственно, и закончились споры о местоположении города Одесса. Как мы видим, этот вопрос долгое время был предметом оживленной дискуссии, но так и остался нерешенным, несмотря на довольно конкретные указания древних авторов. Указанные в источниках 80 стадиев (13 км) приводят не к Карабашскому заливу и не к Кошарскому городищу или Коблевскому поселению, а именно к левому берегу устья Тилигульского лимана. Здесь и помещали город многие исследователи. Но в этом районе не обнаружено никаких следов города и его гавани. Поэтому некоторые ученые искали его в других местах, уменьшая или увеличивая указанное расстояние. Но это не дало ощутимых результатов.

В последние годы вопрос о локализации Одесса вновь встал на повестку дня. Вернуться к нему стало возможным в связи с развернувшимися историко-географическими исследованиями в Северо-Западном Причерноморье.

Итак, по данным периплов, в 60 стадиях от устья Борисфена находился небольшой, необитаемый и безымянный остров, а в 80 стадиях от него — город Одесс. Начнем поиски с острова. Ранее ученые считали, что здесь указана Березань, ведь других островов тут нет. Однако выяснилось, что в античное время Березань была не островом, а полуостровом. Кроме того, Березань в античное время была заселена, а островок назван необитаемым. Острова же между рукавами Борисфена также не подходят ни по своему местоположению, ни по своим размерам. О каком же острове упоминают составители периплов⁹

«Найти» этот остров помогла опять-таки палеогеография. Оказывается, на первых подробных картах этого района, составленных в XVIII в., рядом с Березанью отмечены еще четыре, один возле другого, маленьких островка, так называемые кекуры. К концу 50-х годов нашего столетия сохранился лишь один из них, а в 60-е годы исчез и он. Скорее всего, кекуры — остатки когда то единого небольшого островка. По всей вероятности, именно он и упомянут в периплах. За прошедшие века море разрушило этот островок, а соседний полуостров превратило в остров

Уточнив местоположение упомянутого в периплах островка, можно начать поиски Одесса. Отсчитав от этого острова 80 стадиев (13 км), приходим точно к левому берегу устья Тилигульского лимана.

Тилигульский лиман, как и многие другие причерноморские лиманы, представляет собой затопленное устье реки. До недавнего времени он соединялся с морем, а теперь отгорожен пересыпью шириной в несколько километров. Море здесь интенсивно наступает на сушу. То здесь, то там прямо на глазах сползают в воду отделившиеся от степного плато широкие (до нескольких десятков метров) полосы берега. Особенно заметны обвалы на участке от левого берега устья Тилигульского лимана до Карабашского залива. Шаг за шагом со всей тщательностью мы обследовали этот район, но, кроме обломков современного кирпича и черепицы, ничего не нашли. Никаких следов античного города.

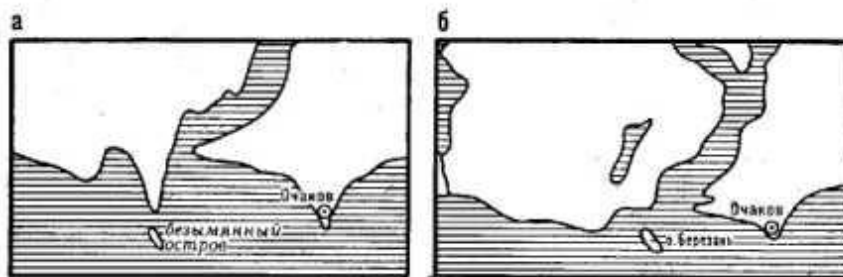

Рис. 14. Палеогеографическая реконструкция района острова Березань. Схема района: а) в античный период; б) в настоящее время

Еще в начале XIX в. И. А. Стемпковский уверенно помещал Одесс на левом берегу устья Тилигульского лимана и подчеркивал, что в древности эта местность выглядела иначе: пересыпи лимана и современных плавней тогда не было, а на их месте находилась гавань города (с. 48—50). Подобную же мысль через 30 лет высказал А. С. Уваров (с. 143 ел.). А еще через 80 лет Э. Диль предположил, что Одесс занесен песком. В те годы еще не было никаких данных о более низком уровне моря в античное время и о палеогеографических изменениях, и эти предположения были довольно смелыми. Но они остались, к сожалению, без внимания.

А между тем И. А. Стемпковский, А. С. Уваров и Э. Диль дали ключ к разгадке проблемы. Они помогли убедиться в том, что отыскать античный город без привлечения палеогеографических данных невозможно, и подсказали верное направление поисков.

Словом, появилась необходимость палеогеографической реконструкции района левого берега устья Тилигульского лимана для античного времени.

Геологами установлено, что пересыпь лимана в древности действительно не существовала. Лиман представлял собой открытую лагуну и был намного уже, чем сейчас. Берег моря проходил примерно в 500 м южнее, т. е. мористее. На левом берегу устья была удобная терраса и бухта. С повышением уровня моря терраса была затоплена, а степное плато стало интенсивно разрушаться. Постепенно эта местность приняла современные очертания. Затопленная древняя терраса представляет собой так называемую банку Трутаева.

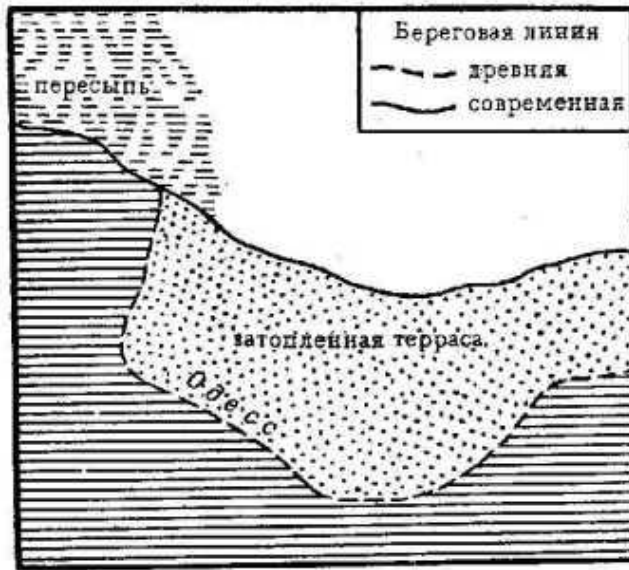

Рис. 15. Палеогеографическая реконструкция района левого берега устья Тилигульского лимана для античного времени

Палеогеографическая реконструкция позволила предположить, что Одесс находился на нынешней банке Трутаева⁷ Первое время это предположение не было обосновано археологически. Но затем были найдены и вещественные доказательства. При подводных геологических исследованиях здесь найдены обломки амфор, мелкие камни, а в сети местных рыбаков иногда попадаются и целые амфоры. В 1981 г. здесь были проведены целенаправленные подводные археологические исследования. И уже первые результаты оказались обнадеживающими. Аквалангисты обследовали участок морского дна у банки Трутаева. В 300—500 м от современного берега на глубине 3—4 м здесь были найдены обломки древнегреческих амфор, лепных сосудов, мелкие камни. Судя по условиям залегания, они попали сюда не случайно, а связаны с существовавшим здесь, на берегу, поселением, которое позже было затоплено морем. Можно предполагать, что они относятся к античному городу Одессу.

С вопросом о местоположении Одесса связана и локализация соседних с ним местечка Скопелы и гаваней истриан и исиаков. Ознакомимся вкратце и с этими пунктами.

По периплу Анонимного автора, «от Одесса до местечка Скопелы 160 стадиев». Локализация этого пункта, как мы видим, полностью зависит от того, где помещен город Одесс. Поэтому вопрос о его местоположении был таким же дискуссионным⁸. Если отсчитать эти 160 стадиев (25 км) от левого берега устья Тилигульского лимана, мы придем к району села Дофиновка, к левому берегу одноименного лимана. Именно здесь указывали Скопелы многие ученые. А. С. Уваров открыл тут довольно крупное древнегреческое поселение и отождествил его со Скопелами (с. 144 сл.). Сопоставление имеющихся данных не противоречит такому отождествлению. В настоящее время этот пункт частично занят современными постройками, частично разрушен морем. Археологические исследования здесь не проводились, и поэтому мы ничего не знаем о конкретной истории Скопел. Само слово «Скопелы» в переводе с древнегреческого означает «наблюдательная башня; место, с которого далеко видно; возвышенность; утес». Такое название могло получить местечко, жители которого в тревожные времена вели наблюдения за степью, откуда ожидалось нападение врага.

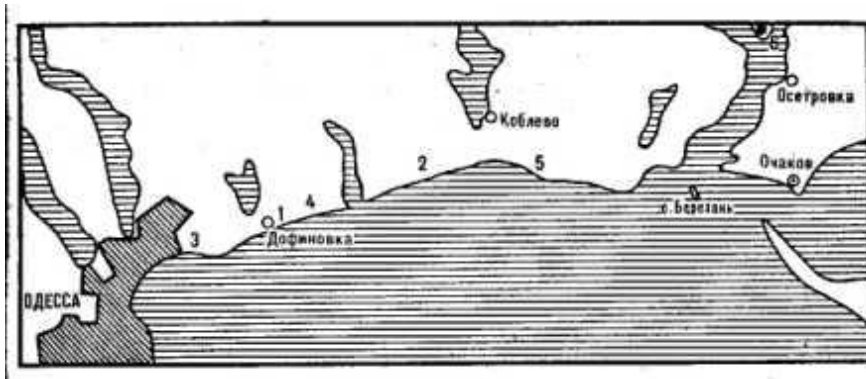

Рис. 16. Поиски местечка Скопелы:

- 1) И. М. Муравьев-Апостол, И. А. Стемповский, Н. Н. Мурзакевич, З. А. Аркас, Э. Г. Муральт, П. В. Беккер, К. Мюллер, А. С. Уваров;
- 2) Ж. Гэль;
- 3) К. Нойман;
- 4) С. Д. Пападимитриу;
- 5) В. И. Гошкевич;
- 6) М. С. Сеницын

В 90 стадиях от Скопел находилась гавань истриан. Исследователи искали ее в самых различных точках — от Тилигульского лимана до современной Одессы⁹. Точное измерение указанного расстояния приводит к левому берегу устья Куяльницкого лимана, где расположено Лузановское поселение IV—III вв. до н. э. Местность здесь вполне удобна для гавани. Это позволяет считать Лузановское поселение гаванью истриан.

После гавани истриан в периплах указана гавань иеиаков. По Арриану, расстояние между ними равняется 50 стадиям (8 км), а по Анонимному автору — 90 стадиям (14 км). В связи с этим возникает сразу несколько вопросов. Почему древние авторы указывают разное расстояние? Кто из них прав? Чьим сведениям отдавать предпочтение? Размышляя над этими вопросами, ученые обычно считали, что причина расхождений кроется в ошибке одного из авторов или позднейших переписчиков. Одни исследователи приписывали эту ошибку Арриану, другие — Анонимному автору. Соответственно такому разделению разошлись и мнения о местонахождении гавани иеиаков. Ее локализация зависела от того, где была помещена предыдущая гавань и чьим сведениям отдавалось предпочтение. Поэтому указанный пункт искали в самых различных местах на участке побережья моря длиной более 50 км¹⁰. Но вопрос так и остался нерешенным.

Рис. 17. Поиски гавани истриан:

- 1) И. М. Муравьев-Апостол, Г. Келер, И. А. Стемповский, Н. Н. Мурзакевич, Э. Г. Муральт, З. А. Аркас, К. Мюллер;
- 2) П. В. Беккер, К. Ноймая, А. С. Уваров, Ф. К. Брун;
- 3) Ж. Гэль, Г. Шоталь, В. В. Латышев, С. Д. Пападимитриу, М. С. Сеницын;
- 4) В. И. Гошкевич;

5) К. Маннерт

Для решения этого спорного вопроса необходимо прежде всего объяснить, почему древние авторы указывают разное расстояние между гаванями. Оказалось, что современные ученые напрасно обвиняли древних авторов. Никакой ошибки здесь нет, хотя в источниках и указано разное расстояние. Такое парадоксальное на первый взгляд утверждение объясняется довольно просто. Взглянем на карту Одесского залива. У его восточной оконечности, в Лузановке, находилась гавань истриан. От нее к гавани исиаков можно плыть двумя путями: напрямик через залив или вдоль берега. Второй маршрут, разумеется, длиннее первого. После их сопоставления с письменными источниками становится понятным, что в периплах отражены эти два маршрута. Один мореплаватель поплыл к гавани исиаков напрямик через залив и насчитал 50 стадиев, другой прошел вдоль берега 90 стадиев. Оба расстояния приводят от Лузановки к Приморскому бульвару современной Одессы. Здесь еще в начале прошлого века было открыто довольно крупное поселение V—III вв. до н. э. Гавань была расположена на том месте, где сейчас раскинулся Одесский порт. Более удобное место найти здесь трудно.

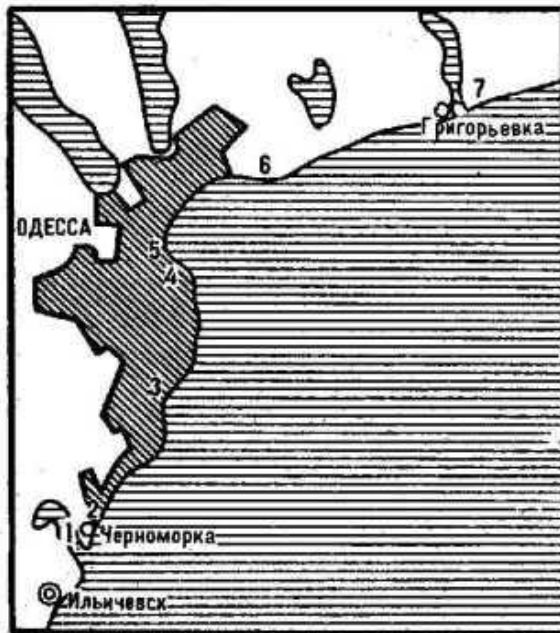

Рис. 18. Поиски гавани исиаков:

- 1) И. А. Слемпковский, Н. Н. Мурзакевич, Э. Г. Муральт, Г. Киперт, К. Шпрунер и Т. Менке;
- 2) З. А. Аркас, С. Д. Пападимитриу;
- 3) К. Мюллер;
- 4) Ж. Гэль, П. В. Беккер, К. Нойман, А. С. Уваров, Ф. К. Брун, В. В. Латышев, Э. Минз;
- 5) М. С. Сеницын;
- 6) В. И. Гошкевич;
- 7) К. Маннерт

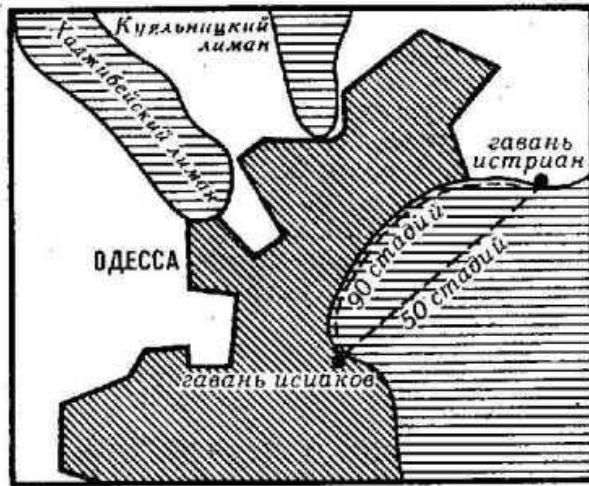

Рис. 19. Два маршрута от истриан к гавани исиаков

Локализация гаваней истриан. и исиаков дает возможность решить еще один важный источниковедческий вопрос. Дело в том, что датировка сведений периплов вызывает споры. Одни исследователи относят их к IV—III вв. до н. э.¹¹, другие — ко II в. н. э.¹² Как выяснилось здесь, гавани истриан и исиаков отождествляются с поселениями IV—III вв. до н. э. Следовательно, к этому времени относятся и сведения периплов.

¹ Подробно историографию см.: *Агбунов М. В.* Материалы по античной географии...— ВДИ, 1981, № 1, с. 130—133.

² *Пападимитриу С. Д.* Местоположение древней Одессы — ЗООИД, т. 30, 1912, с. 395.

³ *Гошкевич В. И.* Где был древний Одесс? — ЗООИД, т. 32, 1915, с. 447.

⁴ *Пападимитриу С. Д.* Еще о местоположении древней Одессы.— ЗООИД, т. 32, 1915, с. 451—456.

⁵ *Сымонович Э. А.* О древнем Одессе.— ВДИ, 1954, № 4, с. 146—150.

⁶ *Сымонович Э. А.* Античный памятник на Тилигульском лимане.— Краткие сообщения Одесского археологического музея 1962 года. Одесса, 1964, с. 153.

⁷ *Агбунов М. В.* Материалы по античной географии...— ВДИ 1981, № 1, с. 134—135.

⁸ Там же, с. 135—136.

⁹ Там же, с. 136—137.

¹⁰ Там же, с. 137—138.

¹¹ *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор, с. 73.

¹² *Скржинская М. В.* «Перипл Понта Эвксинского» Анонимного автора.— В кн.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980, с. 123.

ЭКСАМПЕЙ, ИЛИ СВЯЩЕННЫЕ ПУТИ

Геродот при описании Гипаниса сообщает о горьком источнике под названием Эксампей: «Третья же река — Гипанис — движется из [пределов] Скифии, вытекая из большого озера, вокруг которого пасутся дикие белые, лошади. Это озеро правильно называется матерью Гипаниса. Возникающая из него река Гипанис на расстоянии пяти дней плавания еще узкая и [вода в ней] пресная, а отсюда до моря на расстоянии четырех дней плавания вода чрезвычайно горькая. Ведь в нее впадает горький источник; настолько горький, что, хотя он и невелик по размерам, он придает свой вкус Гипанису, одной из немногих больших рек. Источник этот находится в пределах страны скифов-пахарей и ализонов. Название источника и той местности, откуда он вытекает,— по-скифски Эксампей, на языке же эллинов Священные пути. Вблизи земли ализонов Тирас и Гипанис

сближают свои излуины, но отсюда каждый из них поворачивает и течет так, что промежуток между ними расширяется» (IV, 52).

Затем в другом месте Геродот уточняет, что Эксампей—левый приток Гипаниса. Рассказывая о численности скифов, он сообщает следующее: «Численность скифов я не мог точно узнать, но слышал об их числе различные сообщения: что их и очень много и что скифов как таковых мало. Однако вот что мне наглядно показали. Есть между реками Борисфеном и Гипанисом местность» название которой Эксампей. [Об этой местности] я упоминал незадолго до того, сказав, что в ней есть источник горькой воды; вода, вытекающая из него, делает [воду] Гипаниса негодной для питья. В этой местности находится медный котел по величине в шесть раз больше кратера у устья Понта, который посвятил Павсаний, сын Клеомброта. А тому, кто его никогда не видел, я разъясню это следующим образом: медный котел в Скифии свободно вмещает шестьсот амфор; толщина этого скифского медного котла — шесть пальцев. Этот [котел], как говорили местные жители, сделан из наконечников [стрел]. Пожелав узнать численность скифов, их царь, имя которого было Ариант, приказал всем скифам, чтобы каждый принес один [наконечник стрелы], а тому, кто не принесет, он угрожал смертью. Так вот было доставлено множество наконечников, и он решил оставить памятник, сделав его из этих [наконечников]. Из них он сделал именно этот медный котел и посвятил его в этот Эксампей. Вот что я слышал о численности скифов» (IV, 81).

Как видно из сообщения Геродота, местность и приток Эксампей были у скифов торговым и религиозным центром. Где же именно находилось это место? Вопрос крайне важен и интересен для изучения античной истории и географии Причерноморья. Однако ответить на него не так просто. Из приведенных сведений ясно, что Эксампей — это левый приток Южного Буга, впадающий в него за четыре дня плавания до моря. Указание, казалось бы, довольно конкретное, но, несмотря на это, вопрос о локализации Эксампея вызывает бурные споры уже более 250 лет и до сих пор остается дискуссионным. Его поиски привлекают к себе пристальное внимание исследователей, и в первую очередь скифологов, так как с ним тесно связаны важные вопросы этнографии Скифии, в частности проблема размещения скифов-пахарей и ализонов.

Локализация Эксампея сложна в первую очередь потому, что среди левых притоков Южного Буга нет такого, который особо выделялся бы своей соленостью. И поэтому часть исследователей считает, что вкус воды в Гипанисе изменялся в связи с нагоном в лиман морской воды. А некоторые из ученых, основываясь на этом выводе, вообще отрицают существование Эксампея как конкретного притока реки. Л. А. Ельницкий развил эту мысль еще дальше и пришел к заключению, что рассказ Геродота об Эксампее «относился первоначально к Гипанису-Кубани»¹. Но этот столь категоричный вывод ничем не обоснован и полностью противоречит сведениям Геродота. Древние греки действительно называли Гипанисом одновременно и Южный Буг, и Кубань. Но в данном случае речь идет, бесспорно, о Южном Буге. А не доверять Геродоту у нас нет никаких оснований. Поэтому мнение Л. А. Ельницкого не было принято. Неправоммерно также отрицать реальность существования Эксампея: ведь Геродот приводит не общие рассуждения, а вполне конкретные сведения о конкретном притоке Южного Буга. Необходимо только выяснить, о каком именно притоке идет речь.

Этот вопрос долгое время вызывал оживленные споры². Одни исследователи отождествляли Эксампей с Синюхой, небольшой речкой, впадающей в Южный Буг в районе города Первомайска. По мнению других ученых, речь идет о небольшом притоке Мертвовод, расположенном ниже Синюхи. Эти две точки зрения более полутора столетий соперничали между собой, приобретая новых сторонников и противников. Постепенно устоялось отождествление Эксампея с Синюхой.

Но вот совсем недавно почти одновременно появились две новые точки зрения. К. К. Шилик отождествил этот приток с речкой Гнилой Еланец, впадающей в Южный Буг ниже Мертвовода³. Другую точку зрения высказал Б. А. Рыбаков. По его мнению,

Эксампеем называлась речка Черный Ташлык⁴. Оба исследователя детально анализируют текст Геродота, обстоятельно аргументируют свои выводы, и высказанные ими соображения выглядят весьма убедительно.

Приступая к поискам источника, К. К. Шилик вслед за большинством исследователей заключил, что вода Гипаниса осолонялась морем. Развивая эту мысль, он пришел к выводу, что источник, которому приписывается осолонение, «должен был впадать в реку где-то в непосредственной близости от вершины лимана—там, где кончается постоянное течение реки и пресные воды ее вливались в солоноватый лиман» (с. 452). Таким образом, приблизительное местоположение Эксампея определено заранее—близ вершины лимана. Затем исследователь приводит следующие расчеты. По его вычислениям, один день плавания по реке у Геродота равен 52—57 км, а четыре дня — соответственно 208—228 км. Из этого расстояния он вычитает 80 км, так как полагает, что в древности лиман был длиннее на 45 км за счет якобы надводного положения Одесской банки и еще на 35 км из-за его большей извилистости. В результате получается, что «конец четырехдневного пути попадает на участок, находившийся в 128—148 км от Очакова, а следовательно, на тот же участок долины Южного Буга ниже порогов, где находилась в античное время вершина лимана» (с. 453). Здесь в Южный Буг впадает небольшой приток Гнилой Еланец. Следовательно, заключил К. К. Шилик, он и является Эксампеем.

Далее исследователь пришел к выводу, что длина Гипаниса, по Геродоту, не совпадает с длиной Южного Буга, и, основываясь на этом, отверг общепринятое отождествление этих рек: «Дело в том, что расстояние от истоков Южного Буга до начала лимана [то есть до Эксампея, локализованного выше] равно примерно 750 км. При дневном переходе на веслах вниз по реке, равном примерно 80 км [по литературным и другим данным], прохождение такого участка по спокойной реке займет 9,5, а не 5 дней. Но Южный Буг — река очень порожистая, а это значительно увеличивает время прохождения [дней до 12—13, а может быть, и более]. Устранить такое противоречие можно с помощью второй, отличной от общепринятой идентификации Гипаниса: Южный Буг — Синюха — Гнилой Тикич» (с. 453—454). Таковы вкратце основные положения точки зрения К. К. Шилика.

Ознакомимся теперь с выводами Б. А. Рыбакова. При рассмотрении сведений Геродота о реках Скифии он вычислил, что день плавания по реке равен 36 км. Основываясь на этой цифре, ученый пришел к выводу, что длина Южного Буга не соответствует указанной Геродотом длине Гипаниса: «Геродот измерил все течение Гипаниса от самого истока его из озера до лимана. Оно оказалось равным всего-навсего девяти дням плавания, т. е., по нашим расчетам, около 324 км. Течение же Южного Буга от истоков [где нет озера] до Николаева, где уже начинается соленый лиман, равно почти 600 км» (с. 31). Такое несоответствие вызывает у Б. А. Рыбакова «недоумение по поводу того, что исследователи без всяких оговорок отождествляли Гипанис с современным нам Южным Бугом» (там же).

Для того чтобы разрешить указанное противоречие, ученый решил проверить расстояния отдельно по верхней и нижней части реки. Он разделил ее течение на две части, исходя из общепринятого отождествления Эксампея с Синюхой: «Переломный пункт р. Гипаниса, делящий ее течение на пресное и горькое, обычно указывают у устья р. Синюхи, впадающей в Южный Буг слева, со стороны Борисфена. И действительно, если мы измерим отрезок Южного Буга от Николаева до Первомайска, то получим 150 км для четырех дней плавания. Один день будет равняться 37 км, что очень близко к нашим дунайским расчетам. Но тогда верхнее «сладкое» течение Гипаниса — 450 км должно определяться не пятью днями плавания, а 12 днями по 36 км каждый день» (с. 33—34). Так Б. А. Рыбаков оказался перед резким противоречием между сведениями Геродота и собственными расчетами. Пытаясь разрешить это противоречие, он пришел к мысли, что Гипанисом в древности называли не весь Южный Буг, а его сочетание с другой рекой.

«Истинный Гипанис» должен вытекать из озера и иметь в своем верхнем течении 180 км. Такой рекой, по его мнению, является «сама Синюха и один из ее притоков, горный Тикич, вытекающий из нескольких озер» (с. 34). Так Синюха, в которой обычно видят Эксампей, стала у Б. А. Рыбакова верхним течением Гипаниса. Такая идентификация потребовала иного отождествления Эксампея, который лишился своей обычной локализации в пользу Гипаниса. Но этот приток, по мнению ученого, следует искать все же «близ устья Синюхи». А ближайшей речкой является Черный Ташлык, впадающий в Синюху в 10—12 км от Первомайска. Именно он и был признан Эксампеем (с. 36—37).

Итак, мы познакомились с двумя новыми точками зрения. Теперь на отождествление с Эксампеем выдвинуты четыре кандидатуры: Гнилой Еланец, Мертвовод, Синюха и Черный Ташлык. Одну из этих речек Геродот назвал Эксампеем. Какую же именно?

Ответить на этот вопрос нелегко. Об этом свидетельствует и разногласие исследователей, особенно обострившееся с появлением двух последних точек зрения. Если раньше мнения ученых колебались между расположенными вблизи друг друга Синюхой и Мертво-водом, то теперь претендентами стали и Гнилой Еланец, который находится примерно в 100 км ниже Синюхи, и Черный Ташлык, являющийся притоком не Южного Буга, а Синюхи, отождествляемой с верхним течением Гипаниса. В чем же причина столь существенных расхождений и как найти пути для их устранения? Выяснение причин не требует долгих размышлений. Камень преткновения в том, что исследователи по-разному определяют устье Гипаниса и расстояние, равное дню плавания по реке. Гораздо сложнее устранить эти причины — найти правильную точку отсчета и выяснить, чему равен день плавания.

Начнем с поисков устья Гипаниса. Большинство ученых считают, что здесь следует иметь в виду район Очакова, т. е. устье Днепро-Бугского лимана. Но некоторые исследователи измеряют расстояние от устья Южного Буга, которое указывают у Николаева, т. е. в 75 км выше общепринятой точки. При таком подходе, разумеется, не может быть и речи об единстве мнений. Поэтому необходимо в первую очередь решить, что же считать устьем Гипаниса — устье реки или устье лимана. Обратимся к Геродоту. В указанном отрывке говорится, что вода в Гипанисе горька на четыре дня плавания до моря [φαλασσης]. Но тут могут возразить, что античные мореплаватели, мол, считали морем и сам лиман. Но такому возражению противоречит другое сообщение Геродота: «Там, где Борисфен течет недалеко от моря, с ним сливается Гипанис, впадая в одну и ту же заводь» (IV, 53). Эта фраза не оставляет сомнений в том, что «отец истории» отличает лиман, т. е. заводь [ελος], от моря. Следовательно, он измерил горькое течение Гипаниса вплоть до моря, включая сюда и длину лимана. Поэтому устьем Гипаниса, бесспорно, следует считать устье Днепро-Бугского лимана.

Днепро-Бугский лиман впадает в море, как известно, в районе Очакова. Большинство исследователей полагают, что устье находилось здесь же и в античное время. Но К. К. Шилик пришел к иному заключению. По его мнению, во второй половине 1-го тысячелетия до н. э. уровень Черного моря был ниже современного на 10 м и Одесская банка была тогда надводным продолжением Кинбурнского полуострова и удлиняла лиман на 45 км⁵. Его устье показано несколько восточнее современной Одессы, в районе села Дофиновка. Посмотрим, как согласуются эти выводы со сведениями древних авторов.

Итак, согласно предложенной К. К. Шиликом реконструкции, в древнегреческий период расстояние от устья лимана до Ольвии превышало 80 км. Однако античные писатели указывают другие цифры. Так, например, Псевдо-Скимн (§ 804) сообщает, что расстояние от моря до Ольвии равно 240 стадиям (37 км). Такое же расстояние, как уже отмечалось, приводит и Страбон (VII, 3, 17). Оно соответствует отрезку пути от Ольвии до Очакова. Следовательно, устье лимана в античное время находилось там же, где и сейчас, — в районе Очаковского мыса.

Можно было бы возразить, что, хотя древнегреческие мореплаватели указывали устье лимана у Очакова, Одесская банка все же была в надводном положении, но ограниченное ею водное пространство, являвшееся фактическим лиманом, считалось еще морем. Проверим и это предположение. В таком случае древнегреческие корабли входили в лиман фактически уже в районе Дофиновки. Затем для того, чтобы после Ольвии направиться к Крыму, они должны были вновь вернуться к Дофиновке и оттуда взять курс на восток. Иными словами, необходимо было обогнуть Одесскую банку. А для этого потребовалось бы пройти от Очаковского мыса на запад 45 км (почти 300 стадиев) и еще столько же для того, чтобы вернуться к долготе Очаковского мыса. Но древние авторы свидетельствуют о том, что от Очакова суда направлялись прямо на восток, к крымским берегам. Так, например, в перипле Анонимного автора, отражающем эллинистическое время, отмечено, что расстояние от района Ахиллова Бега до устья Борисфена равно 200 стадиям, т. е. 32 км (§84). А Арриан приводит еще меньшую цифру—150 стадиев, т. е. 24 км (§ 31).

Итак, по данным периплов, морской путь от Очаковского мыса до района Тендровской косы равен 24—32 км. Эти цифры соответствуют современным измерениям. А по реконструкции К. К. Шилика судно должно было преодолеть 120—128 км (750—800 стадиев). Но такое расстояние противоречит письменным источникам, достоверность которых не вызывает сомнений. Поэтому приходится признать, что предложенная исследователем реконструкция не подтверждается. Оконечность Кинбурнского полуострова в древнегреческий период находилась примерно там же, где и сейчас. А в районе Одесской банки над водой могли выступать лишь небольшие островки. Таким образом, во второй половине 1-го тысячелетия до н. э. устье Днепро-Бугского лимана, т. е. устья Борисфена, находилось, как и теперь, в районе Очакова. Следовательно, именно отсюда мы и должны измерять длину Гипаниса.

Теперь необходимо выяснить, чему равен день плавания. Геродот, к сожалению, ничего не говорит об этом. Большинство исследователей также обходят стороной этот вопрос. Конкретные цифры приводят лишь некоторые ученые⁶. Ознакомимся с несколькими расчетами Б. А. Рыбакова (с. 29, 31 — 34).

В одном из случаев использовано указание Геродота (§ 89) о постройке Дарием моста через Дунай: «И вот морской флот, пройдя мимо Кианей, поплыл прямо к Истру. Поднявшись вверх по реке на расстояние двух дней плавания от моря, они начали строить мост у гирла реки, с которого начинается разветвление устья Истра». Здесь расчеты основаны на предположении, что ионийский флот поднялся по Сулинскому гирлу Дуная, по которому сегодня от моря до «шеи Истра» 70—75 км. Отсюда получен вывод, что один день плавания равен 36 км. Такой подход к указанию источника, несомненно, правильный. Расчеты выглядят вполне убедительно и, казалось бы, заслуживают полного доверия. Но они оказываются неверными, так как в их основе лежат, как выясняется, ошибочные посылки. Дело в том, что дельта Дуная находится, как уже говорилось, в постоянной эволюции и за прошедшие 2,5 тыс. лет значительно изменилась. Не считаться с этими изменениями нельзя. Сулинское гирло действительно являлось «главным, судоходным рукавом» Дуная. Но это было в XVIII—XIX вв. А в нашем столетии главным руслом реки стал Килийский рукав. В древности же оба этих рукава были совсем незначительными, если вообще существовали в современной конфигурации. Главным рукавом Истра в античное время был, как указывает, например, Страбон (VII, 3, 15), Священный — крайний южный рукав дельты. Именно по нему, сообщает географ, флот Дария поднялся к вершине дельты. В настоящее время этому рукаву примерно соответствует Георгиевское гирло, по которому от моря до «шеи» дельты 128 км.

Но дельта непрерывно выдвигается в море за счет наносов. С другой стороны, ее прибрежная часть подтоплена в результате повышения уровня моря. Оба этих фактора необходимо строго учитывать. В этих расчетах нам может помочь Птолемей (III, 10, 2). По его данным, длина Священного рукава по прямой равна примерно 77 км. А

современный извилистый отрезок Георгиевского рукава в 128 км составляет по прямой 78 км. Следовательно, Птолемеев Священный рукав по фарватеру насчитывал примерно 127 км. Эта цифра не означает, однако, что за прошедшее время дельта здесь почти не увеличилась. Она значительно выдвинулась в море, но затем была подтоплена, в результате чего ее длина существенно уменьшилась.

Однако данные Птолемея относятся, как показывает их сравнение с другими описаниями дельты, к эллинистическому времени. От похода Дария их отделяют примерно два столетия. За это время дельта в районе Священного устья, главного устья реки, безусловно, увеличилась. Она нарастала, надо полагать, примерно с такой же скоростью, какая наблюдается сегодня в районе Килийского гирла, главного гирла современной дельты,—75—80 м/год⁷. За два столетия продвижение составило примерно 15—16 км. Следовательно, длина Священного рукава Истра во времена похода Дария равнялась примерно 111-112 км. Это расстояние ионийский флот покрыл за два дня. Отсюда следует, что день плавания по реке у Геродота равен около 56 км.

Другая попытка вычислить день плавания основана на сообщении Геродота о том, что Борисфен течет с севера на 40 дней пути (§ 53). Здесь верхнее течение Днепра было поделено на 40 частей, откуда получилось, что день плавания равен 32,5 км. Расчеты, как мы видим, просты и, казалось бы, надежны и не подлежат сомнению. Однако все обстоит гораздо сложнее. Дело в том, что здесь использован неправильный перевод текста, сделанный в конце прошлого века Ф. А. Брауном (с. 231). В действительности 40 дней плавания определяют не верхнюю, а нижнюю часть Днепра, от моря до Герр. Именно так и понимают это место практически все переводчики. Вот, к примеру, новейший перевод: «Протекая с севера, он известен до местности Герр, до которой 40 дней плавания, но никто не может сказать, по землям каких людей он течет выше» (VI, 53). Несомненно, речь идет о нижнем течении Борисфена. Поэтому вышеизложенные расчеты следует признать ошибочными.

А между тем Геродот дает возможность вычислить день плавания и на примере Днепра. Он сообщает, что скифы-земледельцы занимают пространство на 11 дней плавания от моря вверх по Борисфену, а далее — пустыня, за которой живет другое, не скифское племя — андрофаги (§ 18). Правда, далее Геродот указывает другое расстояние—10 дней плавания (§ 53). Но это противоречие, как уже отметил Ю. Г. Виноградов⁸, кажущееся. Просто в первом случае Геродот после моря упомянул Гилею, а потом уже скифов-земледельцев, а во втором случае отсчитывал расстояние с севера и измерил только занимаемую ими территорию. Отсюда становится понятным, что, один день плавания приходится на Гилею. Итак, верхняя граница скифской территории находилась в 11 днях плавания вверх по Борисфену. Иными словами, эти 11 дней плавания и измеряют скифскую территорию. А в другом месте Геродот указывает протяженность Скифии от моря на север в днях пути (§ 101). Она равна 20 дням пути, или 4000 стадиям (день пути у Геродота равен 200 стадиям), т. е. 600—640 км. Следовательно, это расстояние соответствует 11 дням плавания. Отсюда нетрудно подсчитать, что день плавания по реке равен примерно 55—58 км.

Езде одна попытка вычислить день плавания предпринята на основе данных Геродота о том, что Эксампей находится в четырех днях плавания от моря. Предпринятые здесь расчеты также просты. Отрезок Южного Буга от Николаева, где помещено устье, до Первомайска, где течение Гипаниса разделено на пресное и горькое, измерен в 150 км, откуда получен день плавания в 37 км. Но здесь допущена ошибка в выборе точки отсчета. Отсчитывать расстояние следует не от Николаева, а от Очаковского мыса, который античные мореплаватели, как уже говорилось, считали устьем Борисфена. Но мы не будем занимать этими расчетами, чтобы не замкнуться в порочном круге — искать Эксампей с помощью измерений, основанных на отождествлении Синюхи с... Эксампеем.

Таким образом, можно считать, что основные трудности, препятствовавшие точной локализации Эксампея, преодолены. Устье Борисфена уточнено. Это район Очаковского

мыса. Удалось вычислить и день плавания. Он равен примерно 55—58 км. Теперь можно приступить к анализу существующих точек зрения о местоположении Эксампея.

К. К. Шилик правильно определил день плавания в 52—57 км и выяснил, что Эксампей находился в 208—228 км от моря. Но устье Гипаниса он указал не у Очакова, а в 80 км западнее. Оттуда и отсчитал указанное расстояние. Следствием такой ошибки стало «смещение» Эксампея вниз по реке и отождествление его с Гнилым Еланцом. А это в свою очередь «удлинило» верхнюю часть Гипаниса. Длина Южного Буга до этого места равна 750 км. Такое расстояние составляет 12 дней плавания, а не 5. Так неправильная локализация привела К. К. Шилика к противоречию с данными Геродота. Пытаясь найти выход из создавшегося положения, он прибегает к методологически недопустимому приему: вводит для верхней части реки другое значение дня плавания—80 км. Ведь день плавания, как и день пути, является усредненной постоянной величиной, общеизвестным эталоном, с помощью которого измеряют необходимые расстояния. Как же можно увеличивать или уменьшать эту цифру и тем более комбинировать разными величинами, да еще на одной и той же реке?! Но и эта непоследовательность не спасает положения: она сокращает время плавания лишь до 9,5 дня. Тогда исследователь пытается найти другой выход. Он считает, что Гипанисом в верхней части называли не весь Южный Буг, а следующее его сочетание: Гнилой Тикич—Синюха—Южный Буг. Для такой идентификации, по его мнению, имеются «достаточно серьезные основания» (с. 454). Они сводятся к следующим пунктам:

1. Трасса эта имеет длину около 380 км, что составляет при той скорости плавания 4,75 дня. Это очень близко к пяти дням Геродота.

2. Случаи несовпадения современных названий по всей длине реки со старыми названиями известны.

3. Синюха не слишком глубока, а это соответствует указанию Геродота о том, что в верховьях река Гипанис еще мелка.

4. Верховья Гнилого Тикича могли быть озером, из которого вытекал Гипанис. Речка там широко разливается, течение почти незаметно.

Таким образом, К. К. Шилик разрешил возникшее противоречие тем, что увеличил день плавания до 80 км для верхней части реки и отождествил верховья Гипаниса с Синюхой.

Теперь о точке зрения Б. А. Рыбакова. Вначале исследователь в принципе, можно сказать, присоединился к отождествлению Эксампея с Синюхой и, основываясь на этом, пытался вычислить день плавания. Но он определил устье Гипаниса у Николаева и этим значительно «сократил» нижнее течение реки, а в конечном счете и день плавания. Это привело к противоречию с данными Геродота. При столь уменьшенном дне плавания (37 км) верхняя часть Гипаниса, равная пяти дням плавания, должна иметь не 450 км, как Южный Буг, а всего лишь 180 км. Возникшее противоречие Б. А. Рыбаков разрешил так же, как и К. К. Шилик,— отождествил Гипанис с Синюхой и одним из ее притоков — Горным Тикичем (с. 34). Свои выводы он подкрепляет следующими аргументами:

1. Длина Горного Тикича и Синюхи около 170 км, а это почти соответствует пяти дням плавания.

2. «На карте Синюха [Синица] показана рекой, значительно более мощной, чем Южный Буг выше ее устья. Судя по картографическим данным, отражающим действительную ширину и полноводность рек, не Синюха является притоком Буга, а Южный Буг, несмотря на свою большую протяженность, впадает в более полноводную Синюху-Тикич».

3. Горный Тикич вытекает из озера, что соответствует указанию Геродота.

Итак, неправильное определение устья Гипаниса и дня плавания привели исследователей к противоречию с данными Геродота относительно длины верхней части реки. Пытаясь найти выход из этого положения, они называют Гипанисом не Южный Буг, а Синюху. Главным аргументом при этом выдвигают совпадение расстояний с данными

Геродота. Но приводимые расстояния слишком расходятся между собой. Пять дней плавания у К. К. Шилика равны 400 км, а у Б. А. Рыбакова—180км, а общая длина Гипаниса — соответственно 608—628 и 330 км. Такие значительные расхождения заставляют осторожнее относиться к утверждению о «совпадении расстояний». Ведь *несовпадения* с длиной Южного Буга являются следствием неправильного определения устья Гипаниса и дня плавания. Вот там-то и следует устранять возникшие противоречия.

Рассмотрим утверждение Б. А. Рыбакова о том, что Южный Буг вопреки общепринятому мнению является не главной рекой, а притоком Синюхи. Обосновывая этот столь категоричный вывод, ученый пишет: «На карте Синюха [Синица] показана рекой, значительно более мощной, чем Южный Буг выше ее устья», — и ссылается на известный атлас А. Ф. Маркса⁹. Раскрываем указанное издание. Необходимая нам карта № 24 представляет собой лист 10-й карты «Европейская Россия» в масштабе 1:2000000 (в верстах). Здесь действительно Синюха показана более мощной рекой. Южный Буг выше ее устья обозначен более тонкой линией, чем сама Синюха. Все это так. Но не будем спешить с выводом, что Южный Буг является ее притоком. Лучше ознакомимся с картой более внимательно. Вот место слияния этих рек. Течение Синюхи можно проследить до самых истоков. Обратимся теперь к Южному Бугу. Его изображение выше устья Синюхи уходит на запад и... тут карта обрывается. Линия реки тянется здесь около 2 см. Вот этот отрезок и показан менее значительным, чем Синюха. Но на смежном листе 9-м (карта № 23) все остальное верхнее течение Южного Буга изображено, как и следовало ожидать, гораздо мощнее Синюхи. Почему же на листе 10-м допущено такое искажение? Думаю, это можно объяснить ошибкой чертежника, причем вполне понятной. Дело в том, что при изучении рассматриваемой карты, а тем более при ее вычерчивании создается впечатление, что Синюха, полностью уместяющаяся на этом листе, является главной рекой, а Южный Буг, представленный выше ее устья лишь двумя сантиметрами, кажется одним из небольших ее притоков. Поэтому чертежник изобразил этот отросточек более тонкой линией. Это ошибка, так сказать, технического характера.

В этом же атласе на других картах (11, 12), где обе реки полностью уместяются на одном листе, Южный Буг показан куда мощнее Синюхи. Да иначе и быть не может. Ведь Южный Буг и по полноводности, и по протяженности значительно превосходит свой приток Синюху. Такими и показывают их абсолютно все карты. В связи с этим хочется привести слова одного из первых исследователей географии Геродотовой Скифии Н. И. Надеждина: «Тут, где дело идет о местностях, можно ли ступить хоть шаг без живого совещания с местностями»¹⁰. А тот, кто бывал в месте слияния этих рек и хорошо видел гораздо более мощную древнюю долину Южного Буга, никогда не станет утверждать, что эта река является притоком Синюхи.

Таким образом, следует признать, что отождествление Гипаниса с Синюхой сделано без всякой объективной необходимости и ничем не обосновано. Мало того, оно по всем своим пунктам вступает в резкое противоречие с данными Геродота как о самом Гипанисе, так и о его местоположении относительно других рек, в частности Тираса. Напомню, что Геродот пишет об этом следующее: «Вблизи земли ализонов Тирас и Гипанис сближают свои излучины, но отсюда каждый из них поворачивает и течет так, что промежуток между ними расширяется» (IV, 52). Здесь речь идет, бесспорно, о Днестре и Южном Буге. Их сближение видно на любой карте. Почти 200 км обе долины тянутся практически параллельно. Расстояние между их осями равно примерно 80 км, и с водораздела хорошо видны обе долины. Это и позволяет проследить их конфигурацию. Далее реки расходятся до 160 км.

С Синюхой же Днестр почти не сближается. Расстояние между ними несколько уменьшается у ее устья. Но выяснить это можно, лишь имея точную карту или геодезические приборы, так как наименьшее расстояние между ними равно 135 км, и визуальное наблюдение здесь исключено.

Как мы видим, данные Геродота противоречат отождествлению Гипаниса с Синюхой. К. К. Шилик признает это противоречие, но пытается объяснить его тем, что «могло произойти наложение сведений о верховьях Гипаниса из двух источников: от жителей верховьев Синюхи [журавская и тясминская группа памятников] и жителей верховьев Южного Буга [немировская группа памятников]» (с. 455). Но такое объяснение нельзя признать убедительным. Зачем, спрашивается, обвинять Геродота, а вернее, его информаторов в такой путанице? Не лучше ли отказаться от отождествления Гипаниса с Синюхой, ничем не обоснованного и абсолютно не оправданного?! Ведь отвергать Южный Буг нет никаких объективных причин. Эта река полностью соответствует Гипанису Геродота.

Длина Южного Буга от истоков до моря превышает 800 км. Это больше, чем девять дней плавания. Но здесь следует иметь в виду упоминание Геродота о том, что Гипанис «вытекает из большого озера». Встает вопрос, как относиться к этим словам. Аналогичное сообщение о Тире Б. А. Рыбаков объясняет таким образом: «В верховьях Днестра между Самбором и устьем притока Быстрица на пространстве около 50 км существуют обширные болота, которые могли быть сочтены за озеро» (с. 31). Таким же он представляет себе и озеро, из которого вытекал Гипанис. Аналогичное мнение высказывает и К. К. Шилик. Но, отождествляя Гипанис с Синюхой, они ищут такое озеро в верховьях Горного Тикича и Гнилого Тикича. В действительности же это озеро следует искать в верхнем течении Южного Буга. И оно там есть.

Вблизи Винницы Южный Буг течет по широкой заболоченной долине. Падение здесь совсем незначительно. В долине много озер, прудов. В половодье он превращается в одно большое озеро, о котором и пишет Геродот. Отсюда до моря около 550 км. Это расстояние вполне укладывается в 9 дней плавания (495—522 км). Как мы видим, длина Южного Буга вполне соответствует длине Гипаниса. Следовательно, нет и причин сомневаться в их идентичности, как уже указывал В. П. Яйленко¹¹. Также нет никаких оснований считать, что «Геродот имел в виду только верхнюю и нижнюю судоходные части Гипаниса, не упоминая о его порожистом среднем течении», и что поэтому, мол, указанные им девять дней плавания меньше длины Южного Буга¹². Прибегать к такому допущению нет никакой необходимости. Данные Геродота полностью согласуются с действительностью.

Теперь наконец можно приступить к поискам Эксампея. По Геродоту, он находился в четырех днях плавания от моря. Зная, что один день плавания равен 55—58 км, получим расстояние в 220—232 км. Тут настало время сказать, что сведения Геродота дополняет еще один источник, который исследователи почему-то почти не привлекают. Римский писатель Витрувий Поллион сообщает следующее: «Есть источники, берущие свое начало из горького земного сока, с чрезвычайно горькой водой; такова река Гипанис в Понте. Река эта течет от истоков приблизительно 40 миль, имея воду очень сладкую на вкус, затем достигает места, отстоящего от устья на 160 миль; там она принимает очень небольшой источник. Он, впадая в реку, делает всю огромную массу воды в ней горькой, так как течет по такой земле и жилам, откуда добывают сандарак, и вода в ней делается горькой» (VIII, 3, 11; ВДИ, 1949, № 1, с. 213—214). Хотя автор и не называет источник по имени, все же, бесспорно, ясно, что речь идет об Эксампее. Сравнение двух отрывков показывает, что данные Витрувия независимы от Геродота. В нашем случае это очень важно. Ведь мы имеем еще один источник, который дает более точные измерения — в милях. Итак, Витрувий помещает Эксампей в 160 милях (237 км) от устья Гипаниса. Правда, он уменьшил верхнюю часть реки до 40 миль (59 км). Это объясняется, видимо, слабым знанием верховьев. Но автор и не претендует на описание Гипаниса, ведь в центре его внимания — горький источник.

Таким образом, Эксампей необходимо искать в 220—237 км от устья Гипаниса, т. е. от Очаковского мыса. Это расстояние приводит нас к устью Синюхи. Тут уместно рассмотреть мнение К. К. Шилика о том, что поскольку эта местность расположена выше

порогов и недоступна для судов со стороны лимана, то локализация здесь устья Эксампея с точки зрения гидрологии просто невозможна (с. 455). Возражение довольно категоричное. Но при этом все же остается непонятным, почему к Эксампею обязательно должны были подходить суда. Ведь ни Геродот, ни Поллион не говорят об этом ни слова. Предположение о том, что в том месте хлеб перегружали со скифских повозок на ольвийские суда, еще ничего не доказывает. Почему, скажем, ольвийские купцы должны были посылать за хлебом обязательно суда, а не лодки, которые могли подняться и через пороги? Или почему скифы не могли сами доставлять хлеб в Ольвию на своих челноках? Данные Геродота и Витрувия полностью снимают это возражение. Указанное ими расстояние приводит именно к устью Синюхи. Теперь о солености Эксампея. Большинство исследователей объясняют это сообщение, как уже говорилось, проникновением в лиман морской воды. Но Витрувий совершенно определенно связывает причину солености с землей, по которой протекает река. Здесь Б. А. Рыбаков совершенно правильно отмечает, что все «левые притоки Синюхи и Южного Буга действительно содержат то фосфатные, то медистые примеси, ухудшающие питьевое качество воды» (с. 36). Но эти данные не объясняют, почему именно Эксампей выделяется своей соленостью среди соседних притоков. Надо полагать, здесь у него был свой, особый осолонитель. Попытаемся найти его.

В этой местности, издавна известной своими солончаками, до сих пор много соленых грунтовых вод и небольших озер, так называемых солонцов. Ценные сведения о них собраны в середине прошлого века А. Шмидтом. Он указывает несколько таких озер в верховьях Синюхи¹³. Вода в них по солености не отличалась от морской. Здесь вплоть до начала XIX в. довольно интенсивно добывали соль. А в древности ее было, разумеется, гораздо больше. Она-то и осолоняла реку и в свою очередь изменяла вкус воды в Гипанисе, чем обратила на себя внимание античных авторов. Со временем запасы соли исчерпались (в последние столетия этому основательно помог человек), и вода в Синюхе перестала быть такой исключительно соленой. Итак, Синюха по всем признакам соответствует описанию Геродота и Витрувия. Именно эту реку большинство исследователей отождествляют с Эксампеем. Мне остается только присоединиться к мнению предшественников и подчеркнуть, что сомневаться в правильности этого отождествления нет никаких объективных оснований.

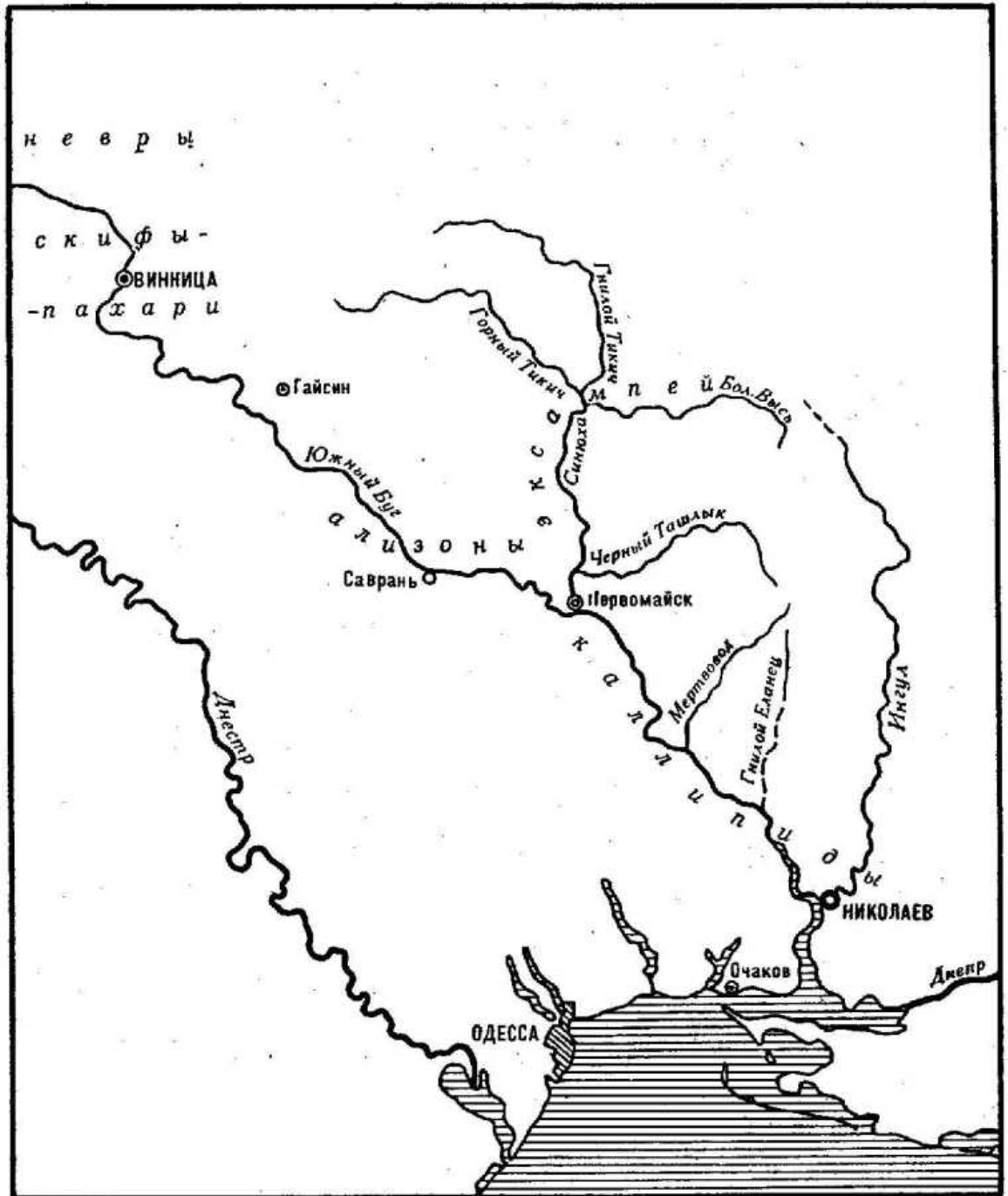

Рис. 20. Гипанис по Геродоту

Теперь необходимо решить вопрос о верховьях Эксампея. Дело в том, что Синюха не имеет собственного притока и образуется от слияния в одном месте сразу трех речек: Гнилого Тикича, Горного Тикича и Выси. Какая из этих трех речек является верховьями Эксампея? Где же находилась эта одноименная местность, в которой, как сообщает Геродот, стоял котел Арианта? Если взять такой фактор, как соленость, то выбор падает на Высь. Именно в ее долине находятся упомянутые соленые озера, в которых добывали соль, именно в этой местности много солончаков и соленых грунтовых вод. На мой взгляд, этих данных вполне достаточно для того, чтобы считать Высь верховьями Эксампея. Но для большей убедительности обратимся к другому признаку. Поскольку местность Эксампей (Священные пути) единодушно считается узлом торговых путей, а также культовым местом Скифии, то здесь, безусловно, должно быть большое количество

греческого импорта. В таком случае достаточно взглянуть на карту распространения греческих находок, чтобы убедиться, что в верховьях Гнилого и Горного Тикичей вообще нет никакого импорта, тогда как весь бассейн Выси буквально насыщен им, чем резко выделяется во всем Побужье и Поднепровье¹⁴. Все это убеждает в том, что, вероятнее всего, Высь является верховьями Эксампея. Видимо, у ее истоков следует искать одноименную местность, в которой находилось скифское святилище. Возможно, со временем это святилище удастся найти. Ведь вплотную его поисками пока никто не занимался. Этот выдающийся памятник скифской истории еще ждет своего исследователя.

Рассмотрим вопросы этногеографии Скифии, связанные с локализацией Эксампея. Геродот сообщает, что, по Гипанису, начиная от торжища борисфенитов, «первыми живут каллипиды, которые являются эллино-скифами; над ними — другое племя, которое называется ализоны. Над ализонами живут скифы-пахари... Выше этих живут невры, а над неврами — земля, обращенная к северному ветру, на всем известном нам протяжении безлюдна» (IV, 17). Локализация Эксампея дает возможность уточнить некоторые границы расселения племен. Вернемся к словам Геродота о том, что «вблизи земли ализонов Тирас и Гипанис сближают свои излучины, но отсюда каждый из них поворачивает и течет так, что промежуток между ними расширяется» (IV, 52). Отсюда следует, что земля ализонов расположена в месте сближения Днестра и Южного Буга. Этот участок тянется от района Гайсина до Саврани. Следовательно, северная граница ализонов проходила примерно в районе Гайсина. А южная граница находилась вблизи Саврани, т. е. несколько выше устья Эксампея. А само устье Эксампея лежало, как свидетельствует Солин (XIV, 1; ВДИ, 1949, № 3, с. 242), уже в пределах каллипидов.

Вот, пожалуй, и все, что можно сказать об Эксам-пее и связанных с ним историко-географических и этнографических вопросах.

¹ *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 87.

² См.: *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны..., с. 280—281.

³ *Шилик К. К.* Географические аспекты сообщения Геродота о горьком источнике на Гипанисе.— В кн.: Проблемы античной истории и культуры, т. 2. Ереван, 1979, с. 450—456.

⁴ *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М., 1979, с. 31—37.

⁵ *Шилик К. К.* К палеогеографии Ольвии.— В кн.: Ольвия. Киев, 1975, с. 80, рис. 15.

⁶ *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны..., с. 236—237.

⁷ *Зенкович В. П.* Дельта Дуная, с. 23.

⁸ *Виноградов Ю. Г.* О политическом единстве Березани и Ольвии.— В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М., 1976, с. 79.

⁹ *Маркс А. Ф.* Новый настольный атлас. Пг., 1915

¹⁰ *Надеждин Н. И.* Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями.— ЗООИД, т. 1, 1844, с. 4.

¹¹ *Яйленко В. П.* К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии.— СЭ, 1983, № 1, с. 55—56.

¹² Там же.

¹³ *Шмидт А.* Материалы для географии и статистики России. Херсонская губерния, ч. I. Спб., 1863, с. 230—234, 443—444.

¹⁴ *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. Свод археологических источников. Д-1-27. М., 1966, с. 45, рис. 7.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенные исследования показывают, что произведения древних авторов в большинстве своем — это достоверный источник для изучения античной истории и географии Причерноморья. Однако еще нередко к ним относятся с недоверием. Такое отношение, как правило, неоправданно. Сведения античных писателей заслуживают

гораздо больше внимания и доверия. Имеющиеся в них противоречия, неясности и расхождения еще не дают оснований делать поспешные выводы и обвинять древних географов и историков в ошибках и неточностях. Прежде чем приписывать им эти ошибки, необходимо разобраться в самом источнике. Подавляющее их большинство имеет вполне объективные причины. Они обусловлены, как правило, двумя обстоятельствами: 1) изменениями береговой линии, 2) контаминацией разновременных источников.

Специалистами давно уже установлено, что уровень Черного моря в античное время был ниже современного как минимум на 4—5 м. К сожалению, этот очень важный вывод далеко не всегда учитывают в историко-географических исследованиях.

Как показывают палеогеографические реконструкции, эвстатическое повышение уровня моря и тектоническое опускание суши повлекли за собой значительные изменения береговой линии, не считаться с которыми нельзя. Особенно большие изменения произошли в мелководной северо-западной части бассейна. В последние 2,5 тыс. лет в результате трансгрессии и интенсивной абразии береговая линия в Причерноморье почти повсюду отступает. В некоторых районах она переместилась до километра и более. Во всем Причерноморье нет такого участка берега, который сохранил бы свой античный облик.

Многие мелководные лиманы и заливы в древности не существовали. Как правило, они представляют собой затопленные устья рек, а иногда дельты. Так, к примеру, на месте дельты Тиры уже в средние века появился Днестровский лиман. А дельты рек, известно, постоянно находятся в эволюции. Происходившие изменения повлекли за собой путаницу еще в древности. Так, античные авторы указывают три, пять, шесть, семь устьев Дуная, и каждое из этих описаний имеет реальное основание, хотя и не совпадает с другими. Перемещения устьев «изменяли» и расстояния до некоторых пунктов. Например, башня Неоптолема и Гермонактова деревня находились сначала «при устье Тиры», а затем в 120 и 90 стадиях западнее.

Палеогеографические изменения привели к тому, что одни острова со временем исчезли, например, остров тирагетов, остров Борисфен, безымянный остров близ устья Борисфена, а другие, наоборот, появились, например, Березань.

За прошедшие столетия море полностью разрушило и затопило целый ряд античных городов и поселений, которые были расположены непосредственно на берегу. Такова судьба Одесса, Кремнисков, башни Неоптолема и других пунктов. Эти примеры наглядно показывают значительность происшедших изменений и необходимость комплексного подхода к изучению источников.

Комплексное изучение письменных, археологических и палеогеографических данных во многих случаях устраняет противоречия и расхождения в сведениях древних авторов, объясняет неясности, облегчает локализацию городов и поселений, местоположение которых долгое время было спорным. Теперь эти названия обрели свое место на историко-географической карте Причерноморья.

Результаты комплексных исследований открывают широкие возможности для источниковедческого анализа произведений древних историков и географов, выделения и датировки разновременных отрывков, для более полного понимания компилятивного характера изучаемых сведений.

Полученные материалы дают новые данные о палеогеографии региона, уточняют время существования островов, перемещения устьев рек, образования лиманов, заливов, скорость трансгрессии, тектоники, абразии, осадконакопления и других геологических процессов.

Итак, мы ознакомились с наиболее интересными и спорными проблемами античной истории и географии Северо-Западного Причерноморья. Дальнейшие исследования помогут со временем окончательно решить эти вопросы. Немало таких же загадок ждут своих исследователей в других районах Понта Эвксинского. Будем

надеяться, что развернувшиеся в последние годы комплексные историко-географические и археологические работы помогут решить или продвинуть решение и этих загадок античного мира и ознакомить читателей с такими же интересными и увлекательными поисками, неожиданными разгадками и впечатляющими результатами.

Список сокращений

ВГО — Всесоюзное Географическое общество
 ВДИ — Вестник древней истории
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
 МАСП (МАПП) — Материалы по археологии Северного Причерноморья
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 СА — Советская археология
 СЭ — Советская этнография
 УЗ ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета
 УЗ МГПИ — Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина
 RE — Pauly's Real-Encyclopadie der classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll

Михаил Васильевич Агбунов

ЗАГАДКИ ПОНТА ЭВКСИНСКОГО (Античная география Северо-Западного Причерноморья)

ИБ № 2776

Заведующий редакцией Ю. О. Гнатовский
 Редактор В. Н. Тихомиров
 Редактор карт Л. Я. Строкина
 Младший редактор Т. Н. Филатова
 Художественный редактор А. И. Ольденбургер
 Технический редактор Н. Ф. Федорова
 Корректор И. В. Равич-Щербо

Сдано в набор 27.07.84. Подписано в печ 11.02.85. А03327. Формат 84x108 1/32. Бум типогр. № 2. Гарнитура «таймс». Высокая печать. Усл. печатных листов 9,24 с вкл. У кр.-отт. 12,6. Учетно-издательских лис 10,38 с вкл. Тираж 70 000 экз. Заказ 32 Цена 50 к.

Издательство «Мысль». 117071 В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова» Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054 Москва, Валовая, 28.